

Бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

КАШКАРЕВА АЛЕНА ПЕТРОВНА

**РЕЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ В ТВОРЧЕСКОМ
НАСЛЕДИИ Н. С. ЛЕСКОВА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Д. В. Ларкович

Сургут – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Полемика о женской эмансипации на страницах отечественной печати второй половины XIX столетия	18
Глава 2. Система воззрений Н. С. Лескова на проблему женской эмансипации в России.....	40
2.1. Проблема эмансипации в лесковской публицистике.....	40
2.2. Отражение «женского вопроса» в эпистолярном наследии писателя.....	59
2.3. Мысли об этических и семейных ценностях в поле интересов Лескова (по материалам «Записной книжки...» 1893–1894 гг.).....	73
Глава 3. Рецепция феномена женской эмансипации в художественном творчестве Н. С. Лескова.....	87
3.1. «В поисках идеала...»: система женских персонажных образов Лескова 1860-х годов.....	88
3.2. «На перепутье»: духовно-нравственные ценности женщины и художественная идеология Лескова 1870-х гг.....	127
3.3. «Или русских женщин лики все в тебе слиты?..»: представления писателя о сотериологической миссии женщины в поздний период творчества.....	142
Заключение	171
Библиография	176
Приложение. Записная книжка Н. С. Лескова 1893–1894 годов.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Процесс исключительно интенсивного усиления роли женщины в общественной и культурной жизни России XIX века получил глубокое и всестороннее отражение в отечественной литературе. Практически все сколько-нибудь значимые художественные силы эпохи были сосредоточены на осмыслении феномена русской женственности и его творческой интерпретации. Образ женщины стал выражением наиболее тонких и сокровенных движений народной души, народного сознания.

Тезис о женственной природе русской религиозности, русской души неоднократно приводился еще в трудах ученых и философов XIX – первой половины XX веков. В работах П. А. Бакунина¹, Н. А. Бердяева², И. Ильина³, В. В. Розанова⁴, Г. П. Федотова⁵, С. Л. Франка⁶ и др. подчеркивается, что самобытные особенности русской национальной ментальности определяются через женственность.

Современное литературоведение нередко обращается к проблемам постижения и осмысления женских образов в художественных и публицистических произведениях писателей XIX столетия. Исследование различных вопросов, связанных с женскими образами, занимает важное место и в лесковедении. Николай Семенович Лесков (1831–1895) – один из тех русских писателей, кто не остался в стороне от обсуждения так называемого «женского вопроса» в России и выразил свое особое понимание феномена эмансипации. В разных формах авторского высказывания (публицистика, письма, записная книжка) выявляется позиция Н. С. Лескова в осмыслении миссии женщины. Женские персонажи его художественных произведений – образное выражение

¹ Бакунин П. А. Запоздалый голос сороковых годов: (По поводу женского вопроса). СПб., 1881. 458 с.

² Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. 346 с.; Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики // О назначении человека. М., 1993. С. 19–252.

³ Ильин И. А. О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. III. М., 1997. С. 170–181.

⁴ Розанов В. В. Религия и культура. М., 2001. 640 с.

⁵ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Изб. статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. СПб., 1991.

⁶ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. 512 с.; Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. 740 с.

идей автора как о женщине, так и о семье, браке, религии, государстве и пр. Женские персонажные образы играют концептуальную роль в художественной идеологии писателя, поскольку сквозь призму женских судеб он размышляет и о перспективах исторического пути России.

Степень разработанности темы исследования. Целостную картину творчества Лескова помогает воссоздать корпус научных исследований, посвященных изучению поэтики его произведений; взаимоотношений с кругом писателей-современников⁷; специфики философско-исторического⁸, психологического⁹ и социального¹⁰ содержания его произведений; роли традиций (устного народного творчества и древнерусской литературы¹¹) в художественных текстах автора; особенностей жанра сказа в творчестве писателя¹²; влияния Лескова на литературный процесс XX века¹³.

⁷ Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. № 6. С. 97–126; Сементковский Р. И. Николай Семенович Лесков. Критико-биографический очерк // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 36 т. 3-е изд. Т. 1. СПб., 1902–1903. С. 5–20.; Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904. 411 с.; Гроссман Л. П. Н. С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика. М., 1945. 320 с.; Другов Б. М. Н. С. Лесков : Очерк творчества. М., 1957. 190 с.; Неустроев Д. В. «Очарованный странник» Н. С. Лескова: генезис и поэтика: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2006. 180 с.; Малиночка Л. Н. А. П. Чехов и Н. С. Лесков: проблема преемственности : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Тверь, 2008. 179 с.; Волынский А. Н. С. Лесков // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 40–154.; и др.

⁸ Столярова И. В. Лесков и Россия // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Гл. ред. Н. И. Либан. Т. 1. М., 1996. С. 7–100.; Ильин В. Н. Этюды о русской культуре // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 52–115.; Троицкий В. Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования) // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. П. Видуэцкая. М., 2010. С. 31–42.; и др.

⁹ Тюхова Е. В. О психологизме Н. С. Лескова. Саратов, 1993. 106 с.; Головачева О. А. Тема стыда и стыдливости в публицистике Н. С. Лескова: лексико-стилистический аспект // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. М., 2009. Вып. 3. С. 81–89.; и др.

¹⁰ Горячкина М. С. Сатира Н. С. Лескова. М., 1963. 232 с.; Ауэр А. П. Салтыков-Щедрин и Лесков: (к поэтике русской сатиры второй половины XIX века) // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М., 1998. С. 159–180.; Прокофьева И. О. Об особенностях сатирической прозы Н. С. Лескова // Инновационные проблемы филологической науки и образования. Уфа, 1999. С. 106–109.

¹¹ Гебель В. А. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945. 223 с.; Прокофьев Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 118–149.; Мосалева Г. В. Поэтика Н. С. Лескова. Ижевск, 1993. 108 с.; Дыханова Б. С. В зеркале устного слова: (Народное сознание и его стиливое воплощение в поэтике Н. С. Лескова). Воронеж, 1994. 191 с.; Макарова Е. А. Житийная традиция в миропонимании Н. С. Лескова // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. С. 228–233.; Яхненко Е. В. Жанровые традиции древнерусской литературы в творчестве Н. С. Лескова : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2003. 200 с.; Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 2003. 23 с.; и др.

¹² Гусев В. С. «Левша» и стиливые традиции лесковской прозы // В мире Лескова : сборник статей; сост. В. А. Богданов. М., 1983. С. 186–194.; Прокопова И. В. Аксиома о лесковском сказе. К вопросу о принципах изображения индивидуального сознания // Наука – вуз – школа. Челябинск ; Магнитогорск, 1995. С. 82–85.; Каргашин И. А. Сказ в русской литературе. Вопросы теории и истории. Калуга, 1996. 160 с.

¹³ Мухтарова Д. Р. Традиции Н. С. Лескова в творчестве В. М. Шукшина : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01. Тюмень, 2009. 162 с.; Смыковская Т. Е. Национальный образ мира в прозе В. И. Белова. М., 2010. 160 с.; и др.

Отдельной областью лесковианы являются исследования, нацеленные на изучение специфики его персонажных образов. В работах А. А. Горелова¹⁴, Г. А. Косых¹⁵, И. С. Снегиревой¹⁶, Н. Н. Старыгиной¹⁷, В. Е. Хализева и О. Е. Майоровой¹⁸, В. Эджертон¹⁹ и др. осмысляются авторские подходы Лескова в изображении человека, лесковская концепция «праведничества» и новый для русской литературы тип героя-праведника, а также формы бытования подобного типа героя в русской литературе. Например, в представлении Л. Аннинского, праведник Лескова – «кентавр добра и зла»²⁰, по выражению же М. Горького, писатель в лице своих героев начал «создавать для России иконостас ее святых и праведников»²¹. Стержневыми чертами лесковского праведника ученые традиционно признают его заботу о спасении ближних и абсолютную несосредоточенность на себе.

Художественный ономастикон Лескова исследован в работах Л. А. Аннинского²², Ю. В. Барковской²³, В. В. Вязовской²⁴, Н. С. Плещунова²⁵ и др. Основная мысль, доказываемая учеными, в том, что имена собственные, которыми он наделяет своих героев, связаны с автобиографией писателя, кроме того, для художника важен мифологический и религиозный контексты происхождения имени, что, в свою очередь, позволяет более точно характеризовать персонажей.

¹⁴ Горелов А. А. Праведники и «праведнический» цикл в творческой эволюции Н. С. Лескова // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 39–61.; Горелов А. А. Лесков и народная культура. Л., 1988. 294 с.

¹⁵ Косых Г. А. Праведность и праведники в творчестве Н. С. Лескова 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Волгоград, 1999. 224 с.

¹⁶ Снегирева И. С. Типология характеров праведников в романе-хронике Н. С. Лескова 1870-х годов: «Соборяне», «Захудалый род» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Орел, 2002. 211 с.

¹⁷ Старыгина Н. Н. Образ праведника как художественное воплощение христианской концепции человека // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института : материалы. М., 1998. С. 112–121.

¹⁸ Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова : сборник статей; сост. В. А. Богданов. М., 1983. С. 196–232.

¹⁹ Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: (О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека») // Неизданный Лесков : в 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 614–637.

²⁰ Аннинский Л. А. Блаженные и блаженные // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 12.

²¹ Горький М. Н. С. Лесков // Собр. соч.: в 30 т. М. : ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 231.

²² Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. М., 1982. 189 с.; Аннинский Л. А. Русский космос Николая Лескова // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1997. Т. 4. С. 5–74.

²³ Барковская Ю. В. Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н. С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2005. 192 с.

²⁴ Вязовская В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Воронеж, 2007. 196 с.

²⁵ Плещунов Н. С. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне». Баку, 1963. 191 с.

П. Г. Жирунову²⁶, Ю. Н. Кольцовой²⁷, Г. В. Сепик²⁸, И. В. Столяровой²⁹ при анализе мужских и женских персонажей в художественных произведениях автора немаловажными представляются религиозные воззрения писателя. В работах Е. А. Агеевой³⁰, Т. Б. Ильинской³¹, Е. А. Макаровой³² доказывалось, что интерес писателя к еретическим и сектанским учениям отражается и в поэтике его персонажных образов. Влияние агиографической традиции на формирование женских образов Лескова освещено в работах Н. В. Лукьянчиковой³³, Е. А. Макаровой³⁴, Н. А. Филатовой³⁵, Г. А. Шкуты³⁶. Н. В. Лукьянчикова, например, пишет о том, что обращение Лескова к агиографической традиции имеет характер диалога-интерпретации (у Л. Н. Толстого – диалог-полемика). В связи с этим и определена ученым цель обращения к житийной традиции писателем – исследование возможности изображения героини-праведницы в рамках описываемой реальности. Заслуживает внимания позиция исследователей, выраженная в том, что творческое переосмысление писателем сюжетов, образов, мотивов древнерусской литературы приводит к выявлению в его творчестве системы символов, связанных непосредственно с женскими персонажными образами: атрибуты Христа и Богородицы, образ сада, пространство дома и пр.

²⁶ Жирунов П. Г. Аксиологическая триада в контексте творчества Н.С. Лескова: К вопросу о религиозности писателя // Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. М., 2004. С. 119–126.

²⁷ Кольцова Ю. Н. Духовные искания Н. С. Лескова. Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 70-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 87–95.

²⁸ Сепик Г. В. Религиозно-философская идея жизни в логике Н. С. Лескова // Гуманитарные исследования. Уссурийск, 2000. № 4. С. 351–354.

²⁹ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л., 1978. 231 с.; Столярова И. В. На пути к преображению: человек в прозе Н. С. Лескова. СПб., 2012. 327 с.

³⁰ Агеева Е. А. «Лексинские доживалки» в творчестве Н. С. Лескова: (По материалам архива писателя в РГАЛИ) // Женщина в старообрядчестве. Петрозаводск, 2006. С. 152–158.

³¹ Ильинская Т. Б. Феномен «разноверия» в творчестве Н. С. Лескова: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. СПб., 2010. 370 с.

³² Макарова Е. А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н. С. Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 1993. 181 с.

³³ Лукьянчикова Н. В. Влияние агиографической традиции на формирование образа литературного героя в творчестве Н. С. Лескова (на материале «Жития одной бабы») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2008. Вып. 4. С. 44–46.; Лукьянчикова Н. В. Произведения Н. С. Лескова и агиография: диалог-интерпретация // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2009. Ч. 1. С. 175–178.

³⁴ Макарова Е. А. Житийная традиция в миропонимании Н. С. Лескова // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Том. гос. ун-та, 8–10 дек. 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 228–233.

³⁵ Филатова Н. А. Агиографическая традиция в художественной картине мира в повести Н. Лескова «Житие одной бабы» // Картина мира в художественном произведении. Астрахань, 2008. С. 23–25.

³⁶ Шкута Г. А. Агиографические источники рассказа «Котин доилец и Платонида» // Диалог культур. Барнаул, 2004. С. 110–118.

Мнение о том, что в женских образах художника в полной мере раскрылась натура русской женщины, выражают Н. В. Ангелова³⁷, И. П. Видуэцкая³⁸, О. А. Головачева³⁹, О. В. Попова⁴⁰, З. Р. Саитова⁴¹ и др. Исследователи отмечают, что писателю удалось раскрыть глубину характера русского человека сквозь призму изображенных им женских персонажей: смиренных, добродетельных, хищных (согласно классификации З. Р. Саитовой). Для души русской женщины, доказывает Н. В. Ангелова, любовь – величайшая сила, которая способна возвысить мужчину и приблизить его к пониманию Божественных истин.

Интерес писателя к феномену женской эмансипации и созданию женских образов «нового» типа анализируется в трудах Л. П. Гроссмана⁴², Т. Н. Ивановой⁴³, Г. Е. Тамарченко⁴⁴, Л. Е. Хворовой⁴⁵. Ученые обращают внимание главным образом на основной аспект, находящийся в поле зрения писателя, – искаженное представление российского общества об эмансипации (на материале повести «Леди Макбет Мценского уезда» и романа «Некуда»).

Отношение Лескова к толстовству, полемика с Л. Н. Толстым по «женскому вопросу» рассматривается в исследованиях О. В. Анкудиновой⁴⁶, И. П. Видуэцкой⁴⁷, С. Н. Дурылина⁴⁸, Г. Б. Курляндской⁴⁹, И. В. Столяровой⁵⁰,

³⁷ Ангелова Н. В. Типология русского характера в художественном мире Н. С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Мичуринск, 2008. 274 с.

³⁸ Видуэцкая И. П. Н. С. Лесков: пафос практического переустройства жизни и воспитания человека // Очерки русской культуры XIX века. М., 2005. С. 373–413.; Видуэцкая И. П. Николай Семенович Лесков. М., 1979. 64 с.

³⁹ Головачева О. А. Тема стыда и стыдливости в публицистике Н. С. Лескова : лексико-стилистический аспект // Русский язык в системе славянских языков : история и современность. М., 2009. Вып. 3. С. 81–89.

⁴⁰ Попова О. В. Русский национальный характер в хронике Н. С. Лескова «Соборяне» // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. М., 2007. Т. 2. С. 134–138.

⁴¹ Саитова З. Р. Русские женские характеры в прозе Н. С. Лескова // Вестник Башкирского университета. 2006. № 4. С. 112–115.

⁴² Гроссман Л. П. Н. С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика. М., 1945. 320 с.

⁴³ Иванова Т. Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова: романы «Накануне» и «Некуда» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Орел, 2001. 205 с.

⁴⁴ Тамарченко Г. Е. «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова // Вопросы литературы. 1972. № 9. С. 94–119.

⁴⁵ Хворова Л. Е. Опыт прочтения одной известной повести Н. С. Лескова (к 180-летию со дня рождения писателя) // Вестник ТГУ : Гуманитарные науки. Проблемы современной филологии. 2011. Выпуск 12 (104). С. 656–664.

⁴⁶ Анкудинова О. В. Художественное выражение этической концепции Н. С. Лескова 90-х годов (о полемике Лескова с Толстым в рассказе «По поводу Крейцеровой сонаты») // Вестник Харьковского университета. № 217. Харьков, 1981. С. 43–49.

⁴⁷ Видуэцкая И. П. Толстой и Лесков. Нравственно-философские искания (1880–1890-е годы) // Толстой и литература народов СССР. Ереван, 1978. С. 146–159.

⁴⁸ Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост. А. Резниченко и Т. Резвых. СПб., 2014. 895 с.

⁴⁹ Курляндская Г. Б. Лесков и Л. Н. Толстой // Творчество Н. С. Лескова. Курск, 1986. С. 86–111.

В. А. Туниманова⁵¹ и др. В литературоведении достаточно популярной является точка зрения, связанная с тем, что в поздний период творчества (1880–1890-е гг.) Лесков полностью разделял религиозные взгляды Л. Н. Толстого и стал считать себя толстовцем (см., напр., Л. Гроссман). В ряде же работ отмечается, что мировоззрение писателя лишь отчасти совпадало с толстовскими взглядами, а некоторые суждения Льва Толстого (отрицание прогресса и науки, трактовка «женского вопроса») вызывали несогласие со стороны Николая Лескова (В. Туниманов, И. Видуэцкая, Б. Другов).

На родственность отдельных героинь Н. Лескова женским образам И. Тургенева, И. Гончарова указали А. И. Белецкий⁵², Л. М. Петрова⁵³, Н. Н. Старыгина⁵⁴, И. В. Столярова⁵⁵ и др.

Проблема творческих взаимоотношений Лескова и Достоевского, сходство психологического рисунка в характеристиках женских персонажей писателей освещено в работах В. В. Виноградова⁵⁶, Е. М. Пульхритудовой⁵⁷, Ю. И. Селезнева⁵⁸. Исследование идейно-художественных представлений писателей, позволило, в частности, Е. М. Пульхритудовой назвать Ф. М. Достоевского в некотором смысле «учителем» Лескова, что помогло лескововедам обнаружить взаимосвязи творческих исканий художников, в том числе и на примере созданных ими женских персонажей.

Проблема типологии женских образов является одной из приоритетных в трудах отечественных и зарубежных исследователей творчества Н. С. Лескова.

⁵⁰ Столярова И. В. Нравственно-эстетическая позиция Н. С. Лескова в «рассказах кстати» («По поводу “Крейцеровой сонаты”», «Дама и фефела») // Нравственно-эстетическая позиция писателя. Ставрополь, 1991. С. 82–99.

⁵¹ Туниманов В. А. Лесков и Л. Толстой // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений : Избранные статьи. СПб., 2013. С. 347–366.

⁵² Белецкий А. И. Н. С. Лесков. Личность, творчество. Харьков, 1923. Рукопись хранится в архиве А. И. Белецкого.

⁵³ Петрова Л. М. «Фауст» Тургенева и «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова : (К вопросу о характере «женской» драмы) // И. С. Тургенев : мировоззрение и творчество, проблемы изучения. Орел, 1991. С. 48–56.

⁵⁴ Старыгина Н. Н. Образы «светских праведниц» в романах И. А. Гончарова и Н. С. Лескова // Новое о Лескове. М., Йошкар-Ола, 1998. С. 52–63.

⁵⁵ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л., 1978. 231 с.

⁵⁶ Виноградов В. В. Достоевский и Лесков (70-е годы XIX века) // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 487–555.

⁵⁷ Пульхритудова Е. М. Достоевский и Лесков (К истории творческих взаимоотношений) // Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство: Сб. статей / Сост. В. Я. Кирпотин. М., 1971. С. 87–138.

⁵⁸ Селезнев Ю. Лесков и Достоевский // В мире Лескова: Сб. статей / Сост. В. Богданов. М., 1983. С. 123–148.

Рассмотрению отдельных типов женских образов уделено внимание в работе М. Н. Стариковой⁵⁹. Анализ семантического наполнения лесковских образов «обыкновенной» и «страстной» женщин, образов-персонажей женщин «на перепутье», «светских праведниц» предпринят Н. Н. Старыгиной⁶⁰. Ученый определяет своеобразие созданных Н. С. Лесковым женских образов-персонажей в антинигилистическом романе «На ножах» (в контексте философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов). И. Мюллер де Морог⁶¹, изучая типологию женских характеров в творчестве Н. С. Лескова, указывает на специфику лесковского толкования образов евангельских сестер Марфы и Марии⁶² (фактически в основе концепции, предложенной И. Мюллер де Морог, положено христианское учение о душевном устройении, взятое во внимание и Н. Н. Старыгиной). Французский ученый Ж.-К. Маркадэ⁶³ сосредоточился на изучении женских образов в романах писателя «Некуда» и «Обойденные», хрониках «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род»⁶⁴.

Широкий круг научных проблем, связанных с изучением различных аспектов творческой деятельности Лескова, получил достаточно глубокое осмысление, но вместе с тем современное литературоведение, как правило, сосредоточено на рассмотрении частных положений, связанных с постижением художником «женского вопроса». Теоретический и эмпирический материал, накопленный исследователями, по преимуществу не систематизирован и не

⁵⁹ Старикова М. Н. К проблеме женских типов в произведениях Мельникова, Островского, Лескова // Художественное творчество и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1985. С. 56–62.

Исследовательница произвела сравнительный анализ женских персонажей П. Мельникова (Фленушка и Настя), А. Островского (Катерина Кабанова) и Н. Лескова (Катерина Измайлова).

⁶⁰ Старыгина Н. Н. «Душа в мятущихся страстях»: (Образы женщин в антинигилистических романах Гончарова, Лескова, Достоевского) // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск, 1998. С. 196–206.; Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М., 2003. 352 с.

⁶¹ Мюллер де Морог И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Н. С. Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. : Сб. науч. трудов. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 442–454.

⁶² Бытование женского типа Марфы и Марии в творчестве Н. С. Лескова И. Мюллер де Морог доказывает на примере хроник «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род», романа «Соборяне».

⁶³ Жан-Клод Маркадэ. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с франц. А. И. Поповой, Е. Н. Березиной, Л. Н. Ефимова, М. Г. Сальман. СПб., 2006. 478 с.

⁶⁴ Главные героини романа «Некуда» характеризуются ученым в аспекте любовных отношений; по мнению Ж.-К. Маркадэ, женские судьбы романа «Обойденные» реализованы в рамках евангельского сюжета о Марфе и Марии; согласно суждениям исследователя, в лице боярыни Марфы Андреевны Н. С. Лесков представил исторический путь развития России; в женских образах хроники «Захудалый род» представлено два типа религиозности: религия души и религия духа.

обобщен.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что, являясь одним из ключевых пунктов идеологической программы Н. С. Лескова, «женский вопрос» нуждается в комплексном исследовании, учитывающем весь круг имеющихся в наличии источников (художественная проза, публицистика, эпистолярный, дневники) в их смысловой и эволюционной взаимосвязи. Система воззрений Лескова на социальную роль и жизнестроительную миссию женщины в культурной и исторической судьбе России позволяет не только уточнить спорные вопросы авторской стратегии одной из крупнейших литературных фигур второй половины XIX века, но и дает возможность откорректировать существующие научные представления о частностях и закономерностях развития национальной художественной культуры на этапе кардинальных трансформаций общественного сознания.

Объектом изучения является публицистическое, эпистолярное, мемуарное и художественное наследие Н. С. Лескова, отражающее различные аспекты интереса писателя к «женскому вопросу».

Предмет исследования – система идейно-художественных воззрений Лескова на «женский вопрос» в России в их проблемном ракурсе и эволюционной динамике, функционирующих в различных видах письменного высказывания автора (художественная проза, публицистика, эпистолярный, дневник).

Цель диссертационной работы – анализ авторского восприятия феномена женской эмансипации и способов его отражения в творческом наследии Н. С. Лескова как проекции процесса эволюции аксиологической позиции писателя в контексте русского литературного движения второй половины XIX века.

Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных **задач**:

1. Выявить специфику взглядов Лескова на «женский вопрос»:
 - раскрыть характер лесковской рецепции феномена женской эмансипации на материале его публицистических сочинений;
 - уточнить позицию Лескова в понимании миссии женщины, ее

социокультурной функции на основе эпистолярного творчества писателя;

– определить роль «Записной книжки с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды...» в выражении идеологических приоритетов Лескова 1880–1890-х гг.

2. Осуществить комплексный анализ художественных произведений Лескова 1860–1890-х годов, в которых даны текстуальные репрезентации и образные опосредования авторской концепции «разумной эмансипации» и авторского идеала женщины.

3. Проанализировать причины трансформации взглядов писателя на ментальную природу женщины и его отношения к «женскому вопросу».

4. Определить эволюционную логику творческого сознания Лескова на основе его представлений о месте и роли женщины в национальной картине мира.

Методологической и теоретической основой диссертации в осмыслении феномена русской женщины и женской эмансипации являются работы Н. А. Бердяева, И. Л. Богина, Г. Д. Гачева, В. В. Розанова, И. А. Ильина, В. Н. Кардапольцевой, Э. А. Павлюченко, О. В. Рябова, Г. А. Тишкина, И. И. Юкиной и др.; кроме того, анализ творчества Н. С. Лескова осуществлялся с опорой на работы Н. В. Ангеловой, Л. А. Аннинского, А. А. Горелова, И. П. Видуэцкой, Л. П. Гроссмана, Б. С. Дыхановой, А. А. Новиковой-Строгановой, Н. Н. Старыгиной, И. В. Столяровой, В. Ю. Троицкого и др.

Исследование базируется на комплексном подходе, включающем использование сравнительно-исторического, историко-культурного, историко-литературного, сравнительно-типологического, структурно-семантического и биографического **методов**.

Базовые дефиниции работы – *рецепция, феномен женской эмансипации и творческое наследие*.

Рецепция – основная категория рецептивной эстетики⁶⁵. В современной

⁶⁵ Зись А. Я., Стафеецкая М. С. Художественная коммуникация и рецепция как ее завершающее звено // Художественная рецепция и герменевтика: теории, школы, концепции (критические анализы) / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. Ю. Б. Борев. М., 1985. С. 168–201.; Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. М., 2004. С. 201–224; Яусс Х. Р.

теории литературы доказываемая зависимость характера авторской рецепции от конкретной исторической эпохи, национальной культуры и индивидуальных особенностей реципиента. Рецепция социокультурных явлений происходит посредством восприятия культурного наследия, в том числе зафиксированного и в письменной форме. В связи с этим текст (публицистический, эпистолярный, художественный, дневниковый) становится фактом отражения сознания автора, а рецепция выступает своеобразной формой идеологической реакции писателя. По справедливому замечанию Е. Г. Мельниковой, «успех рецептивно-эстетической научной парадигмы определяется <...> разрывом с представлением о независимости искусства от общественно-исторического контекста, <...> исследованием литературного текста как продукта исторической ситуации»⁶⁶. Таким образом, в настоящем диссертационном исследовании рецепция понимается как комплекс идейно-художественных представлений, определяющих отношение автора к реалиям современной действительности, в нашем случае – *феномену женской эмансипации*. Авторская рецепция осуществляется исходя из реалий современной писателю действительности, а также путем его обращения к историческим, философским и религиозным текстам, способствующим осмыслению социальных, исторических, экономических, политических и культурных явлений, связанных с «женским вопросом», а также – к художественным и публицистическим произведениям, в центре которых находится образ женщины.

Феномену женской эмансипации посвятили свои научные исследования С. Г. Айвазова, Е. А. Здравомыслова, Н. Л. Пушкарева, И. И. Юкина и мн. др., определяя его как «общественную деятельность женщин, вызванную особенностями их экономического, гражданского и политического положения, что находит отражение в деятельности организаций, созданных с целью борьбы за

История литературы как провокация литературоведения / Предисл. и пер. с нем. Н. А. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

⁶⁶ Мельникова Е. Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 240.

улучшение этого положения»⁶⁷, освобождение «от угнетения, от предрассудков; отмена ограничений, уравнивание в правах»⁶⁸ и др. Используемое в диссертационном исследовании словосочетание «феномен женской эмансипации» подразумевает особое явление общеевропейской культуры середины – второй половины XIX столетия, в основе которого «процессы социальной мобильности женщин, связанные с социальной дифференциацией женщин как отдельной социальной группы (со своими интересами, отличными от интересов семьи, рода, детей и т.д.) и выходом женщин из приватной сферы в сферу публичную»⁶⁹.

Лесковская рецепция феномена женской эмансипации воплощена в его *творческом наследии*, которое рассматривается нами как совокупность публицистических, художественных, эпистолярных и дневниковых материалов автора. Благодаря подобному подходу, *рецепция феномена женской эмансипации* предстает в системе, как литературно-художественное единство, что позволяет характеризовать идейное содержание текстов, отношение писателя к миру и человеку. Обращаясь к корпусу внеэстетических источников (записная книжка автора, письма), мы придерживаемся концепции М. М. Бахтина, согласно которой «две закономерности управляют художественным произведением: закономерность героя и закономерность автора, содержательная и формальная закономерность»⁷⁰. Автор выступает носителем сознания и не может работать исключительно с эстетическими величинами. Осознание сущности героя, глубины его образа на основе только эстетических элементов не представляется возможным, поскольку «он не будет живым, не будет “ощущаться” его чисто эстетическая значимость»⁷¹. Внеэстетическая реальность – предмет художественного видения, придающий эстетическую объективность воплощаемому образу. Женские образы в творчестве Н. С. Лескова,

⁶⁷ Юкина И. И. Истоки женского движения в России // Все люди – сестры. Бюллетень / ПЦГИ. СПб., 1993. № 1–2. С. 41–45.

⁶⁸ Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 714.

⁶⁹ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток–Запад: Женские Инновационные Проекты». М., 2002. С. 249.

⁷⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; прим. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М., 1979. С. 172.

⁷¹ Там же. С. 173.

характеризуемые в аспекте семантики, типологии и концептуальной динамики, предстают как особая знаковая система, отражающая определенный смысловой комплекс, в котором закреплено диалектическое единство архетипических, культурно-стереотипных и индивидуально-авторских представлений о женщине в контексте русской культуры XIX столетия.

Комплексный анализ рецепции феномена женской эмансипации в творческом наследии Н. С. Лескова представляет собой первостепенную задачу настоящего диссертационного исследования.

Таким образом, *рецепция феномена женской эмансипации в творческом наследии Н. С. Лескова* – система авторских воззрений на «женский вопрос» и их текстуальные опосредования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Представления Лескова о женщине имеют системный характер и опосредованы в его публицистическом, эпистолярном и художественном творчестве.
2. В первой половине 1860-х гг. Лесков активно включился в обсуждение актуального для русского общественного сознания второй половины XIX столетия «женского вопроса» и его ключевой категории – «эмансипация», обозначив свою позицию посредством разработки и обоснования понятия «разумная эмансипация».
3. В публицистических сочинениях 1860–1870-х годов Лесков пропагандировал идею включению женщины в общественную и культурную жизнь при условии сохранения и понимания самой женщиной своей высокой жизнестроительной миссии.
4. Эпистолярное наследие Лескова наглядно демонстрирует изменение взглядов писателя на женщину в ранний и поздний периоды творчества, что обусловлено все усиливающейся религиозностью автора.
5. «Записная книжка...» Лескова отражает идейно-эстетические приоритеты позднего творчества писателя (1880–1890-е годы). Необходимость ее ведения была продиктована потребностью найти подтверждение собственным

размышлениям и гипотезам в отношении «женского вопроса», которые, по большей части, были связаны у автора с постижением христианского вероучения.

6. Развитие литературных взглядов Лескова в осмыслении женской эмансипации и сущности женщины проходило в три этапа: 1860-е годы – 1870-е годы – 1880–1895 гг. Для каждого этапа характерен особый спектр женских образов-персонажей, при этом выявленные типы женских образов представляют собой художественное единство, имеющее признаки системности.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается внутренне мотивированным и целостным охватом творческого наследия Н. С. Лескова, опорой на обширную научно-исследовательскую базу теоретических и историко-литературных исследований.

Научная новизна исследования обусловлена потребностью в монографической разработке проблемы, связанной с характером рецепции феномена женской эмансипации и особенностями женских образов в творческом наследии Н. С. Лескова.

В работе впервые осуществлен комплексный анализ рецепции «женского вопроса» в произведениях писателя, представленный в ракурсе ее эволюционной динамики. Обширный художественный, эпистолярный, публицистический и мемуарный материал, репрезентативно представляющий основное содержание творческой деятельности писателя 1860–1890-х гг., рассматривается в аспекте взаимосвязи и взаимообусловленности.

Кроме того, впервые в научный оборот вводится источник, ранее практически не привлекавшийся к исследованию творчества Лескова, – неопубликованные материалы записной книжки писателя 1893–1894 годов, хранящейся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства. В приложении к работе представлен полный текст записной книжки, на основе которого существенно корректируются научные представления об идейном содержании творчества Лескова последних лет жизни.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что ее

материалы могут быть использованы при разработке теоретических проблем, связанных с постижением закономерностей русского литературного процесса второй половины XIX столетия, в частности при осмыслении аксиологических приоритетов эпохи в их художественном выражении.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные выводы могут использоваться в качестве комментария к публицистике и художественным произведениям Лескова, а также в научно-исследовательской и вузовской практике (в рамках преподавания курса «История русской литературы XIX века» и спецкурсов соответствующей тематики).

Материалы диссертации прошли **апробацию** при их обсуждении в ходе работы аспирантского семинара и на заседаниях кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, а также на заседании кафедры классической литературы и фольклора Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (заведующий кафедрой – О. В. Зырянов, доктор филологических наук, профессор).

Основные положения работы были изложены и обсуждены в докладах на научных конференциях: «Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс» (Сургут, 2010, 2012–2013), «Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика» (Москва, 2011), «Творчество Н. С. Лескова в современном изучении» (Орел, 2011), «Классические традиции и инновационные технологии в современной текстологии и источниковедении» (Москва, 2012), «Уральская лесковиана: наследие Н. С. Лескова в современном изучении» (Екатеринбург, 2013), «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2014; 2016), «Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления» (Сургут, 2016).

Материал диссертации использовался автором при чтении курса «История русской литературы XIX века», а также в рамках спецкурсов «Женская журналистика как феномен русской культуры XIX столетия», «Особенности женских образов в творческом наследии Н. С. Лескова».

Основные результаты исследования представлены в 15-ти публикациях,

четыре из которых – в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Общий объем опубликованных материалов – 4, 5 п. л.

Объем и структура исследования определяются его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения. Общий объем – 231 страница. Библиографический список включает 309 наименований.

ГЛАВА 1. ПОЛЕМИКА О ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

В середине XIX столетия Россия оказалась в ситуации выбора собственного исторического пути⁷², и в этот период центральными становятся проблемы семьи, взаимоотношения поколений. И. А. Гончаров в предисловии к роману «Обрыв» отмечал: «Вопросы о религии, о семейном союзе, о новом устройстве социальных начал, об эмансипации женщины и т. д. – не суть частные, подлежащие решению той или другой эпохи, той или другой нации, того или другого поколения вопросы. Это общие, мировые, спорные вопросы, идущие параллельно с общим развитием человечества, над решением которых трудились и трудится всякая эпоха, все нации... И ни одна эпоха, ни одна нация не может похвастаться окончательным одолением ни одного из них...»⁷³. Кроме того, «в бурные 60-е гг. XIX века обнаружился “обрыв” связи времен, “обрыв” связи поколений (проблема “отцов и детей”), “обрыв” в женской судьбе (“падение” женщины как плода эмансипации)»⁷⁴ – пошатнулись фундаментальные основы бытия, которые требовали реконструкции.

XIX столетие – период активного и стремительного развития российской публицистики. На страницах печати обсуждается достаточно широкий круг проблем экономического (вопросы развития промышленности, сельского хозяйства, денежного оборота и т. д.), исторического, политического и светского характера. Публицистика превращается в своеобразную трибуну для постановки и обсуждения вопросов века, в частности «женского». Высокую значимость участия

⁷² Проводились преобразования, которые должны были остановить явное отставание России от наиболее развитых стран мира. Совершенствование общественной системы и упразднение крепостничества осознавались как безотлагательная потребность. Данные преобразования, получили название «великие реформы» и включали в себя крестьянскую реформу (1861 г.), земскую реформу (1864 г.), судебную реформу (1864 г.), цензурную реформу (1865 г.), морские реформы (1850–1860-х гг.), финансовые реформы (1860-х гг.), университетскую реформу (1863 г.). Реформы привели к отмене крепостного права и политическому освобождению российского крестьянства, создали условия для стремительного развития страны, положили начало становления гражданского общества, правового государства.

⁷³ Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1952–1955. Т. 8. С. 154–155.

⁷⁴ Мельник В. И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. М., 2008. С. 283–284.

женщины в историческом процессе отмечали многие авторы. В исследованиях, касающихся женской судьбы, приоритетной является мысль о необходимости изучения специфики внутреннего мира женщин, но главное – в уточнении их роли в формировании национального менталитета и национальной культуры. Специалист в области истории женского движения России И. И. Юкина справедливо отметила⁷⁵, что «именно в середине XIX века женщина впервые становится объектом исторического исследования, и впервые была предпринята попытка изменить исследовательскую стратегию по отношению к женской теме. Общациональная дискуссия 1860-х гг. по поводу “женского вопроса”, новые социальные практики женщин, формирование женского движения сделали актуальной тему исторического прошлого русской женщины, заставили исследователей обратиться к проблеме роли и значения женщины в истории России. Появилась необходимость в знаниях о женщинах, вырос спрос на “женскую” тему»⁷⁶. С 1850-х годов были опубликованы книги и статьи по женской проблематике⁷⁷, охватывающие самые разнообразные темы: специфика женского труда, перспективы профессионального роста, воспитание и необходимость образования женщин, предназначение женщины (вопросы любви и брака), зарождение и развитие женского движения и т. д. В большинстве случаев пониманию специфики «женского вопроса» посвящали свои работы мужчины-критики, которые по-своему, с мужской точки зрения старались объяснить столь остроактуальное явление современности. Естественно, что при

⁷⁵ С похожей точкой зрения выступил Г. А. Тишкин, подтвердив, что к концу 40-х – началу 50-х годов XIX века в русской прессе установилось единодушное мнение о существовании «женского вопроса», о его важности и необходимости разрешения. См.: Тишкин Г. А. Женский вопрос в России. 50–60-е годы XIX века (гл. II. Женский вопрос в публицистике на рубеже 50–60-х годов). Л., 1984.

⁷⁶ Юкина И. И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: Материалы к библиографии. СПб., 2003. С. 3.

⁷⁷ См.: Афанасьев А. Н. Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой. // Отечественные записки. 1860. Т. 126. С. 181–218; Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси. // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 238–268; Веселовский А. Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви. // Беседа. 1872, № 3. С. 245–299; Ешевский С. В. Царствование Елизаветы Петровны. // Отечественные записки. 1868, № 5–7; Ефименко А. Я. Крестьянская женщина. // Дело. 1873, № 2; Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников. // Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872; Михневич В. О. Женское правление и его противники. // Исторический вестник, 1882, № 2. С. 261–271; Шашков С. С. История русской женщины. СПб., 1879; Щапов А. П. Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России. // Щапов А. П. Соч. СПб., 1906. Т. 2. С. 55–101; Харламов И. Женщины в русской семье. // Русское богатство. 1880, № 3. С. 59–107; № 4. С. 57–111; Шульгин В. Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850. 106 с.

анализе феминизма, процесса эмансипации учитывался общеевропейский опыт, делались наблюдения над ставшими классическими образцами публицистической мысли зарубежных авторов, поскольку эмансипация – это явление европейское, и масштабное его обсуждение началось именно в европейской прессе. Русская же «версия» «женского вопроса» – это результат диалога с европейской культурой. Активное обсуждение «женского вопроса» в российской публицистике было вызвано работами немецких философов – К. Маркса и Ф. Энгельса. В 40–50-е годы XIX века в работах «Святое семейство» (1845), «Немецкая идеология» (1845–1846), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) К. Маркс и Ф. Энгельс определили причины возникновения социального неравенства по признаку пола, связывая превосходство мужчины, его главенствующую роль в браке с возникновением частной собственности. Данная идея наиболее рельефно выражена в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). По мнению автора, явление дискриминации женщин возникает в связи с тем, что изначально (еще с первобытных времен) власть сконцентрировалась в руках мужчины, поэтому женщина, занятая устройством жилища, воспитанием детей, оказалась в конечном итоге в экономической зависимости от мужа: «Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения»⁷⁸. Отголоски этого явления, как считает Ф. Энгельс, проявились в дальнейшем в отношении общества к процессам эмансипации (миссия женщины исключительно в воспроизводстве потомства, продолжении рода), и по этой причине современное общество было не готово отказаться от веками сложившегося стереотипа в восприятии предназначения женщины.

Немецкие мыслители говорили о необходимости пересмотра сложившейся ситуации в отношении женщин. В доказательство Маркс использовал в работе

⁷⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1976. С. 61.

«Святое семейство» цитаты из произведений французского философа и социолога Ш. Фурье⁷⁹: «Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации»; «Унижение женского пола есть существенная характерная черта как цивилизации, так и варварства. <...> За то, что женщина содержится в рабстве, никто не оказывается наказанным в большей степени, чем сам мужчина»⁸⁰. Маркс и Энгельс репрезентируют мысль о том, что каждый должен понимать то, что общественные перевороты невозможны без активного женского участия в устройстве мира, в устройстве своей собственной судьбы. Привлечение женщин к решению вопросов экономики, политики, включение их во все сферы жизни самым благотворным образом может повлиять на становление и развитие современного общества, на упрочение могущества страны, на прогрессивное развитие человечества в целом.

Похожие идеи транслирует Джон Стюарт Милль в статье «Об эмансипации женщин» (1851), написанной им в соавторстве с женой, Гарриет Тейлор Милль, и в работе «Подчиненность женщины» (1869), получивших широкое распространение в России. Автор указывает на необходимость пересмотра основных сфер жизни женщины (личной, семейной, общественной, политической, экономической), поскольку сложившаяся в обществе система восприятия роли женского начала возникла из того факта, что с доисторической поры человеческого общества каждая женщина оказывалась в рабском положении. Канон патриархальной семьи, где главенствовала сила как инструмент влияния на женщину, не исчерпал себя в полной мере, поэтому женщина была вынуждена оставаться в зависимости от мужа. Дж. Милль настаивал на мысли, что недопущение женщины в сферу профессиональной деятельности губительно не только для нее самой, но и для мужчины, для всего социума: «...На место воображаемых зол становятся настоящие и гораздо худшие, потому что каждое стеснение, налагаемое на свободу далее того, что нужно для удовлетворения принципа личной ответственности, иссушает главный источник человеческого

⁷⁹ Маркс цитирует следующие произведения Ш. Фурье: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» «Новый хозяйственный и социетарный мир».

⁸⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. М., 1955. С. 214.

счастья и лишает род человеческий неизмеримого количества всего того, что делает жизнь дорогою каждому отдельному человеку»⁸¹. С. А. Короткова⁸² (член Российской Ассоциации исследователей женской истории), обратившись к работе Джона Стюарта, указала, что основную мысль работы сам философ выражает следующим образом: «Принцип, которым управляются общественные отношения между обоими полами, и влекущий за собой легальную подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей ложен и составляет одно из главных препятствий к прогрессу человечества; вследствие чего его надлежит заменить принципом полного равенства, не допускающим ни власти и преимущества для одной стороны, ни воспрещений для другой»⁸³. Необходимым условием для ограждения достоинства женщины, для поддержания фундаментальных основ формирования семьи, здорового развития общества необходимо разрешить ей заниматься любыми профессиями и занимать любые должности, поскольку в силу своих индивидуальных особенностей женщина способна раскрыться в полной мере исключительно в условиях равноправия, что привело бы к истинному (а не мнимому) женскому совершенству: «Если женщины действительно чем-нибудь лучше мужчин, то это именно способностью к личному самопожертвованию ради членов своей семьи. Но я этому качеству не придаю особой цены до тех пор, пока им со всех сторон внушают и твердят, что они рождены и созданы исключительно для самопожертвования. Я полагаю, что равноправие *поуменьшило бы чрезмерное, преувеличенное самоотречение, составляющее нынешний искусственный идеал женского совершенства*»⁸⁴. При этом автор работы

⁸¹ Милль Дж. С. Подчиненность женщины. Пер. с англ. с предисл. Ник. Михайловского и прилож. писем О. Конта к Д. С. Миллю по женскому вопросу. СПб., 1869. С. 254.

⁸² См. : Короткова С. А. Положение женщин в США по материалам российских журналов второй половины XIX века // В кн. : Адам & Ева. Альманах гендерной истории Ч. 11. М., 2006. С. 199–208.; Короткова С. А. Первые женщины-издатели в Америке // В кн. : Америка. Материалы XXXIV международной конференции «Отражение и интерпретация истории в культуре США». 12–17 декабря 2008 г. М., 2011. С. 187–194.; Короткова С. А. К вопросу о женских милосердных организациях в России. // В кн. : Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). Материалы Восьмой международной научной конференции Российской Ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН, 8–11 октября 2015 года, Старый Оскол / Отв. ред. : Н. Л. Пушкарева, З. З. Мухина. Т. 1. СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. С. 104–108.

⁸³ Милль Дж. С. Подчиненность женщины. Пер. с англ. с предисл. Ник. Михайловского и прилож. писем О. Конта к Д. С. Миллю по женскому вопросу. СПб., 1869. С. 2.

⁸⁴ Там же. С. 104.

указывает, что самопожертвование как качество женщины вполне приемлемо, оно составляет одну из стержневых особенностей ее характера. В своем же проявлении это качество не должно выходить за разумные пределы, т. е. самопожертвование и отречение не являются основой жизни женщины. Отсюда неверным для Милля является представление о социальной миссии женщины: «Все нравственные правила, которым учат женщин, внушают им, что долг женщины и притом природное душевное влечение ее – жить для других, предаться полному самоотречению и не иметь жизни, кроме как в своих привязанностях»⁸⁵. Привязанностями женщины в понимании современного общества философ называет мужа и детей. Они должны стать для нее единственным смыслом жизни, но и чувство материнской любви мужчина способен превратить в средство подчинения женщины. Справедливой видится философу мысль о том, что критика профессиональной деятельности женщин не должна быть чрезмерной, поскольку, по сравнению с мужчинами, женщины вступили на научное и литературное поприще гораздо позже.

Данная статья Дж. Милля читалась всеми образованными представителями русского общества и представляла несомненный интерес, который побуждал выступать с собственными оценками и суждениями отечественных философов, критиков и публицистов. Своеобразным анализом статьи Дж. Милля можно считать работу Н. Страхова «Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины”» (1871). Труд литературного критика – это не только отклик на произведение Дж. Милля, но и самостоятельное сочинение, касающееся «женского вопроса».

Н. Страхов поставил перед собой задачу внести необходимые пояснения в интерпретации «женского вопроса», поскольку восхищения по поводу труда Милля отечественный критик не разделял. Он отмечает, что весь смысл работы Милля, ее главное положение заключается в следующих словах: «Никто в настоящее время не имеет права утверждать даже, что есть какая-нибудь разница между обоими полами, рассматриваемыми как разумные и нравственные

⁸⁵ Там же. С. 87.

существа»⁸⁶. Критик не согласен с тем, что только к этому сводится «женский вопрос», и не понимает, почему Милль допускает физическое различие между мужчиной и женщиной, но отвергает различие их умственных и нравственных качеств. Сам же отечественный философ говорит о том, что мужчина и женщина – два разных организма и различие их вполне объяснимо. По Страхову, представления Милля о порабощении женщин, их подчиненности искажены, поскольку желание мужчины видеть женщину в роли матери, хранительницы очага естественно и вызвано, во-первых, любовью к ней, желанием сделать женщину своей подругой по жизни, во-вторых, объясняется приверженностью культурным традициям. Тезис о том, что женщина в русской культуре обретает ценность в ипостаси матери, заявлен в работе О. В. Рябова «Русская философия женственности»⁸⁷. Если в дохристианскую эпоху материнство – категория общественно необходимая, поскольку рождение детей являлось процессом естественного приумножения и сохранения рода⁸⁸, то в период распространения христианства оно сакрализуется⁸⁹ и становится ключевым в постижении русской женщины, ее миссии на протяжении веков. Так, В. Н. Кардапольцева, анализирувшая историю развития русской культуры, пришла к выводу, что «женственность, ассоциируемая с материнством»,⁹⁰ – это доминанта, вокруг которой выстраивается весь образ женщины.

Кроме того, критик не принимает утверждение Милля о том, что брак – это товарищество: «Отношения между полами, эти таинственные и многозначительные отношения, – источник величайшего счастья и величайших страданий, воплощение всякой прелести и всякой гнусности, настоящий узел жизни, от которого существенно зависит ее красота и ее безобразие, – эти

⁸⁶ Там же. С. 13.

⁸⁷ Рябов О. В. Русская философия женственности (XI – XX века). Иваново, 1999. С. 46.

⁸⁸ В. Шульгин особо подчеркивает: «Как мать – она воспитывает государству человека, из которого мужчина делает гражданина». См. : Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850. С. 8.

⁸⁹ Особое отношение к беременной женщине проявляла церковь, освобождая ее от земных поклонов, непосильной работы, подчеркивала риск потребления хмельных напитков и проч. Вместе с тем, в народной среде было распространено мнение, что многочадие – это тяжелая доля для женщины, особенно, вышедшей из бедной семьи, что находит отражение в пословицах и поговорках: «Живот болит, детей родит», «Деток родить – не веток ломить». См. : Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1957. С. 378–379.

⁹⁰ Кардапольцева В. Н. Женщина и женственность в русской культуре. Екатеринбург, 2005. С. 60.

отношения упущены из виду Миллем и не внесены им в женский вопрос. Это значит – философ выпустил из рассматриваемого явления самую существенную его сторону, и думал однако же понять и объяснить явление»⁹¹. Страхов поддерживал идею, связанную с тем, что брак рассматривается церковью как особое Таинство, благодаря которому муж становится главой союза (христианское учение признает брак союзом), а жена – его опорой. Подобные оценки определяют типичные взгляды на устройство русской семьи и указывают на роль, отводимую женщине в ней.

Специфику брачного союза осмысляет, например, Протоиерей Геннадий Нефедов, доказывая, «в христианском браке муж берет на себя крест семейной жизни, чтобы следовать за Христом. Жене же он предлагает сделать то же, став ему помощницей и другом»⁹². Стоит отметить, что христианский брак открывает супругам дверь к преобразению «душевного тела семьи» в «тело духовное»⁹³ (уход от телесности). На данном этапе развития русской культуры происходит коренной перелом в осмыслении образа женщины, поскольку он прочно связывается с образом Богородицы. Христианский (православный) брак менял статус женщины, в котором она принимала на себя миссию Богородицы. В связи с всевозрастающим культом Пресвятой Богородицы в православной культуре истинно женскими чертами характера считались покорность, молчаливость, терпеливость и смиренность.

Николай Страхов отстаивает мнение, что умозрительные заключения Милля над «женским вопросом» не связаны с Россией. Русские люди, по мнению философа, имеют женский идеал, который свято хранят, поэтому озвученные идеи Милля свидетельствуют о его незнании общественных явлений и требований человеческой природы. Женский вопрос, по заключению публициста, так, как понимает его Милль, «вытекает не из сущности отношений между женщинами и мужчинами, а из источников совершенно посторонних. И,

⁹¹ Страхов Н. Н. Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871. С. 45.

⁹² Нефедов Г. Таинство брака. М., 2005. С. 10.

⁹³ Муретов М. Д. Христианский брак и Церковь // Богословский вестник. 1916. Ч. 4. С. 197.

следовательно, мы вправе сказать, что этот вопрос есть плод непонимания дела, а вовсе не какого-либо слишком глубокого проникновения в него»⁹⁴.

Работы французского мыслителя Ж. Мишле «Любовь» (1858) и «Женщина» (1859) стали важной вехой на пути понимания феминизма в России. Для философа совершенно очевидным является тот факт, что мужчина идет по пути идей, изобретений, открытий, а женщина «бредет по колее прошлого», тем самым автор подчеркивает узость мышления женщин, отсутствие способности генерировать идеи и воплощать их в жизнь. По этой причине он отказывает женщине в доступе к труду, говоря о том, что «женщина не может долго работать, сидя или стоя. От сидячей жизни у нее кровь приливает к голове, грудь раздражается, желудок отягощается, голова тяжелеет»⁹⁵. Главное предназначение женщины Мишле видел в материнстве. В ребенке с самого раннего возраста должны проявиться совесть, чувство справедливости. По мысли публициста, задача матери в том, чтобы любовью, кротостью, порядком и гармонией помогать детской душе. Чувство материнского долга должно быть естественным в облике женщине, пониматься ею как естественная составляющая ее души. Женщина же, вовлеченная в суетный мир обогащения, активной деятельности, не может, согласно Мишле, быть опорой мужчины, воспитывать ребенка, «освящать и облагораживать семью», тем самым она не выполняет своего предназначения, своей миссии.

Важную роль в полемике по «женскому вопросу» сыграла статья французского писателя-социолога П. Прудона «Порнократия, или женщины в настоящее время» (1876), в которой он ссылается на природу, биологическое начало, предопределившее верное распределение ролей и обязанностей между мужчиной и женщиной: женщина – красива, мужчина – силен; миссия женщины – забота о доме и муже, миссия мужчины – активная деятельность на благо семьи. Мыслитель считает, что женщина – это «хорошенькое животное», по своим физиологическим особенностям не способное к мыслительной деятельности,

⁹⁴ Там же. С. 45.

⁹⁵ Мишле Ж. Ведьма; Женщина : [Худож. исследования] : пер. с фр. / Жюль Мишле; вступ. ст. В. Сапов. М., 1997. С. 257.

которая привела бы ее к формированию новых, социально значимых идей. По Прудону, любое нарушение данного равновесия ведет к «общему разложению». В этом контексте и следует понимать название его работы – «Порнократия», отражающее общественную ситуацию, которая вызвана процессами эмансипации и ведет к разрушению фундаментальных основ семьи и брака. Женщина, готовая идти по пути эмансипации, признается Прудоном «простой самкой, болтливой, бесстыдной, ленивой, грязной, лицемерной, агентом проституции и разврата, общественной отвратительницей, саранчой, чумой для семьи и общества»⁹⁶. Таким образом, Ж. Мишле и П. Прудон отрицают равенство мужчины и женщины, рассматривая женщину исключительно в сфере семьи, где главным для нее должно стать воспитание детей и смиренное отношение к мужу.

К числу крупных исследований, повлиявших на понимание российским обществом «женского вопроса», относится и труд А. Бебеля «Женщина и социализм» (один из основателей немецкой социал-демократической партии), впервые напечатанный в 1879 году. «Женский вопрос», считал А. Бебель, – это важнейший вопрос, и его смысл заключается в «положении, которое женщина должна занять в нашем социальном организме, каким образом она может всесторонне развить свои силы и способности, чтобы сделаться полным, равноправным и деятельным членом человеческого общества»⁹⁷. Таким образом, «женский вопрос» для А. Бебеля – органичная часть социального вопроса; автор книги утверждал, что «нет освобождения человечества без социальной независимости и равноправного положения полов»⁹⁸.

Благодаря этим работам взор отечественных исследователей, писателей, публицистов был впервые всецело сконцентрирован на женщине, на женском опыте, женском бытии, что и доказывает деятельность отдельных представителей российской печати середины XIX века⁹⁹.

⁹⁶ Прудон П. Ж. Порнократия, или женщины в настоящее время // Прудон П. Ж. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти. М., 1988. С. 223–316.

⁹⁷ Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 39.

⁹⁸ Там же. С. 39.

⁹⁹ Вопросы истории отечественной журналистики, сведения о работе отечественных журналов содержат работы А. И. Аكوпова, А. Ф. Бережной, В. Г. Березина, Б. И. Есина, А. В. Западова, А. П. Могилянского и др.

Свое понимание «женского вопроса» выразил в статьях В. Г. Белинский. Автор считал, что женщина – нежная мать, преданная супруга – и в этом ее назначение (1830-е годы). «Воспитание женщины должно гармонировать с ее назначением, и только прекрасные стороны бытия должны быть открыты ее ведению, а обо всем прочем она должна оставаться *в милом простодушном незнании*»¹⁰⁰. Кроме того, критик выражал идею, связанную с тем, что роль матери и верной супруги – «святой и великий подвиг ее жизни, вот святое и великое ее назначение»¹⁰¹, но уже в 1843 году Белинский о «женском вопросе» рассуждал несколько иначе¹⁰², считая, что женщина наравне с мужчиной имеет право участвовать во всех сферах жизни (новое понимание прав и задач женщины возникает под влиянием революционной деятельности русских демократов). Женщина – человек, а потом уже жена, мать, хозяйка. Мужчина перестает быть властелином, а женщина – рабой, с обеих сторон устанавливаются одинаковые права и одинаковые обязанности. Белинский смог объяснить и причины неготовности самой женщины осознать свою истинную свободную сущность: «Получая воспитание хуже, чем жалкое и ничтожное, хуже, чем превратное и неестественное, скованные по рукам и по ногам железным деспотизмом варварских обычаев и приличий, жертвы чуждой безусловной власти всю жизнь свою, до замужества рабы родителей, после замужества – вещи мужей, считая за стыд и за грех предаться вполне какому-нибудь нравственному интересу, например, искусству, науке, – они, эти бедные женщины, все запрещенные им кораном общественного мнения блага жизни хотят, во что бы то ни стало, найти в одной любви, – и, разумеется, почти всегда горько и страшно разочаровываются в своей надежде»¹⁰³. Белинский подметил важное обстоятельство: подавленная бесправием женщина, получившая юридическую возможность осуществлять какую-либо деятельность, становилась жертвой «общественного мнения». Более того, критик доказывал, что русская девушка – не женщина в европейском смысле

¹⁰⁰ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1955. С. 225.

¹⁰¹ Там же. С. 225.

¹⁰² В статье по поводу сочинений прогрессивной писательницы Е. А. Ган («Сочинения Зенеиды Р-вой <Е. А. Ган >, четыре части» (1843).

¹⁰³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. VII, М., 1955. С. 666–667.

этого слова, не человек, а невеста. С ранних лет все ее думы и все мечты, сосредоточены на одной *idée fixe*: на замужестве¹⁰⁴. Этим, по мнению Белинского, объясняется то, что женщина не способна к самостоятельной жизни, поскольку сложилась традиция, согласно которой она изначально находится под властью родителей, затем мужа, семьи, а в целом – под гнетом истории, которая не дает ей возможности мыслить о себе как о человеке свободном.

Близки воззрениям Белинского мысли Н. А. Добролюбова о «женском вопросе», которые находят свое отражение в статьях автора, посвященных анализу женских образов в творчестве И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского. Особое значение для русских женщин имели статьи Н. А. Добролюбова «Темное царство» (1859) и «Луч света в темном царстве» (1860).

Опубликованная редакцией «Современника» в 1860 году статья М. И. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» произвела достаточно глубокое впечатление на современников. В ней автор выражал идею, связанную с тем, что «полная перестройка общества невозможна без переделки основания его, семьи; <...> Сомнения в непогрешительности веками утвержденных неравных семейных отношений, неравных общественных прав мужчины и женщины и первые шаги общества к женской эмансипации кажутся мне одними из самых важных, самых характеристических явлений нашего века»¹⁰⁵. Михайлов поддерживал участие женщины во всем многообразии сфер деятельности: в промышленности, науке, искусстве. Критик настаивал на предоставлении женщине прав (политических и гражданских), возможности учиться и трудиться наравне с мужчиной. По мнению публициста, такой подход позволит воспитать новое поколение по законам истинной нравственности и если «ребенок с самых первых лет своих будет видеть в отношениях отца и матери... гармонию прав, обязанностей и действий...»¹⁰⁶, то «женский вопрос» окончательно обретет свое разрешение.

¹⁰⁴ Там же. С. 474.

¹⁰⁵ Михайлов М. Л. Сочинения: в 3 т. М., 1958. С. 426.

¹⁰⁶ Там же. С. 427.

Публицист Г. Е. Благодетель свои взгляды на современные тенденции отразил в статьях «На что нам нужны женщины?» (1869), «Женский труд и вознаграждение его» (1870). По мнению публициста, закрепощение женщины происходило в процессе ее вытеснения из сфер, которые были ранее для нее доступны. Журналист считал, что, если изменится экономическое положение женщины, изменится также и ее нравственное состояние, что поспособствует укреплению брака. Экономическое освобождение виделось публицисту главным условием ее спасения. Предложенная автором концепция экономической эмансипации была основана на привлечении женщин к таким видам деятельности, которые были бы ориентированы на их физическое здоровье; рассматривалась необходимость установления равной с мужчинами оплаты труда, которая гарантировалась законом. Благодетель утверждал, что экономические условия, в первую очередь, влияют на положение женщины. Говоря, например, о проституции, он отмечал, что это зло социального происхождения, которое берет начало из экономического рабства женщины, и со всей определенностью писал, что «кто, кроме идиота, решится в наше время утверждать, что все земное назначение женщины в том, чтобы родить детей и быть в вечном и безусловном повиновении у своего деспота»¹⁰⁷.

Среди тех, кто достаточно остро реагировал на «женский вопрос», был и М. Е. Салтыков-Щедрин. Для него «женский вопрос» был чрезвычайно важен, и, если не сказать больше, писатель ставил проблему женской эмансипации выше, чем вопрос решения общечеловеческих проблем. По Салтыкову-Щедрину, «женский вопрос» можно изменить только путем «коренного изменения жизненных форм», т. е. качественное изменение сложившегося порядка, вовлечение женщин во все сферы жизни, изменение форм сочетания труда (об этом в статье «Затруднения женского дела» (1863) и очерке «По части женского вопроса» (1873)).

Принципиально иной взгляд на женщину обнаруживается в статьях Н. В. Шелгунова («Женское безделье» (1865), «Женское бездушие» (1870)). Автор

¹⁰⁷ Благодетель Г. Е. На что нам нужны женщины? // Дело. 1869. № 7. Отд. П. С. 3.

указывал на праздность дам и барышень, которые, по его мнению, не делают ничего полезного в жизни (публицистом отмечалась общая тенденция времени – отсутствие веры в силу знания). Шелгунов критически отзывался в адрес русской женщины, которой, по заключению критика, были неизвестны самые простые экономические понятия, а овладеть ими со страниц романов и повестей – единственного чтения женщин того времени – невозможно.

В рецензии на брошюру Д. Мацкевича «Заметки о женщинах» Н. Г. Чернышевским подчеркивалось: «Мы достоверно знаем только то, что во всех отраслях деятельности, которые общественным мнением равно открыты для мужчины и женщины, женщины выказывают не менее ума, характера, гениальности, нежели мужчины»¹⁰⁸; несмотря на то, что Н. Г. Чернышевский развивал тему женской судьбы, неравной борьбы, которую вела одаренная женщина с предрассудками общества, деспотизмом семьи, по большей части он забывал о природном предназначении женщины, ее предназначении быть матерью. Подобные идеи казались современникам (и Н. С. Лескову) утопичными, оторванными от жизни, поскольку рациональный подход к осмыслению фундаментальных основ бытия несостоятелен, разум без духовности – это путь, обрекающий человека на трагедию – личную и всечеловеческую. При этом Н. Г. Чернышевского можно назвать центральной фигурой эпохи по вопросам эмансипации. В романе «Что делать?», по справедливому замечанию И. Паперно, писателем была предложена «модель организации эмоциональной жизни и личных отношений <...>»¹⁰⁹, что вдохновляло несколько поколений людей. Кроме того, исследователь доказывает, что «человеческий опыт, принадлежащий определенной исторической эпохе, трансформируется в структуру литературного текста»¹¹⁰, что естественным образом влияет и на читателей. В романе «Что делать?» художник исследует вопросы брака и любви, и, как отмечает И. Паперно, для Чернышевского «именно удовлетворенная и реализовавшаяся в браке любовь была источником энергии, направляемой на общественную

¹⁰⁸ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. XVI. С. 281–282.

¹⁰⁹ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 29.

¹¹⁰ Там же. С. 8.

деятельность»¹¹¹, т. е. женитьба – это своеобразный акт самореализации, который связывался не только с мечтой об общественном служении, но и с идеями об освобождении человечества, социальном переустройстве (через непосредственное освобождение женщины). Похожую точку зрения высказывают Т. И. Печерская и А. А. Пономарева, раскрывая суть сюжетной ситуации *учитель на кондиции*: «Освобождение не заставляет себя ждать: мать нанимает “дешевого” учителя <...>. Увидев положение “думающей” девушки среди “пошлых” людей, Лопухов предлагает героине заключить фиктивный брак, являющийся единственным способом покинуть семью. <...> Лопухов становится учителем жизни для героини, он проповедует ее новое понимание, новые ценности <...>»¹¹². В программе гармонического устройства человеческих отношений Чернышевского ключевая роль принадлежит женщине, и по этой причине, согласно воззрениям писателя, она должна быть равной мужчине и, в некотором смысле, даже превосходить его. Взгляды Н. Чернышевского на женщину, ее роль в обществе и семье нашли непосредственное отражение в романе автора и повлияли на формирование социальных представлений о женщине в эпоху 1860-х годов.

Среди многочисленных трудов, посвященных осмыслению феномена женской эмансипации в России, следует отметить и работы А. Дмоховского «О правах женщин в России» (1862), А. Гиероглифова «Общественное признание женщины» (1863), Н. Соловьева «Женщина и дети» (1869), П. Бакунина «Запоздалый голос сороковых годов» (1881), отдельные статьи П. Ткачева¹¹³, С. Волконского¹¹⁴, М. Песковского¹¹⁵, С. Шашкова¹¹⁶ и мн. др. Основная идея, которая объединяла авторов этих книг, заключалась в необходимости изучения

¹¹¹ Там же. С. 80.

¹¹² Печерская Т. И., Пономарева А. А. Сюжетная ситуация *учитель на кондиции* в русской классической литературе // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 123.

¹¹³ Ткачев П. Н. Женский труд...: Отзыв о книге // Отечественные записки. 1869. № 1. С. 107.

¹¹⁴ Волконский С. М. Высшее образование женщин в России // Образование. 1893. № 7–12. С. 83.

¹¹⁵ Песковский М. А. Основа организации высшего образования женщин // Русская мысль. 1887. № 1. С. 123.; Песковский М. А. Университетская наука для русских женщин // Русская мысль. 1886. № 11–12. С. 42.

¹¹⁶ Шашков С. Новости женского дела // Дело. 1871. № 11. С. 145.; Шашков С. Хроника женского дела // Дело. 1872. № 5. С. 1.; Шашков С. Хроника женского дела // Дело. 1872. № 9. С. 119.

В книге «История русской женщины» автор сообщает, что «русская женщина до сих пор не имеет своего историка. <...> Знание былых судеб русской женщины представляется не только интересным, но и практически-полезным <...>». Шашков С. С. История русской женщины. СПб., 1879. С. 5.

«женского вопроса». Например, В. Шульгин¹¹⁷ в книге «О состоянии женщин в России до Петра Великого» (1850) подчеркивал, что не последнее место занимает вопрос о женщине – ее семейном и общественном значении. Выход книги В. Шульгина – это явление симптоматичное, поскольку философ указывал на неразрешенность «женского вопроса», его недостаточную степень изученности и на перспективу исследования.

Можно говорить о том, что спектр взглядов на женщину и «женский вопрос» на страницах отечественной публицистики XIX века был необыкновенно широк. Идея о спасительной роли женщины широко транслировалась в печати. Одной из доминант, выраженной в суждениях публицистов XIX века о социальной роли женщин, являлась идея высокой значимости их влияния на общественную жизнь, особенно на ее нравственную составляющую; мыслители отмечали необходимость его усиления. Например, Н. В. Гоголю был важен духовный потенциал женского участия в сфере общественной жизни, его благотворная сила: «Влияние женщины может быть очень велико именно теперь, в нынешнем порядке или беспорядке общества... Чтобы произвести это оживотворение, необходимо содействие женщины <...>»¹¹⁸. Женщина становится своеобразным воплощением «русскости», а все ее характерные черты (забота, верность, жалость, целомудрие) относят к материнскому архетипу. Ее миссия заключалась в сохранении основ «мирового порядка», поддержании исконных основ русской национальной жизни.

Сторонники классических взглядов на образ русской женщины ограждали ее от участия в публичной / светской жизни, поскольку участие в «площадной» жизни воспринималось как поругание женственности, унижение женщины, истребление сакрального. Д. И. Писарев, выступая по этому вопросу, не отстранял женщину от участия в общественной жизни, но предполагал, что у нее могут возникнуть препятствия¹¹⁹. Из этого следует, что женщина, быть может,

¹¹⁷ Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850. 106 с.

¹¹⁸ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1967. С. 210–211.

¹¹⁹ Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 82.

готова и способна оказать содействие в разрешении проблем эпохи, но само общество не позволяет ей вмешаться – «виновата среда».

Общество разделилось на два лагеря, выразивших полярные взгляды в отношении «женского вопроса» и женской эмансипации:

– консервативный лагерь, представители которого отстаивали ценности патриархального уклада жизни (М. Мишле, П. Прудон, Ф. Достоевский);

– либерально-демократический, выступающий за необходимость перемен (В. Белинский, Г. Благосветлов, М. Салтыков-Щедрин).

Сторонники умеренных взглядов признавали унижительное положение женщины и выступали за возможность получения женщинами высшего образования, реализацию себя в общественной жизни, отстаивали их право на экономическую самостоятельность, но не считали возможным подходить с одинаковой оценкой к мужчине и к женщине.

На протяжении долгого времени для публицистов оставался неразрешенным «женский вопрос» и было неочевидным смысловое наполнение понятия «новая женщина». Вступившая на путь эмансипации женщина становилась объектом неизведанным, несущим в себе демоническое начало. По мнению П. Цитовича – профессора гражданского права Новороссийского университета, – «новая женщина» «по наружному виду какой-то гермафродит, понутри – подлинная дочь Каина»¹²⁰. В своей брошюре, вышедшей в конце 1870-х годов, обращаясь к ученым, он писал: «Во имя ваших последних выводов науки и рефлексов с борьбой за дармоедство вы надолго искалечили не только нравственный облик, но даже наружный образ русской женщины. В этом уме была игривость – из нее сделали блудливость. В этом сердце было увлечение – вы превратили его в похоть... Полюбуйтесь же на нее: мужская шапка, мужской плащ, грязная юбка, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвет лица, подбородок вперед, в мутных глазах все: бесцельность, усталость, злоба, ненависть <...>»¹²¹. Подобное отношение к женщинам «нового» типа имело место

¹²⁰ Цитович П. П. Ответ на письмо ученым людям. Одесса, 1878. С. 27.

¹²¹ Там же. С. 27.

быть в истории, поскольку женщины, активно вступившие в борьбу за свои права и свободы, до конца не могли понять собственных устремлений и конечной цели этой борьбы. Вследствие этого русская женщина оказалась на распутье, не понимая «что делать?», будучи в эпицентре все разгоравшихся споров относительно ее судьбы. Направляли женщину на верный путь развития обращением к религии, напоминая, что христианство – религия женщин, оно проповедует мирные добродетели: любовь к людям, терпение, самоотречение, преданность и повиновение.

Начался новый период в истории женского движения в России, что привело к количественному росту различных женских обществ и организаций; расширялись права женщин, появилась возможность получать образование (особой популярностью пользовались медицинские курсы), что приводило не только к духовной, но и их экономической самостоятельности и независимости. С 1890-х годов женщины получили возможность говорить о своих проблемах, в связи с этим растет спрос на женские журналы, где женщины хотели видеть поддержку своих действий, что повлекло за собой изменение постановки проблемы, ее описания и дальнейшего существования. Литературная деятельность стала одной из наиболее распространенных и доступных женщинам (они работали в типографиях, занимали должности наборщиц, верстальщиц газет и журналов). Проблема становления, развития, функционирования «женской» журналистики оставалась одной из самых актуальных и востребованных на протяжении не одного десятилетия. На это явление появились разные по содержанию и форме отклики философов, писателей, публицистов – людей своего времени, переживавших бурные события окружающей действительности и пытавшихся осмыслить их в своем творчестве. В газетах и журналах второй половины XIX века отмечалось, что в русской литературе никогда не было так много писательниц¹²². Н. Н. Надеждин сформулировал основную тенденцию, наметившуюся в журналистике: «Женщина-писательница откликнулась на все господствующие в жизни и литературе направления, отразила в своих сочинениях

¹²² Чуйко В. Современные женщины-писательницы //Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23.

все главнейшие настроения минуты»¹²³. Журналистки стали активными участниками процессов, которые происходили в России, и в их творчестве нашли отражение все частности и закономерности исторического развития страны.

В начале 1890-х гг. XIX века в России появляются очередные женские журналы; их специфической чертой можно считать то, что выпуск изданий осуществлялся женщинами. Обсуждение эмансипации, феминизма вылилось в общенациональную дискуссию, – пишет Т. А. Карченкова¹²⁴, – которую вызвали и поддержали ведущие отечественные журналы: «Рассвет», «Мир божий», «Вестник Европы», «Дело», а также специализированные издания (с начала XIX века большой популярностью пользуется печатная продукция для женщин: «Журнал для милых» (1804), «Московский Меркурий» (1805), «Дамский журнал» (1823–1833), «Лучи» (1850–1860), «Ласточка» (1859–1860), «Модный магазин» (1861), «Новый русский базар» (1866), «Модный свет» (1868) и многие др.); они ставили целью создать на своих страницах образ идеальной женщины – жены, матери, хозяйки; к концу XIX века появляются издания, выпускаемые женщинами для женщин: московский литературный и научный журнал «Друг женщин» (1882–1884) – редактор-издательница М. М. Богуславская; петербургский литературный журнал «Женское дело» (1898–1900) – редактор-издательница А. Н. Пешкова-Толиверова, и петербургский же «Первый женский календарь» (ежегодник) П. Н. Ариан (1899–1916). Особенностью этих изданий является опыт трансляции женских проблем, реалий женской жизни самими женщинами. «Женский вестник»¹²⁵ – журнал, выходивший в Петербурге с сентября 1866 года по январь 1868 года, ежемесячно (издательница – А. Б. Мессарош, официальный редактор – Н. М. Мессарош). В его основном отделе размещались публицистические статьи и беллетристика (программная статья В. А. Слепцова «Женское дело» (№ 1), статья П. Н. Ткачева «Влияние экономического прогресса

¹²³ Надеждин Н. Н. Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц // Новый мир. 1902. № 92. С. 290.

¹²⁴ Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Омск, 2004. 237 с.

¹²⁵ Женский вестник [Спб., 1866–1868] // Русская периодическая печать (1702–1894) : Справочник. М., 1959. С. 479–481.

на положение женщины и семьи» (№№ 1, 2), статья П. Л. Лаврова «Женщина во Франции в XVII и XVIII вв.» (№№ 4, 5) и «Средневековый Рим и папство в эпоху Федоры и Мароции» (№ 7) и др. Печатались произведения Н. Ф. Бажина, Н. Вормса, И. В. Федорова (Омулевского), Л. И. Пальмина, Я. П. Полонского, Г. И. Успенского и др. Издателями подчеркивалось, что «женский вопрос» должен был стать одним из основных вопросов журнала.

Своей миссией редакция издания считала необходимость изыскивать средства к совершенствованию положения русской женщины и «практически указывать на те отрасли труда, где женщина, самостоятельно улучшая свой экономический быт, может быть более полезна семье или обществу»¹²⁶. Данная программа не осуществлялась, т. к. о реальной стороне жизни русских женщин практически не сообщалось. Таким образом, отсутствие четкой программы обрекло журнал на неудачу. Выпуск «Женского вестника» прекратился в 1868 году.

Журнал «Женское дело» осуществлял презентацию творчества женщин заинтересованной аудитории и заявлял об их вкладе в культуру. Главной целью этого издания было создание условий, которые бы способствовали знакомству читателей с научными, литературными и художественными работами женщин в России¹²⁷. Авторами журнала, замечает И. Юкина¹²⁸, в подавляющем большинстве были женщины, и журнал делал видимыми их достижения, их специфический жизненный опыт. В журнале приняли активное участие поэтессы, публицистки – Е. К. Литвинова, В. Микулич, П. С. Соловьева (*Allegro*), М. К. Цебрикова, О. А. Шапир, Л. П. Шелгунова. Возможность выразить авторское «я» получили не только писательницы, но и представительницы женского движения: Н. Бельдерская, П. Стасова, А. Каррик и мн. др.

В связи с появлением материалов по женской проблематике возникла

¹²⁶ Мессарош А., Мессарош Н. Объявление об изд. лит. журн. «Женский вестник» // Женский вестник, 1866, № 1.

¹²⁷ От редакции // Женское дело, 1899. № 1. С. 1–2.

¹²⁸ Юкина И. Дискурс женской прессы XIX в. // Женские и гендерные исследования. № 5. СПб, 2000. С. 32–39.

потребность в систематизации публикаций¹²⁹. Известно, что журнал «Северный вестник» подготовил к изданию специальный указатель русскоязычной литературы по «женскому вопросу»¹³⁰, и этот каталог выявил 1785 произведений по женской тематике, что свидетельствовало о существенном общественном интересе к эмансипации¹³¹.

Среди вопросов, которые волновали женщин-писательниц, можно выделить несколько проблемно-тематических групп¹³²: социально-правовое положение женщин¹³³, женский труд¹³⁴, женское образование¹³⁵ (женщина и наука), женское движение¹³⁶ (становление и развитие феминизма). Обращаясь к анализу женского творчества, критики единодушно признавали, что это прогрессивное явление общественной и литературной жизни. При этом современники часто соглашались с мнением журналиста второй половины XIX столетия С. И. Пономарева, подчеркнувшего, что «природа уделяет женщинам искру таланта, но никогда не дает гения»¹³⁷. Обедняло содержание женского творчества¹³⁸ неспособность к самостоятельному мышлению, излишняя сентиментальность, склонность к драматизации описываемых событий.

Современные критики справедливо отметили, что именно в конце XIX века

¹²⁹ Например, только в период с 1850 по 1860 годы в печати появилось более 140 публикаций по женской проблематике.

¹³⁰ Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. 1887. № 7. С. 1–38.; № 8. С. 33–35.

¹³¹ Похожий указатель литературы по женскому вопросу выходит и в XX веке (1926, сост. Л. Булгакова). После описания книги (автор книги, заглавие, издательство, место издания и год выхода книги, число страниц и проч.) приведены отзывы о ней, целиком или в отрывках, с указанием органов печати, в которых они были помещены.

¹³² При определении проблемно-тематических групп учитывался опыт создания библиографического указателя при тверском центре женской истории и гендерных исследований: Успенская В. И. Женщина и общество: литература по женскому вопросу, изданная в России во второй половине XIX – начале XX века. Библиографический указатель. 2-е изд., перераб. Тверь; Твер. гос. ун-т, 2005. 34 с.

¹³³ См. Безобразова М. В. О Русском женском взаимно-благотворительном обществе. СПб, 1899.; Вернадская М. Н. Назначение женщины // Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб, 1862.; Евреинова А. М. Об уравнении прав женщин при наследовании // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 3.; Зыбина А. Взгляд на значение женщины в исторической жизни народов. М., 1870.

¹³⁴ См. Погожева А. Клубы рабочих девушек в Лондоне // Русская мысль. 1896. № 2. С. 155.; Покровская М. И. Женский труд (по устройству жилищ для бедных за границей) // Вестник Европы. 1898. № 8. С. 764.

¹³⁵ См. Артемьева Н. Женщины и наука // Женское образование. 1876. С. 307.; Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России 1086–1796. СПб., 1890. С. 296.; Некрасова Е. Женские врачебные курсы в Петербурге // Вестник Европы. 1882. № 12.; Щепкина Е. Н. Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 361.

¹³⁶ См. Венгерова З. Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5–6. С. 73.; Лихачева Е. Женское движение за последнее десятилетие // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 271.; Цебрикова М. Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1879. № 2.

¹³⁷ Пономарев С. И. Наши писательницы. СПб., 1891. С. 22.

¹³⁸ См. работы: Абрамович А. «Женщина и мир мужской культуры» (1913); Вейнингер О. «Пол и характер» (1903).

характерная черта женской литературы – активное выражение своего «я». Пришло время, когда женщина могла заявить о себе, своих мыслях и чувствах, при этом не было необходимости скрываться за мужским псевдонимом¹³⁹. Отечественная журнальная периодика в осмыслении «женского вопроса» прошла путь от публикации зарубежных переводных материалов и откликов на них на страницах печати до оригинальных, свойственных исключительно для российской действительности статей о роли женщины в обществе и ее предназначении.

«Женский вопрос» становится предметом философской рефлексии, а осмысление его ключевой категории – «эмансипация», приобретает все больший резонанс в дискуссиях образованных слоев.

Полемика вокруг «женского вопроса», освещаемая в публицистике второй половины XIX столетия, повлияла на изменение отношения российской общественности к женщине и ее природе, способствовала ее участию в различных видах деятельности. При этом, несмотря на достаточно активное включение российской общественности в постижение феномена женской эмансипации, многие вопросы оставались неразрешенными: не было единообразного мнения о том, что понимать под «эмансипацией» в России, вызывала противоречия устремленность женщин проявлять себя в культурной, политической, экономической и социальных сферах, дискуссионным выглядело обсуждение «нового» идеала женщины.

¹³⁹ Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо шестое // Отечественные записки. 1862. № 5. С. 51.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ВОЗЗРЕНИЙ Н. С. ЛЕСКОВА НА ПРОБЛЕМУ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ В РОССИИ

2.1. Проблема эмансипации в лесковской публицистике

Свой взгляд на «женский вопрос» в России во второй половине XIX века выразил прозаик и публицист Н. С. Лесков, вступивший на литературное поприще в 1860 году (по признанию его сына¹⁴⁰, «в отличие от большинства русских беллетристов Лесков чуть не полжизни и не помышлял о писательстве»¹⁴¹). К этому времени художник имел за своими плечами богатый жизненный и читательский опыт, который подготовил его вхождение в литературу. Еще в первый свой приезд в Петербург он побывал в редакции журнала «Отечественные записки», где состоялось его знакомство с известными столичными журналистами С. С. Громеко, С. С. Дудышкиным, А. А. Краевским и др. Эти встречи, атмосфера творчества и повлияли на его решение перейти от деятельности коммерческой к деятельности литературной. Особенности данного периода в жизни писателя осветил А. Измайлов¹⁴² в книге «Лесков и его время», которая основана на воспоминаниях современников литературного деятеля, собственных биографических разысканиях критика: «В том же 1860 году он пробивается в издание более широкого распространения и литературного влияния, – в “С.-Петербургские ведомости”, в “Русский вестник”, стучится в Москве в двери Евгении Тур <...>, издательницы “Русской речи”, а в следующем, 1861-м году мы уже найдем его имя, как определенно выдвигающегося молодого писателя в “Книжном вестнике”, “Северной пчеле”, “Времени”, и даже

¹⁴⁰ Андрей Николаевич Лесков.

¹⁴¹ Лесков А. Н. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954. С. 127.

¹⁴² Александр Алексеевич Измайлов – беллетрист, автор стихотворений, рассказов, фельетонов, критико-биографических очерков (А. И. Левитов, Вс. С. Соловьев, И. Л. Леонтьев-Щеглов и др.). Автор книги «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» (1916) и книги «Лесков и его время» (1921).

“Отечественных записках”»¹⁴³. Начало 1860-х годов станет насыщенным и плодотворным для автора, поскольку Лесков увидел перед собой все отрицательные явления бурной эпохи, проявившиеся вскоре после отмены крепостного права и последовавших за ней реформ местного самоуправления (земская и городская, судебная, военная, народного просвещения, цензуры и др.). В результате преобразований «заколебался основной принцип русской жизни – связь прогресса с крепостничеством»¹⁴⁴, что можно считать рубежом, после которого начинается новая эпоха государства.

Первые статьи и корреспонденции Лескова касались тем социально-экономического характера («О рабочем классе», «О найме рабочих людей», «Очерки винокуренной промышленности»¹⁴⁵ и др.). Его суждения, связанные с развитием российской промышленности и торговли, отличались смелостью и оригинальностью. Автор и сам осознавал, что его откровенная позиция по ряду вопросов встретит неодобрение в среде русских промышленных сословий («Практическая заметка. Об ищущих коммерческих мест в России»): «Итак, господа, мы, по вашему мнению, *щелкоперы*, мы *борзописцы*, мы *теоретики*. Что делать! Пусть будет так. Вы говорите, что не с нашим носом рябину клевать <...>» [ПСС: 30, I, 254]¹⁴⁶. Подобные оценки только усиливали желание Лескова вести активную борьбу против ложных страхов общества в отношении образования и прогресса.

С одинаковой степенью заинтересованности публицист обращается ко всем явлениям окружающей его жизни. Например, он поднимает такую проблему, как взяточничество врачей («Несколько слов о врачах рекрутских присутствий»,

¹⁴³ Измайлов А. Лесков и его время // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 210.

¹⁴⁴ Гроссман В. Все течет... // Судьбы крестьянства. М., 1996. С. 526.

¹⁴⁵ Статью «Очерки винокуренной промышленности» Н. С. Лесков считает своей «первой пробой пера», началом своей литературной деятельности, но первой публикацией Лескова, бесспорно, стала, напечатанная в «Указателе экономическом» в 1860 году заметка «О продаже в Киеве Евангелия». Первой же по времени появления печатной статьей, подписанной полным именем автора, явилась «Корреспонденция» (письмо г. Лескова) в «Санкт-Петербургских ведомостях», под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, Киевском книгопродавце Литове и других» с послесловием редакции.

¹⁴⁶ Все ссылки на продолжающееся «Полное собрание сочинений в 30 т.» (М.: Терра, 1996–...) приведены в тексте в квадратных скобках со следующим указанием: [ПСС: 30]. Кроме того, римской цифрой указывается номер тома, арабской – страница.

1860): «Долго ли еще медицинское сословие будет поставлять адептов зла возмущающим душу бесчеловечным таинствам рекрутских присутствий? Долго ли сословие врачей будет позориться этими манипуляторами, этими сотрудниками общественных неправд, собратами меровых ундеров, этими слезопийцами несчастных матерей, жен и сирот?» [ПСС: 30, I, 168]. Глубина постижения современных автору проблем, особенности их осмысления позволяют характеризовать Лескова как человека прогрессивных взглядов и как автора, стремящегося в своих заметках и статьях не только очертить круг актуальных тем, но и предложить возможные пути выхода из кризиса. Задача человека, по Лескову, в честном выполнении своих обязанностей, что сделает его способным противостоять злу и, как следствие, приведет к искоренению пороков общества.

В «Заметке о зданиях» (1860) публицист продолжает развивать мысль, связанную с тем, что необходимо реконструировать в сознании русского человека идею святости гражданского долга и личной ответственности за совершаемые действия. Беллетрист приводит в пример факт отсутствия благоприятных хозяйственных условий и связывает его с увеличением показателя смертности. Большинство современных зданий «<...> не отвечает самым существенным требованиям людей, которые в них помещаются» [ПСС: 30, I, 151]. Внешнее и внутреннее убранство первостепенно, в то время как «слабая плоть человека <...> не почтена никаким вниманием» [ПСС: 30, I, 151]. У автора в прямой зависимости друг от друга оказываются устройство отхожих мест и число безвременных могил, законные требования общественной жизни и истинные интересы Отечества.

В 1860-е годы Лесков не оставляет без внимания и вопрос, связанный с искоренением пьянства в рабочем классе. Публицист резко отрицательно оценивал *запретительные правила* в борьбе против этого порока и все свои надежды связывал с просвещением¹⁴⁷: «Нужно пролить в массы свет разума,

¹⁴⁷ Этой же позиции придерживался Л. Н. Толстой, который уже значительно позже Лескова, в 1909 году, утверждал (в письме к Д. Н. Бородину), что человек может избавиться от пьянства «не тогда, когда он будет лишен возможности пить, а тогда, когда не станет пить, хотя бы перед ним в его комнате стояло бы вино и он слышал его запах и ему стоило бы только протянуть руку. А это будет только тогда, когда человек будет считать благо

нужно очистить их вкусы <...>; а все это достигается только образованием масс и допущением их к участию в эстетических наслаждениях» [ПСС: 30, I, 201]. Потенциально эффективными Лесков считал воскресные школы, театры, клубы, лектории и правдивые частные истории, служащие примером воздержанности.

Социально-этическая программа Лескова выражалась в следующем: при решении проблем современности нельзя переступать через принятые нормы морали, ориентация на духовно-нравственные ценности позволит преодолеть дисгармонию мира. Подобная установка объясняет проблемно-тематический диапазон его публицистического наследия 1860-х годов, очевидно выраженный в названиях текстов: «О влиянии различных видов поземельной собственности на народное богатство», «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению», «Вопрос о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России», «О переселенных крестьянах», «Страстная суббота в тюрьме», «За воротами тюрьмы» и т. д.

Лесков-публицист был сторонником широких реформ и противником остатков крепостнического строя. Тревогу и возмущение писателя вызывали все еще существующие в русском быту отношения «деспотического своеволия одних и холопской закабаленности других, отношения, оскорбительные для человеческого достоинства обеих сторон»¹⁴⁸. Отличительные особенности лесковской публицистики 1860-х годов – острая постановка вопросов, а также умение находить и беспощадно высмеивать зло. Талант автора видеть, что «сверху донизу совершаются беззакония и злоупотребления»¹⁴⁹, высоко оценил критик С. Раевский, и он же отметил, что писатель не оставался равнодушным к происходящему и видимому им, неустанно демонстрировал готовность «вычищать сор русской жизни»¹⁵⁰.

В центре внимания молодого публициста Россия и ее люди. Размышления о

духовное выше блага телесного». Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 80. Письма 1909 (июль–декабрь). М., 1955. С. 226.

¹⁴⁸ Столярова И. В. Лесков и Россия // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 14.

¹⁴⁹ Раевский С. Публицистика Н. С. Лескова начала 60-х годов // Ученые записки Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А. И. Герцена. Т. 32. Ч. 2, 1958. С. 138.

¹⁵⁰ Там же.

перспективах исторического развития государства¹⁵¹ часто связаны у Лескова с осознанием ценности детей как будущих граждан. В статье «Торговая кабала» (1861) он отражает положение детей (мальчиков), отданных родителями (опекунами) купечеству для обучения и приучения торговому делу. Процесс получения образования преимущественно заключается в отсутствии сна и отдыха, в холопской подчиненности хозяину. Страшное следствие подобного воспитания, по мнению публициста, – отрицание малолетним людом духа религии и слова Христова, отсутствие понятия о чести и долге, нравственности: «От них нечего ждать, а между тем в силу обычного течения дел они выйдут в люди, то есть откроют лавки и в свою очередь замордуют еще одно поколение» [ПСС: 30, I, 205]. Для Лескова очевидно, что угнетение порождает угнетателей. Если должным образом пересмотреть систему воспитания, то отношения между людьми смогут быть выстроены на основе правды и справедливости. Публицист считал, что признаком нравственного здоровья нации является отношение не только к детям, но и к женщине, поэтому одним из самых острых в публицистическом наследии автора становится «женский вопрос»¹⁵².

В одной из своих первых статей, посвященных «женскому вопросу» («Сводные браки в России»), Н. С. Лесков желает познакомить читающую публику с малоизвестным изданием «Архив исторических и практических сведений» и с этой целью выбирает заметку, в которой, по его представлению, поставлен «наиболее живой и вызывающий на размышление, вопрос о “сводных браках”» [ПСС: 30, I, 238]. Лесков анализирует мнение автора статьи П. Муллова (публициста второй половины XIX столетия) о сводных и гражданских браках во

¹⁵¹ См. : Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1998. С. 42.

¹⁵² «Сводные браки в России» (1861); «Русские женщины и эмансипация» (1861); «О наемной зависимости» (1861); «Внутреннее обозрение: Саратовские крестьянки как общественные деятели. – Болезни женщин. – Нечто об эстляндцах и о том, как «Русский инвалид» попал в число опасных изданий. – О неудобствах корреспонденции между Ригою и Петербургом» (далее – «Саратовские крестьянки как общественные деятели», 1862); «Возможность женской эмансипации на деле. – Опыт в калинкинской больнице. – Башкиры и мешярики как образцы для русских эмансипаторов. – Священник Константин Стефанович. – Как будет идти далее вопрос о женщинах, имеющих право лечить?» (далее – «Возможность женской эмансипации», 1862); «О женском отделении нашей типографии» (1863); «Несколько слов ответа Домашнему летописцу “Русского слова” по поводу типографских наборщиц» (далее – «По поводу типографских наборщиц», 1863); «Специалисты по женской части» (1867); «Русские общественные заметки (Женщины и народное образование)» (1871); «Загробный свидетель за женщин» (1886) и др.

Франции и в России, заключая, что в обществе сложилось свое понимание этих явлений: «*Сводный брак* считается плодом невежества и дикости нравов, а *гражданский брак* – последним словом европейской цивилизации» [ПСС: 30, I, 248]. С подобными определениями Лесков был не согласен, поскольку популярность гражданских браков в Петербурге он связывал с развитием нигилизма, и в связи с этим не мог считать их благим делом. Женщина, вступая в гражданский брак, оказывалась в более уязвимом положении, нежели мужчина. Лесков в духе традиционных представлений русского народа о женщине считал, что ей природой предопределено рожать и воспитывать детей, она несет определенную ответственность перед обществом, перед собой, тогда как гражданский муж ни за что не отвечает. Как о национальной трагедии говорит Лесков о браках, которые заключаются по расчету. По мнению публициста, брачный договор возникает только в том случае, если нет другой ценности, которая оказалась бы способной скрепить союз мужчины и женщины. Цель брака, заключенного без любви и доверия, состоит не в духовном соединении супругов, а в примирении их интересов. Н. С. Лесков предлагает свое толкование сводного и гражданского браков, основанное на библейско-талмудическом учении: «*Сводный брак* – весь сущность, весь чувство, корень которого в понятиях поморцев о нравственности; а *гражданский брак* – весь форма, весь выражение недоверия, живущего в сердцах супругов, недоверия, не исчезающего даже в торжественную минуту предвкушения блаженства, сокрытого в высшем акте любви» [ПСС: 30, I, 248]. Сводный брак в основе своей содержит главную ценность – любовь, которая возникает на основе доверия супругов друг к другу и ведет к их духовному родству.

Продолжая осмысление современных проблем российского общества, Лесков публикует статью «Русские женщины и эмансипация». Анализируя «женский вопрос», он опирается на положения работ М. Л. Михайлова («Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе»), Дж. С. Милля («Об эмансипации женщин»), М. А. Филиппова («Взгляд на русские гражданские законы (О браке)»). Свидетельством того, что публицист во многом разделял

взгляды названных авторов, служит тот факт, что в качестве эпиграфа к статье он выбирает цитату из работы Дж. С. Милля, указывая на идейную направленность своего текста: «В интересе не только женщин, но и мужчин, в интересе человеческого прогресса в обширнейшем смысле эмансипация женщин, которую мы часто хвастаемся как совершившимся фактом, не может остановиться на том, что есть. Д. С. Милль» [ПСС: 30, I, 330]. Лесков подчеркивает необходимость обсуждения «женского вопроса» и его разрешения, поскольку понимание процесса эмансипации в России требовало заметных корректировок и устранения стереотипов в его восприятии.

В материале, который размещен в сноске, автор конкретизирует, что понимается обществом под «женским вопросом», оценивает современное состояние проблемы и формулирует свое определение категории «эмансипация»: «<...> под словом *эмансипация* мы разумеем право и возможность *учиться*, право и возможность *честно зарабатывать деньги* и тем содержать семейство, если оно есть <...>, право употреблять на пользу общую данные природой способности. Мы говорим не о забвении обязанностей, удалстве и возможности во имя *принципа* эмансипации бросать мужа и даже детей, а об эмансипации образования и труда на пользу семьи и общества» [ПСС: 30, I, 331–332]. Публицист определяет особенности «женского вопроса» как явления общественной жизни и призывает говорить не столько об эмансипации женщин, сколько женского труда и образования. Смыслообразующим, по замыслу автора статьи, должен явиться *принцип разумности* в осмыслении этого феномена русской жизни. Женщине необходимо работать и учиться, что способствовало бы ее развитию и оказало бы благотворное влияние на институт семьи в России.

Основная часть статьи «Русские женщины и эмансипация» является подтверждением и доказательством тех идей, которые Лесков поместил в сноску. Автор считает важным признать процессы, происходящие с современной женщиной, логичными, своевременными, а отношение общества к ним выстраивать по *принципу разумности*. Он отстаивал данную позицию, поскольку считал, что эмансипация в России – это явление ложное и сводится

исключительно к пренебрежению семейными правами и обязанностями (известно, что мнение Лескова позже поддержал публицист В. П. Мещерский в трудах 1870-х годов, утверждавший, что «женский вопрос» для России – «<...> это вопрос столь же *противуисторический*, сколько *противуестественный*»¹⁵³). Писатель не снимает ответственности и с самих женщин, говоря о том, что «одного протеста, самого красноречивого, еще слишком мало для того, чтобы достичь своей цели; <...> женщины же наши, сетуя на свое зависимое положение, порываются к улучшению своего быта, к своей эмансипации под влиянием минутных впечатлений, без средств, без плана, без обдуманых приемов, да и то больше на словах, чем на деле. Они только все *протестуют*...» [ПСС: 30, I, 340]. Природа этого протеста ясна и понятна, но отказ от активных действий со стороны женщин не может, по мнению беллетриста, способствовать решению проблемы, которая связана с необходимостью пересмотра их участия в сферах жизни, ранее для них закрытых.

Публицистика автора была воспринята кругом литераторов неоднозначно и «никто не признал своим (Лескова. – А. К.) при жизни»¹⁵⁴. Его бранили как за революционность взглядов (обусловлено близостью писателя к революционерам-шестидесятникам), так и за консерватизм. Александр Измайлов в книге «Лесков и его время» категорично заключил, что «затхлым духом брюзжащего старчества веет от рассуждений Лескова об эмансипации женщины <...>. С стариковски-провинциальной опасливостью оценивая женский порыв, Лесков вопиял об... угрозе его добрым нравам»¹⁵⁵. Подобные оценки были направлены, в частности, в адрес рассматриваемой нами статьи, поскольку современники сочли, что писатель заблуждался, говоря о бездействии женщин. На самом же деле 1860-е годы были ознаменованы небывалой их активностью, стремлением к учебе, к получению образования, приобщению к труду и науке. Н. Лесков, на наш взгляд, говорил о смыслах другого порядка, а не только и не столько о внешнем проявлении

¹⁵³ Мещерский В. П. Речи консерватора : в 2 томах. 2-е изд-е. СПб., 1876. Т. 2. С. 72.

¹⁵⁴ Аннинский Л. А. Почва правды // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1993. Т. 3. С. 5.

¹⁵⁵ Измайлов А. Лесков и его время // Н. С. Лесков : классик в неклассическом освещении / отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 217.

женщинами своей независимости. Первое, чего должна добиться женщина, по его мнению, – самостоятельности и понимания того, что эмансипация – это не просто борьба за права и свободы. Лесков старался подчеркнуть: пока русские женщины будут сами считать, что идея эмансипации в неуважении семейных прав, до этого времени и все общество не сможет серьезно отнестись к «женскому вопросу» и позволить женщинам участвовать в общественной жизни. Опасаясь этого, Н. С. Лесков завершает статью призывом к людям своего времени: «В просвещенной, трудящейся и мыслящей женщине легче любить и мать, и подругу. <...> Вне способности быть самостоятельной нет никакой эмансипации» [ПСС: 30, I, 350]. Для преодоления стереотипов, связанных с представлением о том, что женщина находится в подчиненном положении, необходимо сделать возможным ее участие в решении коренных проблем русского общества, способствовать процессу изменения женского самосознания – она должна научиться видеть себя в качестве полноправного члена социальной сферы.

Интересен вектор развития авторской мысли в постижении сути женской эмансипации и специфики проблем, имеющих к ней отношение. Принцип кольцевого развертывания идей характерен для публицистических материалов Лескова, что, очевидно, подчеркивает актуальность темы для самого автора. Например, к проблеме гражданских браков писатель возвращается в ноябре 1866 года, когда на сцене Александрийского театра была поставлена комедия Н. И. Чернявского «Гражданский брак». В названии этой комедии отражен вопрос, который ставит автор – допустим ли в современном обществе гражданский брак. Н. С. Лесков пишет рецензию на постановку и называет ее «Русский драматический театр в Петербурге» (за подписью: «М. С.»). Он указывает на стремление мужчин эмансипировать женщин и делает видимым их отрицание церковного брака, а значит, и святости женщины, которую она получает, вступая в него: «Нигилисты, в отмену церковного брака, не домогались французского брака по контракту, который, собственно, один только и считается “гражданским браком”, а совсем не признавали для человека обязательным, вступив в тесный союз с женщиной, стремиться к упрочнению этого союза на

целую жизнь. Они домогались исключить из своих связей с женщинами всякую солидность и прочность. Их отношения могли быть однолетние, одномесечные, однодневные и даже одномоментные; но они только не должны были составлять особенного секрета и за то назывались на нигилистическом языке гражданскими, или, сколько нам известно, еще чаще естественными браками»¹⁵⁶. Брак в православии – тайна единения двух душ. Нравственная связь и внутреннее единство супругов нерушимы, если их союз в основе имеет чувство любви и высокое взаимное уважение. Подобное отношение к союзу с женщиной для Лескова есть один из важных критериев, позволяющих судить о нравственном совершенстве нации. Стремление нигилистов жить по новым законам стирает ментальные особенности русской культуры. Публицист в этой статье пытается привести мужчин-читателей к пониманию библейской истины – мужчина не может быть полноценным без женщины, как и она без него: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Бытие 2: 24).

К пьесе Чернявского Лесков вернется в статье 1867 года с одноименным названием¹⁵⁷, в которой резюмирует все свои суждения, касающиеся вопроса о сводных браках: «Огромный и вполне незаслуженный успех “Гражданского брака” везде, где только до сих пор была дана эта пьеса, доказывает лишь, как наболели у общества раны, нанесенные ему извращением человеческих понятий об обязанностях человека к семье <...>» [СС: 11, X, 24]¹⁵⁸. Первой страдает от новых веяний женщина, а в итоге – дети, семья, род. Лескова-публициста беспокоит историческое будущее России, поскольку примитивное отношение к ценностям высшего порядка неминуемо приведет к вырождению русского народа. Все силы нации, по мнению писателя, должны быть направлены на то, чтобы материальные ценности уступили место духовным и в сознании русских людей

¹⁵⁶ Стебницкий М. [Лесков Н. С.] Русский драматический театр в Петербурге // Отечественные записки. 1866. № 12. С. 274.

¹⁵⁷ Русский драматический театр в Петербурге.

¹⁵⁸ Все ссылки на «Собрание сочинений в 11 т.» (М. : ГИХЛ, 1956–1958) приведены в тексте в квадратных скобках со следующим указанием: [СС: 11]. Кроме того, римской цифрой указывается номер тома, арабской – страница.

образ женщины прочно ассоциировался с образом России¹⁵⁹.

Созвучной позиции Лескова оказалась идея, выраженная М. Е. Салтыковым-Щедриным в рецензии на комедию «Гражданский брак»: «Да, мы можем сказать смело: церковный брак столь достаточно защищен нашими законами, что положительно не нуждается в чьей-либо защите. А защита, сочиненная г. Чернявским, уже потому неудобна, что главные ее аргументы сосредоточены на половых побуждениях, между тем как закон в своих воззрениях на это установление постоянно держится на исключительно нравственной высоте»¹⁶⁰. Женщина и союз с ней, по мысли Лескова и Салтыкова-Щедрина, должны стать источником духовных сил мужчины, но никак не средством получения выгоды от совершенной гражданской сделки.

Понимая, что духовные ценности нивелируются современным обществом, писатель неоднократно задается вопросом о смысле и необходимости гражданских браков, считая, что поддержание национальных традиций в отношении устройства семьи – первостепенная задача русского человека. В публицистике Н. Лескова постепенно складывается особая философская система, авторская концепция, в основе которой творческое переосмысление религиозных категорий, нравственных основ христианства.

Таким образом, имея свой взгляд на природу эмансипации, Лесков считал принятое в обществе понимание принципа равноправия смешным, а историю «женского вопроса» трактовал только юмористически. Писатель говорил также и о том, что сравнивать русских женщин с женщинами европейскими бессмысленно, ведь «у нас в России, где женщины и по обычаям страны, и по складу нашей жизни свободнее всех женщин западной Европы, у нас, где женщина и перед очами закона равноправна с мужчиною более, чем женщина любого другого европейского государства»¹⁶¹. Сложно согласиться с оценкой, которую дал критик А. Волынский статье Лескова, говоря о том, что «у автора не

¹⁵⁹ Очевидна ориентация Н. С. Лескова в восприятии образа русской женщины на христианское вероучение.

¹⁶⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Гражданский брак. Комедия Н. И. Чернявского // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений: в 20 томах. Т. 9. (Критика и публицистика. 1868–1883). М., 1970. С. 26.

¹⁶¹ Лесков Н. С. Специалисты по женской части // Литературная библиотека. 1867, сентябрь; декабрь. С. 225.

хватило смелости заявить свой протест против эмансипации»¹⁶². На наш взгляд, Лесков являлся не противником, а сторонником эмансипации, но основанной на свободе духа, на желании женщин учиться и трудиться, развиваться и расти наравне с мужчинами.

В более поздние годы Лесков-публицист до конца утверждает в объективности собственных заключений и пишет целый ряд статей, которые посвящены высмеиванию перегибов в понимании женской эмансипации (цикл носит общее название «Специалисты по женской части»¹⁶³, опубликован в «Литературной библиотеке» (1867)). Автор указывает на то, что в России всегда было огромное количество так называемых «вечных вопросов», среди которых: «Мужики люди ли?», «Женщины люди ли?», «Хорошо ли народ учить грамоте?». Он же отмечает, что в числе этих вопросов «женский» отличается своею пустотою, но при этом заметной живучестью. Писатель обращается к истокам его возникновения: «Женский вопрос в России явился совсем не так, как все другие <...>. Женский вопрос не заявлен к разрешению самою русскою жизнью, как поставлены ею, например, вопросы, вытекавшие из реформ судебной и крестьянской <...>. Женскому вопросу не предшествовало никакое событие, вызвавшее его на сцену, а он создан и предложен к разрешению одним человеком – <...> литератором Михаилом Ларионовичем Михайловым»¹⁶⁴. Публицист откровенно сообщает, что благодаря деятельности Михайлова женщины узнали о своем униженном положении, об отсутствии у них прав и о том, что за эти права им же необходимо бороться. Сущность феномена эмансипации в оценке Лескова во многом совпадает с концепцией М. Михайлова, но, соглашаясь по многим пунктам, в целом он считал программы Михайлова и других своих оппонентов, например Н. Г. Чернышевского, несостоятельными. Опасения публициста вызывало возможное появление «новых людей», пропагандирующих отрицание нравственных ценностей, вследствие неверной интерпретации деятельности

¹⁶² Вольтский А., Н. С. Лесков // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 85.

¹⁶³ Данный цикл статей доказывает справедливость выведенного Лесковым еще в 1861 году принципа разумности в постижении «женского вопроса».

¹⁶⁴ Лесков Н. С. Специалисты по женской части // Литературная библиотека. 1867, сентябрь; декабрь. С. 220.

героев, например романа «Что делать?». Лесков выступил противником прямолинейного толкования идей нигилизма и вульгаризации эмансипации.

Рассматривая отношения между мужчиной и женщиной в романе Н. Г. Чернышевского, Лесков отмечает: «Коноводы, обрисованные подробнее других лиц, любят, женятся, сходятся и расходятся. Они сходятся по собственному влечению, без всяких гадких денежных расчетов: любят некоторое время друг друга, но потом, как это бывает, в одном из этих двух сердец загорается новая привязанность, и обету изменяют. Во всех бескорыстие, уважение к взаимным естественным правам, тихий верный ход своею дорогою, никому не подставляя ног, никого не кормя селедками <...>. Такие люди нравятся автору романа <...>». Такие люди очень нравятся мне, и я нахожу очень практичным делать в настоящее время то, что они делают в романе г. Чернышевского» [СС: 11, X, 20–21]. Слова Лескова доказывают, что гражданский брак (по Чернышевскому, «свободная любовь») он не отвергал, как и автор романа вкладывал в это понятие не пренебрежение по отношению друг к другу в семье, а искренность, отказ от деспотизма, насилия над чувствами и ревности. В этом кроется одна из причин, почему Лесков открыто называет В. Г. Белинского, П. Прудона, Ж. Санд сбившимися с прямой точки зрения¹⁶⁵ в осмыслении женской эмансипации и считает, в противовес данным философам и критикам, что женщина должна делать то, что может, а не заниматься только тем, чем дозволено. Благодаря своей самостоятельности, труду женщина сможет стать хорошим общественным деятелем и повысить уровень своего благосостояния.

В середине 1860-х годов в сознании публициста окончательно сформировалась позиция разумного отношения к «женскому вопросу» под влиянием «специалистов», которые отвергали все то, что присуще женственности, женской натуре (скромность, стыдливость, смирение), но которые в профессии женщин, торгующих своими телами, не видели ничего предосудительного.

Лесков настаивал на том, что Россия «семьей крепка», что «счастливая

¹⁶⁵ Н. С. Лесков называет В. Г. Белинского «сбившимся с прямой точки зрения» [ПСС:30, I, 332], наряду с французским философом Прудоном, Рахиль, Жорж Санд еще в статье «Русские женщины и эмансипация», но аргументы, выдвинутые в 1861 году, вновь актуальны для Лескова в 1867.

семья есть ближайший и законнейший из идеалов русского человека»¹⁶⁶. Россия, по мысли автора, нуждается более в женах и матерях, чем в министрах и генералах, но при этом, он отмечает, никогда не было недостатка в женщинах, обладающих умом и истинными добродетелями. У русских женщин свой путь, считает писатель, они идут своею дорогою, не обращая внимания ни на кого, кто выражает мнимую заботу об их женской доле. Русские женщины, по мысли автора, доказали, что могут разумно пользоваться свободой, не злоупотребляя ею. Они не могут и не должны освободиться только от того, от чего не хотят освобождаться, т. е. от своих материнских, женских обязанностей.

В этом цикле статей Лесков-публицист определяет суть женского воспитания, которая выражена в «умножении числа хороших женщин, чему в свою очередь должна помогать здоровым и честным направлением и литература»¹⁶⁷. Он со всей определенностью говорит о том, что «женского вопроса» ни в России, ни в Европе нет. Проблемы, касающиеся семьи (женские и мужские обязанности, интересы, заботы), устройства государства (специфика труда, проблема образования), – общечеловеческие, и нет никакой необходимости создавать отдельно и особым образом выделять вопросы, опираясь на гендерные различия.

Н. С. Лескову было принципиально показать в своих публицистических очерках значимость женского участия во многих сферах жизни, в том числе в больничном и типографском деле. Совершенно неоспоримым для него является тот факт, что женщина должна работать и, что этот труд необходим не столько ей самой, сколько обществу (об этом в статьях «О женском отделении нашей типографии», «По поводу типографских наборщиц»): «Теперь дело действительно уже не в том, чтобы по-прежнему все еще говорить об “устройстве женского труда”, а в том, чтобы его “устроить”, и устроить его поскорее» [ПСС: 30, II, 762–763]. Лесков призывает проводить эмансипацию не на словах, а на деле, т. е. позволить женщинам войти в больницы, типографии, редакции, что, по его

¹⁶⁶ Лесков Н. С. Специалисты по женской части // Литературная библиотека. 1867. Сент.– дек. С. 274.

¹⁶⁷ Там же. С. 280.

мнению, качественно улучшит ситуацию, поможет избежать многих проблем в организации работы данных учреждений. Писатель считает необходимым прекратить «разглагольствовать <...> о достоинстве и равноправии женщин и о женском труде вообще» [ПСС: 30, II, 775] – и действовать. Публицист утверждает, что ни одно обстоятельство не должно стать преградой для женщины, и доказывает, что она способна стать, скажем, отличной типографской наборщицей.

Лесков-публицист сетует на то, что все еще есть в нашем обществе мнение, что женщина не способна к труду, но сам считает, что это суждение неубедительно: «В “Домашней летописи”, помещенной в августовской книжке “Русского слова”, находится несколько нападок как на *применение женского труда к типографскому искусству*, так и на нас, за присвоенную будто бы нами честь изобретения этого применения. Мы очень рады, что “Русское слово” выбрало именно этот вопрос для своего нападка на нас, так как этим оно доставляет нам возможность, в одно время с личными объяснениями, сказать и несколько слов о женском труде в его применении к типографскому делу, насчет которого, как мы имели несколько случаев убедиться в этом, существуют в нашей публике опасения и недоразумения, столь же неосновательные, а некоторые еще неосновательнее, чем те, которые мы нашли в последней книжке “Русского слова”» [ПСС: 30, II, 775]. Писатель в статье «По поводу типографских наборщиц» развенчивает убеждения «Домашней летописи» в несостоятельности женщин как работниц. Аргументы, приводимые Летописцем, по мнению Лескова, «забавные». Ни указание на периодическую беременность женщин, ни предположение о том, что в скором времени наборная машина заменит человеческие руки, не являются обстоятельством, которое бы служило помехой к применению женского труда к типографскому искусству. Автор статьи иронично опровергает довод о беременности, комментируя, что «он столь же относится к кухаркам, швеям и деревенским бабам. Все эти женщины занимаются своими работами, гораздо более утомительными, в особенности кухарки, чем труд набора, иногда до седьмого и даже до осьмого месяца беременности, и еще

никому не пришло в голову объявить женщин по этому поводу неспособными быть кухарками и швеями или заниматься хозяйственными и полевыми работами» [ПСС: 30, II, 777]. Публицист явился защитником женских прав и свобод, понимал необходимость вовлечения женщин в производство, видя в этом возможность качественного и стремительного улучшения жизни (кроме того, эту статью Н. Лескова можно считать полемичной в отношении статей Ж. Мишле «Любовь» (1858) и «Женщина» (1859)).

Писатель отмечал необходимость появления в больницах женщин-врачей. И данная потребность была продиктована реальными обстоятельствами или, точнее, вниманием к особому складу русских женщин: «Многие русские женщины простирают свою стыдливость до того, что сами врачи рассказывают много изумительных случаев, где больная женщина предпочитала смерть невыносимому для нее стыду осмотра врачом-мужинойо <...>» [ПСС: 30, II, 414]. О стыдливости русской женщины как о неотъемлемой части ее души необходимо помнить и решать существующие проблемы (например, процедура медицинских осмотров). Современный исследователь творчества Н. С. Лескова О. А. Головачева обращает внимание на то, что он «в своих статьях призывает общество изменить положение дел, прислушаться к голосу разума, потому что в противном случае пострадают все: те женщины, которые привыкают к таким операциям, быстро становятся падшими (*крестьянская баба легко делается развратницею*) и негативно воздействуют на других»¹⁶⁸. Помимо этого необходимо учитывать, что невнимание к женской природной стыдливости приведет к вымиранию народа, и Лесков доказывает это, говоря, что «<...> прямым последствием этой заботливости является скрытность; болезнь усиливается, передается от молодых старикам и детям, одна семья наделяет им другую, другая третью, и наконец село, по народному выражению, “гниет”» [ПСС: 30, II, 414]. В тревоге автора за судьбу русской нации кроется срочная

¹⁶⁸ Головачева О. А. О языке и стиле произведений Н. С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 2. 2009. С. 7.

необходимость появления женщин-врачей в больницах, т. е. можно говорить о том, что тема женской судьбы горячо и болезненно переживалась сознанием писателя, поскольку сквозь призму женских образов Лесков размышлял о России и о перспективах ее исторического развития.

Автор статей отдавал себе отчет в том, что общество совершенно не готово к принятию женщин-работниц, вследствие чего могут возникнуть сложности в организации их деятельности. Данной проблеме Лесков посвящает еще в 1861 году статью «О наемной зависимости», где создает многомерную картину женских условий труда: «А женский наемный труд!.. Боже мой, что мы с ним сделали? Чего мы к нему не применили, чего не поставили в обязанность наемницы? Нанятая женщина, к какому бы роду занятий она ни была ангажирована, как бы высоко она ни стояла по своему образованию, нравственности и общественному положению, великим большинством общества рассматривается нередко как конкубина [Наложница – лат.], ибо она “нанялась — продалась”, она — рабыня, а рабыня неудобомыслима вне наложничества с господином. Если бы наши женщины, получившие несчастную привилегию наниматься, захотели отбросить стыд и рассказать все, что с ними случилось во время их наемной жизни, они указали бы нам на многие образцы связей, возникших не из чувства влечения и страсти, а по необходимости подчиниться хозяйскому *праву*. <...> Гувернантка, кухарка, экономка, горничная, швея или специалистка другого какого рода — нам все равно, за всяким рукомеслом мы рассчитываем на право хозяина. <...> А вступится женщина за свои права — беда подымется! Скотская страсть разгорается и делается все дерзче <...>. Засим отвергнутый хозяин встает на дыбы, начинает бодаться и устраивает изгнание капризной женщины, если она сама не предупредит его и не уйдет от разврата в бесприютность, встречать там новые оскорбления и ловушки со стороны общей развращенности, рассматривающей всякую женщину как предмет для удовлетворения минутной прихоти» [ПСС: 30, I, 291–292]. В этой статье чувствуется особое участие Лескова, заинтересованность в женской судьбе, звучит призыв к «разумной эмансипации» – женщина не должна быть

наложницей своего хозяина, а должна трудиться и добиваться свободы действий. Согласимся с О. А. Головачевой в том, что женщина «сможет достойно самоутверждаться при условии отстаивания обществом ее права работницы, труженицы»¹⁶⁹. Подобные мысли, которые находят выражение в статьях Лескова, являются революционным средством воздействия на умы соотечественников, поскольку он призывает общество встать на защиту матерей, сестер, дочерей, жен, указывая, что это вопрос не столь частный и, более того, проблема эмансипации, по мнению автора, не обошла ни одну семью России: «Мы знаем много и очень много людей, из среды которых раздается известный стих Грибоедова «служить бы рад — прислуживаться тошно», и самые отчаянные, самые болезненные раздирающие душу ноты в этом вопле поются слабыми голосами наших жен, сестер и дочерей» [ПСС: 30, I, 292]. Российское общество должно добиться того, чтобы рынок труда был доступен женщинам и чтобы каждый уважал неотъемлемые права человеческой свободы.

В своей статье «Загробный свидетель за женщин», опубликованной в журнале «Исторический вестник» в 1886 году (№ 11), публицист, говоря об эмансипации, выбирает иной путь, отличающийся витиеватостью, философичностью. Он приводит письмо Н. И. Пирогова к фрейлине великой княгини Елены Павловны, баронессе Эдифе Федоровне Раден, где Пирогов, скорее всего, выражает мнение и самого Лескова: «Теперь как бы хотят стереть все признаки, отличающие качества мужские и женские – хотят всех остричь под одну гребенку»¹⁷⁰. Автор делает вывод, что в деле эмансипации есть «золотая середина», которой держатся женщины, «желающие знаний и не пренебрегающие никакими настоящими достоинствами своего пола»¹⁷¹. Н. С. Лесков выступает за новый тип женщины в России – образованную, равную с мужчиной в правах, но при этом сохранившую в своей природе приметы женственности (скромность, стыдливость, верность и преданность семье, материнскую заботливость и т. д.).

В публицистическом наследии Н. С. Лескова можно выделить несколько

¹⁶⁹ Там же. С. 18.

¹⁷⁰ Лесков Н. С. Загробный свидетель за женщин // Исторический вестник. 1886. № 11. С. 260.

¹⁷¹ Там же. С. 280.

типов проблем, касающихся эмансипации как феномена русской жизни: суть эмансипации, ее истоки; женщина и труд (образование); женщина и семья. Разработка Лесковым каждого типа проблем, касающегося «женского вопроса», позволяет говорить о своеобразной трансформации взглядов писателя, которая, на наш взгляд, проявляется не столько в содержании статей, сколько в манере говорения о проблеме, в тоне повествования. Если статьи 1860-х годов отличает резкость, порывистость, однозначность и односторонность идей, то статьи 1870–1880 годов – это своеобразный разговор с читателем, в ходе которого важно не доказать справедливость собственных суждений, а побудить к размышлениям, к вечному поиску ответов на вопросы времени – на «женский вопрос». В этих публицистических произведениях «проявилось творческое кредо писателя»¹⁷²: обличение существующих порядков, жажда правды и восстановления справедливости, поддержание нравственных устоев общества.

Публицист оценивал эмансипацию как возможность проявления способностей женщины, стремление обеспечить себе безбедное существование. В доказательство приведем слова Лескова, которые записал биограф писателя А. Фаресов: «Как о мужчине экзамены и дипломы ничего не говорят, так и в женщине прежде всего важен ее характер: умение не испортить вам жизнь и затем уже ее искристый, природный ум... А после всего идут в счет ее научные и курсовые знания... А ведь без последнего еще можно прожить с женщиной, да еще как счастливо жили Тургеневские, Авдеевские и Гончаровские мужья с женами; а без уживчивого характера женщины, без тишины и ласкового обычая – черт ли в том, что жена учная, да если она кулак и хам? ...Образованная женщина, у которой нет благородных намерений быть слугой человечества, гораздо хуже старушки Базаровой»¹⁷³. Лесков-публицист был последователен и на протяжении всего своего творчества считал, что сила женщины в принадлежащей только ей возможности привести все в соответствие, в умении организовать пространство по законам гармонии, а образование и труд должны стать

¹⁷² Чуднова Л. Г. Лесков в Петербурге. Л., 1975. С. 19.

¹⁷³ Фаресов А. И. Из воспоминаний о Н. С. Лескове // Свободным художествам. 1910. № 1. С. 27.

инструментом для достижения цели высшего порядка.

Трансляция Лесковым в своем публицистическом творчестве идеи эмансипации труда и образования была необходима и своевременна. Осознавая актуальность целого ряда проблем, возникших в российском обществе в период распространения эмансипации, автор в своем публицистическом творчестве предложил своеобразную концепцию, получившую название «разумная эмансипация», призванную сосредоточить внимание современников на развитии труда и распространении образования и науки. Подобный подход в осмыслении «женского вопроса», по мнению Лескова, способствовал бы благотворному воздействию женщин на формирование общественных ценностей. Определяющим вектором развития русской женщины, по мнению художника, должно было стать понимание своего особого предназначения, выраженного в материнстве, что, с точки зрения национально-исторической, – ее неоспоримое достоинство.

2.2. Отражение «женского вопроса» в эпистолярном наследии писателя

Преимущественно эпистолярное наследие Н. С. Лескова хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 275, 959 ед. хр.), кроме того, 168 писем насчитывается в Институте русской литературы Российской Академии наук. Отдельные послания Н. Лескова можно обнаружить в рукописном фонде Государственного литературного музея, некоторые записи автора находятся в доме-музее писателя в г. Орле. На сегодняшний день эпистолярное наследие Н. С. Лескова представляет для исследователей большой интерес, и в связи с этим продолжается работа, позволяющая уточнить лексический состав писем автора, раскрыть смысл сделанных им помет и т. д.

Среди адресатов писателя были И. С. Аксаков, В. М. Лавров¹⁷⁴, А. С. Суворин¹⁷⁵, Ф. А. Терновский¹⁷⁶, Л. Н. Толстой, А. И. Фаресов¹⁷⁷ и мн. др.

¹⁷⁴ Лавров Вукол Михайлович – писатель, переводчик, издатель и редактор «Русской мысли».

¹⁷⁵ Суворин Алексей Сергеевич – журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург.

Лесков был внимателен к своим получателям, умело выражал поддержку в случае ее необходимости и, если это было в его силах, принимал активное участие в делах друзей и коллег. Например, в письме к Ф. А. Терновскому от 12 марта 1883 года Лесков сообщает о своей готовности завершить работу над материалом автора «Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение»: «Статья действительно Вам не задалась. Суворину она не понравилась. Я ее взял, состряпаю совместно, подпишу и устрою иначе, еще не знаю где; а гонораром поделимся. Ваша будет канва, – моя вышивка, а выручка общая» [ПСС: 11, XI, 274–275].

Характерная форма приветствия в письмах – «уважаемый» и «любезный». Стремясь к краткости изложения, писатель сразу же сообщает о цели корреспонденции, ориентируясь на личность конкретного адресата: «Мне очень совестно перед Вами за мою неисправность, а она все еще продолжается: я не могу в обещанный срок справиться с “Оскорбленной Нэтэтою”»¹⁷⁸ [СС: 11, XI, 461]; «Возвращаю Вам корректуру “Бессребреников” с добавкою предисловия»¹⁷⁹ [СС: 11, XI, 354] и пр. Письма автор заканчивает подписью, выражающей почтение отправителя: «Преданный Вам»¹⁸⁰ [СС: 11, XI, 262], «Ваш покорный слуга»¹⁸¹ [СС: 11, XI, 287], «Искренне Вас любящий и уважающий»¹⁸² [СС: 11, XI, 292], «Ваш Н. С. Лесков»¹⁸³ [СС: 11, XI, 276] и пр. Из-за особого отношения писателя к каждому из получателей писем возникают разнообразные оттенки реализации эпистолярных коммуникативных категорий. Рассмотрение эпистолярия Лескова в аспекте коммуникативных стратегий позволяет выявить специфику его личности и формирует представление о речевых традициях российского общества.

На страницах писем Н. Лескова возникает его персональный портрет,

¹⁷⁶ Терновский Филипп Алексеевич – писатель, член редакции журнала «Воскресное Чтение».

¹⁷⁷ Фаресов Анатолий Иванович – писатель, публицист, литературовед.

¹⁷⁸ В письме к Д. Н. Цертелеву от 20 сентября 1890 года.

¹⁷⁹ В письме к В. М. Лаврову от 30 октября 1887 года.

¹⁸⁰ В письме к С. Н. Шубинскому от 8 октября 1882 года.

¹⁸¹ В письме к А. С. Суворину от 8 октября 1883 года.

¹⁸² В письме к М. И. Пыляеву от 9 августа 1884 года.

¹⁸³ В письме к Ф. А. Терновскому от 12 марта 1883 года.

составленный самим автором:

– сообщение автобиографических сведений («<...> Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, известен в русской литературе под взятым мною псевдонимом “М. Стебницкий”. Существую я исключительно одними трудами литературными. Начал я мои работы назад тому шесть лет в закрытых ныне “Экономическом указателе” и “Экономисте” профессора Вернадского, где напечатан ряд моих экономических статей. Затем я писал критические и экономические статьи в “Отечественных записках” <...>»¹⁸⁴ [СС: 11, X, 261];

– указание на черты характера и состояние души («Не мне писать вам похвальные листы и давать “книги в руки”, но по нетерпечности своей не могу не крикнуть Вам, что Вы богатырь! <...>»¹⁸⁵ [СС: 11, X, 300]; «Теперь есть места сильные “об архиереях”, но я знаю, как это надо сделать, и сделал цензурно; но выпускать ничего не стану и ни за что, и знаю, что это будет только трусость. А может быть, ее и не будет, – это лучше»¹⁸⁶ [СС: 11, XI, 249]; «<...> я не люблю таить злобы на сердце <...>»¹⁸⁷ [СС: 11, XI, 296]);

– характеристика явлений общественной жизни с позиции литератора («Я еще третьего дня, разговаривая с Ефимом Федоровичем, выражал сомнение, возможны ли в “Отеч<ественных> зап<исках>” сколько-нибудь горячие статьи о театре, и оба мы, соображая положение Краевского и его характер, находили, что такие статьи у него невозможны»¹⁸⁸ [СС: 11, X, 258–259]; «Некоею порою я знал в Петербурге некоего “неразгаданного человека” Артура Бенни. Он убит при Ментане, и его интереснейшая история, мною в свое время писанная, может быть оглашена. Это вещь пряная и забористая и, кажется, очень интересная. Шуму она может возбудить множество»¹⁸⁹ [СС: 11, X, 272]).

Самопрезентация писателя в эпистолярной литературе носит концептуальный характер, выступая средством репрезентации авторской картины мира. Эпистолярное

¹⁸⁴ В письме к Е. П. Ковалевскому от 20 мая 1867 года.

¹⁸⁵ В письме к А. Ф. Писемскому от 6 апреля 1871 года.

¹⁸⁶ В письме к С. Н. Шубинскому от 9 января 1881 года.

¹⁸⁷ В письме к С. Н. Шубинскому от 1884 года.

¹⁸⁸ В письме к С. С. Дудышкину от 13 сентября 1866 года.

¹⁸⁹ В письме к А. П. Милюкову от 4 января 1869 года.

наследие Лескова разнообразно по тематике и проблематике: письма в редакции, фрагменты рецензий на творчество современных авторов, суждения о вопросах литературы и искусства, размышления о духовном кризисе русского общества и проч. Данный факт характеризует его как человека своего времени, человека эпохи, который ощущал сопричастность к событиям русской жизни.

Лесков в переписке ставит вопросы философского порядка (человек и его место в мире, соотношение добра и зла, понятие истины), например, в письме к А. И. Фаресову от 17 сентября 1883 года: «...А вообще можно и должно держаться такого правила, что умных и даровитых людей надо беречь, а не швыряться ими как попало; а у нас не так. О нас Пушкин сказал:

Здесь человека берегут

Как на турецкой перестрелке.

Оттого их так и много! Меня, однако, литература больше терзает, чем занимает. Мне по ней всегда видно, что мы народ дикий и ни с чем не можем обращаться бережно: “гнем – не парим, сломим – не тужим”» [ПСС: 11, XI, 559]. Н. С. Лесков в полной мере отразил особенность времени: отношения между людьми повреждены существенно, глубинно, и в мире во всей своей полноте не может быть реализована идея соборности. Связующей силой соборного единства в представлении писателя выступает любовь¹⁹⁰. С помощью любви, по мнению художника, преодолевается отчуждение между человеком и обществом.

Особо актуальной идея соборности выглядит в контексте рассмотрения эмансипации как социокультурного явления в России второй половины XIX столетия. Объяснимым с этой точки зрения становится понятие *разумная эмансипация*, которое было сформулировано Лесковым в публицистике, но, безусловно, нашедшее отражение в письмах и в художественном творчестве автора (в его письмах можно обнаружить аспект, позволяющий уточнить смысл принципа разумности в отношении «женского вопроса»: «<...> “Ближние мои” —

¹⁹⁰ Представления Н. С. Лескова о соборности вписываются в общую концепцию, представленную в трудах русских философов XIX–XXI вв. (С. Булгаков, В. Розанов, В. Соловьев, Ф. Степун, С. Трубецкой, Н. Федоров, А. Хомяков, Л. Шапошников и мн. др.).

это те, кто понимает дело умом и сердцем»¹⁹¹ [СС: 11, XI, 276]; т. е. для Лескова казалось невозможным приблизиться к постижению сущности эмансипации и ее реального значения, руководствуясь только холодным расчетом).

Обсуждение значимого для эпохи «женского вопроса» происходило на страницах лесковских писем, в которых вплоть до 1890-х годов можно обнаружить оценки писателя, связанные с изучением этого феномена. Эстетические, этико-философские проблемы, сконцентрированные в эпистолярной Лескова, позволяют раскрыть особенности понимания писателем миссии женщины, конкретизируют представления автора о национальной самобытности ее внешнего облика и характера.

Например, в письме к П. К. Щербальскому¹⁹² от 8 апреля 1871 года Лесков замечает, что женщина говорит прекрасно, когда «чувствует сердцем, и преглупо, когда хочет быть “умною дамою”» [СС: 11, X, 305]. В этом фрагменте выражена отрицательная оценка автора поведению женщин «нового» типа, которые неожиданно остро ощутили свое «угнетенное положение», заключив, что материнская заботливость о детях – это «узость взгляда». По мнению писателя, сердце составляет сущность женщины, поэтому в ее бытии особое место занимает любовь, которая, в свою очередь, дает женщине право быть впечатлительной, мечтательной, испытывать жалость, милосердие, сострадание, нежность, проявлять такие качества, как кротость и смирение. Подобного нельзя сказать о женщине, которая забывает о своей женской природе, примеряет на себя те социальные роли, которые ей не соответствуют¹⁹³. Мысли Н. С. Лескова о «лженовой» женщине созвучны идее, бытовавшей в 1860-х годах, – идеал русской женщины базируется на таких качествах, как жертвенность, верность, что не подразумевает социальной активности, особенно в том случае, когда преследуемая цель не ясна представительницам женского движения. Лесков был по-настоящему встревожен подобным положением вещей, испытывал

¹⁹¹ В письме к Ф. А. Терновскому.

¹⁹² Щербальский Петр Карлович (1810–1886), историк, публицист, член Главного управления цензуры.

¹⁹³ Стоит отметить, что и в своем художественном творчестве Лесков, описывая женщин, которые увлечены эмансипацией, использует ряд зоологических уподоблений (сравнивает их с зайцами, курицами, воронами и т. д.), тем самым доказывая их неестественность, наигранность, лицемерие.

неподдельное беспокойство за судьбу русской женщины, в облике и складе характера которой черпал вдохновение, а главное, писатель выражал мнение, что только влиянием женщины, влиянием семейных отношений возможно искоренить издержки неверного толкования эмансипации.

Внимания заслуживает еще одно письмо Н. С. Лескова к П. К. Щебальскому от 16 апреля 1871 года, где автор проводит параллель между судьбой женщины и литературой: «У литературы есть своя “священная мерзость”, которую мы весьма походим на жриц публичного разврата. Возьмите Вы и рассуждайте: почему бы уличной женщине не сделаться хорошею женщиной, если ее возьмет замуж честный работник? Ведь теоретики говорят, что она будет *женою*, но на деле она все-таки останется виконтессой Дюшкуранс! Это верно и подтверждено самыми беспристрастными наблюдателями. То же и с литературой» [СС: 11, X, 309–310]. Только на примере женской доли, как считает Лесков, возможно обозначение существующей проблемы и нахождение спасительного пути, выхода из ситуации, близкой к катастрофе, – таковой он видел реальную обстановку на литературном поприще XIX века: «Литературный путь – поистине есть путь самый тернистый, это по преимуществу путь горя и многоразличных страданий»¹⁹⁴. Писатель обнаруживает типологическое сходство литературной деятельности и судьбы женщины. Появившиеся «специалисты по женской части», не осознавшие сути «женского вопроса», призывали женщин к борьбе за собственные права, губя ее; подобным образом поступали многочисленные критики, которые, не разобравшись в смыслах литературного текста, клеймили писателей: «У меня есть свои святые люди, которые пробудили во мне сознание человеческого родства со всем миром. До чтения их я был “барчук”, а потом “око мое просветлело” и я их считаю очень дорогими людьми, и вот их-то именно теперь и принято похабить и предавать шельмованию рукою ничтожных лиц, ведомых всем по их злобе, лжи, клеветничеству и сплетничеству...»¹⁹⁵ [СС: 11, XI, 301].

Автор был последователен в своем творчестве, а его идеи со временем

¹⁹⁴ Лесков Н. С. Литературный грех // Петербургская газета. 1888. 8 фев.

¹⁹⁵ В письме к А. С. Суворину от 1884 года.

становились рельефнее. В 1861 году (статья «Русские женщины и эмансипация») Лесков обозначил главную проблему русской журнальной литературы – бестактность и стереотипность убеждений публицистов. Осмысление же этого вопроса, разработка его содержания происходила в 1870–80-е годы в эпистолярной.

Для писателя было важным объективное оценивание тенденций времени, этой же позиции он придерживался и в отношении эмансипации. Он опирался на традиционные представления о роли женщины в семье, и в постижении этого вопроса он акцентировал свое внимание не на национальной принадлежности женщин, а на их духовных качествах. Например, обращает на себя внимание факт уважительного отношения писателя к супруге В. Г. Черткова¹⁹⁶ (в письме от 4 ноября 1887 г.): «...Люблю Вас, люблю Вашу умницу жену (Анна Константиновна Дитерихс – А. К.) <...>» [СС: 11, XI, 355]. Анна Константиновна Дитерихс была выпускницей Высших женских (Бестужевских) курсов. Кроме того, она писала стихи, перекладывала их на музыку и пела. Наверное, именно потому, что супруга Черткова обладала способностью вести активную социальную жизнь, но при этом не забыла о своем природном предназначении (у Чертковых было двое детей), Лесков видел в ней образец идеального сочетания эмансипированности (выражение европейских примет характера) и старомодной русскости одновременно¹⁹⁷. Подобное гармоничное сочетание, по Лескову, было примером разумного разрешения «женского вопроса». Отношение Лескова к А. К. Дитерихс подтверждает, что эмансипация не должна вести к разрушению (семьи, рода), а как раз наоборот, должна стать началом возрождения потенциальных сил женщины.

Еще один пример доброго отношения Н. Лескова к близким ему женщинам можно найти в письме к Л. И. Веселитской-Микулич: «<...> Восхищен Вашим благородным светом. Пусть же это кому-нибудь кажется “фарсом”, но я знаю, что

¹⁹⁶ Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) – лидер толстовства как общественного движения, редактор и издатель его произведений, общественный деятель, близкий друг Н. С. Лескова.

¹⁹⁷ Л. Н. Толстой также с большой симпатией относился к А. К. Дитерихс (Чертковой), он всегда обращался к ней с трогательной нежностью, поощрял ее литературные занятия.

это “дух дышит”... Спасибо 1893 году за то, что он нас свел и познакомил, и, может быть, приязнью подарил»¹⁹⁸.

Сочетание «дух дышит» («Дух дышит, где хочет» [Ин. 3: 8]) становится смыслообразующим: встав на путь эмансипации (внешнее обязательство), Веселитская-Микулич, по мысли писателя, осталась верна своей духовной призванности, т. е. она приняла в своей душе Бога. Понимая подобным образом оценку Лескова, справедливым кажется мнение исследовательницы А. А. Шелаевой: «Лесков был тронут не только человеческой теплотой и вниманием. Он высоко оценил в лице своих знакомых из редакции “Северного вестника” новый тип русской женщины, представляющий поколение конца XIX века»¹⁹⁹.

Лесков, осознав, что подобное явление можно считать исключением, с некоторой раздраженностью признавался в своем негодовании по поводу забвения всего женского, которое выражалось подчас в безудержном стремлении к обучению, знаниям (в письме к А. Н. Пешковой²⁰⁰ от 30 января 1883 года): «А я прошу, – простите меня, – меня всякая новая институтственность в женщине Ваших лет и Вашего ответственного положения, возмущает до глубины души»²⁰¹. Следует особо отметить отношение Лескова к А. Пешковой, поскольку письма к ней отличает недоброжелательный тон, который разнится с привычным слогом Лескова. Одно из писем автора начинается с обращения «Ваше высокобестолковство!», тем самым Лесков отказывает Пешковой в умении вести дела, способности оказаться надежным соратником, что заявлено и в содержании письма: «Господи! Как Вам жить, – что ни чего-то Вы не умеете сделать толком!»²⁰². По мнению писателя, непрофессионализм Пешковой – иллюстрация искаженного понимания эмансипации самими женщинами. Их желание

¹⁹⁸ ИРЛИ, ф. 44, № 22. С. 16.

¹⁹⁹ Шелаева А. А. Из истории «Северного вестника»: Н. С. Лесков и редакционный круг [Эл. ресурс] // Медиаскоп: электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. № 4. 2012 г.. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1221>.

²⁰⁰ Пешкова-Толиверова Александра Николаевна, (1842–1918) – детская писательница, издательница журнала «Игрушечка», близкая знакомая Лескова. Пешкова-Толиверова отличалась крайней непосредственностью характера и неумением организовать дела – свои и чужие – почти неизменно раздражала писателя.

²⁰¹ Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 227, № 62, л. 10–11; Ежег., 613.

²⁰² Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 227, № 62, л. 107; Ежег., 688.

соответствовать духу времени не всегда сочетается с конкретными свойствами личности, не понимая этого, они и не примыкают к женщинам «нового» типа и все больше перестают напоминать женщин, в которых угадываются национальные черты русского характера.

Для Лескова было важным и то, чтобы все происходило вовремя и качественно, подобные требования он предъявлял не только к окружающим людям, но и к самому себе. Автору письма вовсе не было принципиальным, кто занимается решением проблемы – женщина или мужчина, поскольку все равны друг перед другом. Если женщина захотела обучаться той или иной деятельности, то снисхождения к ней не будет. Лесков не отказывается и от своих несколько ранее сформированных убеждений: женщина, активно развивая интеллектуальные способности, должна быть способна своим влиянием, влиянием на семейные отношения возродить в мужчине веру в чувство любви, сознание добра, побудить к благородным действиям.

Особой глубины мысль о силе женской любви достигает в письме, адресованном О. С. Крохиной (сестра писателя) от 8 сентября 1891 года: «Но любят довольно различно: любят жаркое, любят справедливость, любят халат, любят лошадь, на которой шибко ездят... Все это называется “любить”... Любят человека, стараясь о том, что бы он становился лучше, умнее, сведущнее, справедливее, и тогда стараются, что бы ум его окрылялся и служил светом для других. Были и есть добрые и умные женщины, кот.[орые] *так* любят. И мужчины им любимые *растут* в уме и духе. И это есть *хорошая любовь*. А то есть другая любовь, когда женщина не объединяет мужчину с миром и лучшими идеями, а напротив — отторгает его даже от лиц, к которым он должен бы чувствовать нравственный долг... Это тоже делается по *любви*, но это есть любовь глупая и низкая, которая не внушает уважение и не даст мужчине развить его лучшие дарования. Есть даже женщины, разлучающие мужчину не только с его родными по плоти, но и с его родными по духу, – и обращающие мужей из мужчин в узких, семейных подбздюхов... И таких пошлых женщин на свете оч. [ень] много, и любовь их ни чего достойного радости не представляет. Лучше

было бы даже, если бы такой любви совсем и не было, или бы ее называли, по крайней мере, не любовью, а тем, чем ее следует называть, т.е. глупостью и озорством [...]»²⁰³. Наблюдение автора связано с тем, что женщина, обладая природной мудростью, способна своей созидающей жизнью преобразить не только человека, находящегося с ней рядом, но и мир. Благодаря чуткости, пониманию, терпимости, готовности принести себя в жертву, женщина служит источником, который питает дух мужчины. Во многом из-за этого не только мужчина, но и мир, окружающий женщину, становится добрее и справедливее. Подобные характеры заслуживают высокой оценки со стороны Лескова – «добрые», «умные», но, как только чувство любви переходит в чувство собственности, эгоизм, не остается места истинной нравственности, всепонимающей и всепрощающей любви, поэтому-то и женщин, которые сознательно превращают любовь в озорство и глупость, Лесков называет не иначе, как «пошлые», несущие своей «любовью» абсолютное разрушение того фундамента, который был заложен не одним поколением. На наш взгляд, в данном письме автор продолжает линию, которая получила свое начало в публицистике, вновь подчеркивая, что отношения между мужчиной и женщиной должны строиться на основе свободы желаний, где «свободная любовь» – отношения, в центре которых уважение интересов друг друга, доверие и искренность чувств.

Апофеозом представлений Лескова о женщине можно считать его письмо к своей крестнице А. П. Кандиба, в котором автор формулирует, какой бы он хотел ее видеть, какими качествами ей нужно обладать: «Ты от природы добра и пусть это превосходное свойство твоей натуры будет с тобою всегда и неотступно, – в горе и в радостях. Пусть мысль и забота о благополучии других всегда смиряет в тебе довольство собою и заботу о самой себе, – и, наконец, приведет к самому верному счастью – к уменью обходиться без своего личного счастья, как жила всю свою жизнь твоя тетка Юлия, на которую ты похожа лицом. Будь схожа с нею в тихости характера и в преданности добру, и ты узнаешь: что такое есть настоящее

²⁰³ Письмо Н. С. Лескова О. С. Крохиной // Rev. Etud. Slaves. Paris. LVIII / 3. 1986. P. 469.

счастье, которого ничто и никто не может отнять у человека, потому что это счастье есть любовь к другим: ничего себе не требующая и ничего для себя не ожидающая. Будешь истинно добра, – будешь всегда счастлива, и будешь “жить с Богом и ходить перед Его очами”»²⁰⁴.

По мнению Лескова, путь к истинной доброте и верному счастью лежит через неустанную мысль и бесконечную заботу о благополучии других людей. Испытать настоящее счастье, как он считает, возможно, если отречься от своего собственного благополучия. Любовь к другим – синоним счастья. Позиция писателя согласуется с православными ценностями: «Все дни несчастного печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пир» (Притчи 15:15); «Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу!» (Псалом 117:15) и т. д. Равнозначным словом «счастье» в православии является «блаженство», и это слово мы также встречаем в Библии: «Блажен, кому помощник Бог» (Псалом 145:5), «Блажен человек, который снискал мудрость» (Притчи 3:13) и пр. Источник истинного счастья должен быть в сердце человека, путь к которому открывает вера. Евангельское понимание счастья подразумевает, прежде всего, смирение с тем, что дано человеку – и физически, и метафизически. Основным аргументом в пользу такого понимания служит текст первой из девяти заповедей блаженства – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», который традиционно истолковывается в смысле возведения добродетели смирения на первое место среди всех прочих христианских добродетелей. Счастье возможно лишь там, где человек отдает себя, жертвует собой ради тех, кого он любит. Лишь жертвенная любовь делает людей счастливыми. Для Лескова эта мысль была ценна тем, что в середине XIX века разобщенность между людьми обозначилась весьма отчетливо, и это остро ощутили в середине века еще Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Последний писал: «Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми

²⁰⁴ Письмо Лескова Николая Семеновича Кандиба А. П. Печатается по машинописной копии : РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 138, 1 п. – 2 л.

единственно для себя»²⁰⁵ («Дневник писателя», март 1877 года). Интересно, что подобные мысли об истинной доброте, верном человеческом счастье высказывает Лесков в письме к крестнице. Согласно православной традиции, крестный отец в ходе таинства крещения принимает ответственность перед Богом за духовное воспитание крестника или крестницы, поэтому данное наставление Н. С. Лескова А. П. Кандиба естественно и укладывается в привычное понимание роли крестного отца в жизни крестницы.

В переписке со своими ближайшими родственниками Лесков старался предостеречь их от жизненных ошибок и направить на истинный путь, суть которого, по Лескову, в единении с Богом, в принятии законов Господа. В связи с этим особо следует остановиться на письмах Н. С. Лескова, обращенных к родной сестре Наталье Семеновне (в монашестве – Геннадии).

Так, например, в письме от 26 сентября (по старому стилю – А. К.) 1893 года Лесков пишет: «Мне было очень приятно получить твое письмо, из которого вижу, что ты живешь как и ранее жила, – тяжело, не сносно, и что сносно эта происходит главным образом от твоей умеренности, терпеливости и аккуратности, при которых ты обходишься самыми маленькими средствами. Это делает честь твоему характеру, который таким образом выдерживает на земле свои воспитание и, боль сомнения, при милости Бога, приведет тебя в лучшее состояние. Ты научилась на земле терпеть и прощать, это великая школа и за то это хороший припас для перехода в жизнь, где не годятся нетерпеливые и злопамятные. Дай Бог тебе усовершиться еще в лучшем ибо беречь тебя никто ни чего не терпел и что бы никому не было трудно имея к тебе любовь, которая “всех обнимает, всех милует и всем благодворит достойным и недостойным”. Такова была любовь Христа, а Он нам пример во всем, – “да и вы так же творите, что бы знали что вы Мои ученики”. Радуюсь за тебя и ценя твое непамятозлобие. Усовершай его еще более»²⁰⁶.

Николай Лесков снова возвращается к мысли о жизни в смирении и о любви

²⁰⁵ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 томах. Т. 14. СПб., 1995. С. 97.

²⁰⁶ Письмо Лескова Николая Семеновича Наталье Семеновне Лесковой (сестре), в монашестве Геннадии. Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 275, оп. 3, ед. хр. 10.

всеобъемлющей, при этом для него понятия «смирение – любовь – Христос – жизнь» выступают в роли синонимов. Подтверждение этой мысли найдем у самого автора в письме к сестре Геннадии: «Холодным духом смерти несет от всей такой картины взаимного друг к другу отчуждения. Это уже и есть смерть, ибо люди живы только любовью»²⁰⁷. Для него образ смилившейся, отказавшейся от своих желаний во благо других женщины провозглашается идеалом²⁰⁸. И здесь звучит вовсе не упрек женщинам, а скорее обеспокоенность писателя пробуждающимся в женщине стремлением к умственному росту. Лесков противился безудержному интересу женщин к науке, который сопровождался отрицанием забот о красоте и любви. Именно по этой причине мысль о хранительной силе любви и красоты является господствующей в эпистолярном наследии автора.

Лесков мог испытывать искреннее восхищение не только от женщин, которых он знал лично, но мог оценить и художественные полотна, в центре которых был образ женщины. Так, в письме к И. Е. Репину от 14 марта 1889 года, Лесков сообщает: «<...> Я надеюсь увидеть Вас у Вас же до пятницы, если только Вы не откажете всем нам в удовольствии видеть Ваши новые прелестные работы. Для меня эти два женские портреты — чистое вдохновение» [СС: 11, XI, 421]. Один из портретов, который имеет в виду Н. С. Лесков, – портрет баронессы Иккуль (писатель прямо указывает в письме название картины И. Репина). Ответ на вопрос, почему портрет баронессы вызывал интерес у Лескова, можно найти в документах, свидетельствующих о жизни баронессы. Все мемуаристы вспоминали о ней, как о женщине редкой красоты, острого ума, изысканного вкуса и исключительного такта. Много сил и средств Варвара Ивановна Иккуль отдавала благотворительности; способствовала возобновлению деятельности

²⁰⁷ Письмо Лескова Николая Семеновича Наталье Семеновне (сестре), в монастыре Геннадии. Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 275, оп. 3, ед. хр. 10.

²⁰⁸ Любопытно, что смиренная отреченность от собственных интересов во благо других людей была свойственна женщинам XIX века. Особо ярким примером может служить стихотворение писательницы XIX века графини Е. П. Ростопчиной «Я не для счастья рождена!», в котором лирический герой декларирует: «Я не для радости беспечной, / Я не для счастья рождена». Русские писательницы первой половины XIX века: Пособие для факультативных занятий по литературе в 10 классе / Сост. С. Н. Воробьева, Е. Н. Строганова. Ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 2004. С. 143.

женских медицинских курсов. Во время русско-японской, балканской и Первой мировой войн баронесса оказывала помощь раненым и работала наравне с другими сестрами. Варвара Ивановна оказывала всем, кого встречала, сердечное внимание. Именно эти качества, идущие от «сердца», воспевал Н. С. Лесков в женщине, говоря о ее миссии – забота о физическом и духовном спасении мужчины и рода.

Обращает на себя внимание внешний облик баронессы. Портрет написан во весь рост, баронесса Иксуль изображена на нем в черной юбке, малиновой шелковой блузе, перехваченной поясом, яркой шляпке и с браслетом на руке. Одаренная чувством эпохи и целостности стиля, баронесса умела преподнести себя и, не скрывая седин, выглядеть безупречно. Через черную вуаль видно красивое лицо, которое, безусловно, привлекает взглядом. А фигура – статью. Для Лескова глаза являлись чрезмерно важными в облике любого человека, способными нести в себе память рода²⁰⁹. Основополагающей все же, по Лескову, была не физическая красота, а духовная, которая определялась способностью проявлять терпение, прощение, милосердие (об этом свидетельствует жизнь баронессы Иксуль и ее созидательная деятельность).

Н. С. Лесков стремился к постижению особенностей характера русской женщины, высокой значимости ее миссии. Эта тема и стала одной из центральных в его эпистолярном наследии. Художник открыто выражает нетерпимое отношение к тем крайностям, которые породила квазиэмансипация, ведущая к нарушению женщиной нравственных законов, обязанностей и норм. К 1890 году автор по-настоящему обеспокоен теми изменениями, которые происходят в женском сознании, сосредоточен на осмыслении ключевых категорий, определяющих целостность натуры женщины, специфику и устремленность ее души. Постоянно возвращаясь к мыслям о том, какие качества должны быть

²⁰⁹ Память рода проявляет себя в облике лесковских героинь, которые, чаще всего, обладают черными глазами (Настя Прокудина, Мавра Петровна, Катерина Львовна). Вероятно, их цвет отражает сложную судьбу героинь, задавленность бытом и социумом. Неслучайно в одном из произведений можно встретить замечание: «Только материнские агатовые глаза горели скрытым внутренним огнем и выражали ту страшную задавленность <...>» [ПСС: 11, I, 279]. «Страшная задавленность» переходит в произведениях Лескова от матери к дочери и проявляет себя во всех жизненных сферах женщины.

незыблемыми в ее характере, Лесков определяет их: отказ от собственного счастья на благо других, доброе отношение к людям, любовь всечеловеческая и всеобъемлющая и, пожалуй, самое важное – безграничная вера в Христа.

2.3. Мысли об этических и семейных ценностях в поле интересов Лескова (по материалам «Записной книжки...» 1893–1894 гг.)

В настоящее время в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, г. Москва) хранятся четыре записных книжки Н. С. Лескова, датированные 1880–1890 годами (более ранние записные книжки не сохранились):

1. Записная книжка с выписками из «Прологов» –1880-е гг. – 59 л. (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108).
2. Записная книжка с выписками из книг С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая» (СПб., 1889), М. Нордау «Ложь как основа морали» и др.; с записями сатир Горация, элегий Тибула, изречений древних философов, с набросками [повести «Оскорбленная Нэтэта»]. На л. 32 выписка из газеты «Новое время». 1863. № 6384 – [1890]. – 37 л. (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108а).
3. Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др.; с записями пословиц и изречений; выписками из «Сборника Кирши Данилова», Талмуда и др. – 1893–1894 гг. – 33 л. (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109).
4. Записная книжка с записями устаревших слов, фразеологических оборотов и пословиц. – 1894 г. – 7 л. (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 110).

Вследствие того, что материалы записных книжек 1880-х годов и 1890 года введены в научный оборот и подробно прокомментированы современными исследователями²¹⁰, мы обращаемся к записной книжке Н. Лескова 1893–1894 гг.,

²¹⁰ Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб, 2003. 24 с.; Минеева И. Н. Записная книжка Н. С. Лескова с выписками из «Прологов» (опыт

анализируя специфику ее ведения и осмысляя содержание.

Записная книжка Н. С. Лескова 1893–1894 гг., помимо выдержек из разнообразных источников, хранит его собственные размышления и наблюдения, т. е. представляет собой форму восприятия писателем мира и человека в нем. Возникая в контексте творческих замыслов и во многом обобщая предыдущие художественные искания автора, она приобретает определенный эстетический потенциал. Публикация записной книжки – ключ к пониманию идейно-нравственных установок писателя в последние годы его жизни и творчества.

Появление подобного творческого документа – закономерное явление, поскольку на книжной полке Н. С. Лескова можно было встретить самую разную литературу. Первая характеристика библиотеки писателя была дана его биографом И. А. Шляпкиным²¹¹ в январе 1875 года: «Познакомился с Лесковым... Смотрел библиотеку: около тысячи томов. Много запрещенных, полученных с разрешения М. Н. Лонгинова (главноуправляющий по делам печати). Есть и старопечатные “Небо новое”, “Ключ разумений”, “Требник Петра Могилы” <...>. Большое собрание справочных книг и словарей <...>. Просил достать Гоголя: “Размышления о божественной литургии”»²¹². На эту же особенность литературных предпочтений Лескова указывает и В. В. Ефремова²¹³: «Мемориальная библиотека Лескова свидетельствует об энциклопедической широте читательских интересов писателя: в ней были представлены отечественные писатели и античные авторы, книги по русскому фольклору, произведения иностранных авторов, книги по философии, истории, социологии, медицине, справочные издания и словари»²¹⁴. Наличие обширной библиотеки

текстологического комментария) // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 401–420.; Макаревич О. В. Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н. С. Лескова второй половины 1870-х – 1890-х гг.: вопросы проблематики и поэтики : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Нижний Новгород, 2014. 230 с.

²¹¹ Илья Александрович Шляпкин, гимназический и университетский товарищ пасынка Лескова Н. М. Бубнова, впоследствии ставший профессором истории русской словесности Петербургского университета и известным библиофилом, был частым гостем в доме Лесковых. И. А. Шляпкин оставил воспоминания «К биографии Н. С. Лескова», опубликовав свои дневниковые записи в «Русской старине» в 1895 году.

²¹² Шляпкин И. А. К биографии Н. С. Лескова. «Русская старина». 1895. № 12. С. 212.

²¹³ В. В. Ефремова долгое время являлась заведующей домом-музеем Н. С. Лескова в Орле, ныне – директор Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева.

²¹⁴ Ефремова В. В. Н. С. Лесков и книга // Виртуальная лаборатория «Николай Семенович Лесков». Режим доступа: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=39&Itemid=31#_edn2.

отражает увлеченность Лескова литературой, его стремление к знаниям, что подтверждается также и многочисленными пометами, которые оставлял писатель на страницах текстов во время долгого и вдумчивого чтения. О характере оставленных Лесковым помет писал М. Подгородников: «Это не беглый карандашный отчерк – это твердое построчное подчеркивание, проведенное часто по линейке. <...> По этим пометам можно судить о лесковских мыслях, настроениях, круге интересов – в сущности, обо всем его мирозерцании»²¹⁵. В частности, Н. С. Лесков оставил отметки на страницах произведений М. Аврелия²¹⁶, И. Гете²¹⁷, Т. Карлейля²¹⁸, Л. Сенеки²¹⁹, А. Шопенгауэра²²⁰, в книге «О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева»²²¹ и мн. др. Маргиналии²²² демонстрируют интерес писателя к проблемам государственного устройства, брака, духовного развития человека и т. д. Внимательное отношение к слову, желание закрепить в своем сознании принципиальные идеи предшественников и современников в отношении религии, семьи, традиций способствовали регулярному заполнению Лесковым страниц записной книжки.

В записной книжке автор стремится к краткости изложения, которая

²¹⁵ М. Подгородников «Литература у нас – есть соль» (Н. С. Лесков) // «Они питали мою музу...»: Книги в жизни и творчестве писателей / Сост. С. А. Розанова. М., 1986. С. 115.

²¹⁶ Размышления Марка Аврелия Антония. Тула, 1882. Инв. 610/266 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 210.; Размышления Марка Аврелия о том, что важно для самого себя. М.: Тип. И. Д. Сытина и К., 1888. 180 с.

Инв. 610/99 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 78.

²¹⁷ Гете И. В. Изречения в прозе Гете. СПб.: Изд-е В. Бермана и С. Войтинского, кв. (1885). 148 с. (Европейская библиотека). Инв. 610/269 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 15.

²¹⁸ Карлейль Т. Исторические и критические опыты. М., 1878. 460 с. Инв. 610/225 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 154.; История французской революции Карлейля. Т. 1. Бастилия /Пер. под редакцией Н. Ляпидевского. М.: Тип. Лазаревского института (А. Мамонтов), 1866. 406 с. Инв. 610/165 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 43.

²¹⁹ Сенека Л. А. Избранные письма к Люцилию / Перевод с латинского П. Краснова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, [1893]. 258 с. (Дешевая библиотека). Инв. 610/74 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 60.

²²⁰ Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы: Мысли. Т. 2 / Перевод Ф.В. Черниговца. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1892. 387 с. Инв. 610/163 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 238.

²²¹ Щербатов М. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева / С предисловием Искандера. London: TrübnerCo, 1858. 340 с. Инв. 610/112 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 56.

²²² В мемориальной библиотеке Н. С. Лескова собрано большое количество книг, на которых оставлены замечания, комментарии Лескова. Среди них, например: Герцен А. И. Искандер. Кто виноват? Роман в двух частях. London Trübner & Co, 1859. 214 с. Инв. 610/153 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 247.; Гоголь Н. В. Сочинения Н. В. Гоголя. Т. 1–5. Изд. 10-е. М., 1889. Инв. 610/57 - 61 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 130 – 134.; Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой / Пер. с англ. яз. Лондон, Trübner & Co, 1859. 505 с. Инв. 21725 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 3.; Евангелие. Святое Евангелие от Матфея. Париж, 1821. Инв. 15860 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 111.; Ренан Э. Жизнь Иисуса. /Пер. с фр. И. М. Берлин: В. Behr Buchhandlung, 1875. 382 с. Инв. 610/69 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 240.; Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог. М.: Тип. Вильде, 1887. 35 с. ([Издание «Посредника»]) Инв. 610/86 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 65.; и мн. др.

достигается:

1) сокращением отдельных слов («Из писем Л. Н. Толстого к разн <ым> людям» (л. 1); «Бомарше был призн<анный> боец и спекулянт» (л. 2 об.); «”Судьбы ездят ночью на своих лошадях”. Арабск <ая> пословица» (л. 4); «Из апокриф<ической> книги Еноха (гл. X)» (л. 8 об.); «ск<азал> Телемак и был признан победителем» (л. 18); «Трагед<ия> “Макбет”, перев<од> Сер<гея> А<ндреевича> Юрьева» (л. 26); «Исаак Сириин. Кн<ига> “Добротолюбие” еп<ископа> Феофана. Изд<ательство> Афонск<ого> монастыря» (л. 27) и пр.);

2) пропуском фрагментов текстов, не имеющих принципиального значения, по мысли Лескова («Есть это – хорошо, *женитесь сейчас же*, (опущено Лесковым – А. К.)] и кн<ягиня> М<a>р<ья> Ал<ексеевна> останется в дураках» (л. 1); « – “Кто свободнее всех?” – “Тот, кто мож<ет> б<ыть> свободен даже в рабстве, в ком умерло чувство страха и желание и кто покорен только Богам и разуму”»²²³ (л. 18).

Н. С. Лесков, ведя записи, использует подчеркивание, целью которого является, во-первых, выделение названия источника, фамилии автора, а во-вторых, это и указание на ключевую идею приведенного фрагмента, отдельной цитаты: «Сначала я перестал желать (тягаться), а потом перестал и уметь» (л. 14); «”Бог находится возле каждого из нас, и каждый из нас носит его в самом себе. Берегитесь строить ему храмы, собирая кучи камней”» (л. 15 об.); «Из «Телемака», соч<инение> Фенолона» (л. 16 об.); «Детский журнал хвалит, что он употребил деньги на раскопки в Трое! Все ли средства хороши и все ли знания полезны?» (л. 21); «Из книги Штейнгеля “Записки о Сибири”, Лейпциг, 1878 г. стр. 18–19» (л. 21 об.); «Исполнение этого поспело к назначению губернатором Трескина, который сжалился над архиереем» (л. 22).

Естественными в общей структуре записной книжки видятся зачеркивания, исправления, уточнения, комментарии Н. С. Лескова к выписанным фрагментам, изречениям и пр.: «~~Это надо изменить совсем наоборот~~» (л. 7); «И видел стража

²²³ Н. С. Лесковым пропущен фрагмент из романа «Приключения Телемака» Франсуа Фенелона, связанный с описанием ответов прочих соревнователей, боровшихся за право царствовать.

адова стояща яко аспиды и очеса их яко свечи ~~нотухни~~ потухли» (л. 9); «Это пропущено!!» (л. 15); «Сенека был “враг брака”, был женат два раза и во всю жизнь много любим и ласкаем женщинами» (л. 16); «~~Родилея~~ Носила она его девять месяцев» (л. 24 об.); «В Добротолубии Феофана II, стр. 142, св<ятого> Иоанна Кассиона «о молитве» елюбсиос читается над – сущный» (л. 28).

Несколько раз встречаются графические элементы, которыми Лесков заменяет тире или дефис: «480 † 406» (л. 12 об.).

Кроме того, перевернув записную книжку, на л. 16 Лесков записывает: «Потемкин на дороге в М<?> велел отпечатать молитвенник, что и исполнено. См<отреть> ст<атью> Пыляева. 30. 95 г<од>. “Нов<ое> Вр<емя>”».

Выписанные Н. С. Лесковым фрагменты из художественных текстов, писем, пословицы и поговорки, изречения разных мыслителей и собственные суждения автора образуют в записной книжке несколько идейно-тематических групп:

- 1) осмысление фактов истории, литературы и языка;
- 2) примеры проявления Божественной силы, образ Бога; основы христианского учения (особенности религии, обряды, иконы и пр.) и роль Евангелия в его постижении;
- 3) проблема жизни и смерти;
- 4) отношения мужчины и женщины.

Обозначенные идейно-тематические группы взаимосвязаны между собой, поскольку выписки из различных источников и собственные суждения автора на страницах записной книжки доказывают справедливость найденного Лесковым нравственного идеала, воплощенного в женских образах 1880–1890-х годов.

В пространстве записной книжки писателя можно обнаружить выписки, которые отражают интерес автора к фольклору, современному литературному процессу, формам бытования слов в русском языке и фактам истории.

Например, Н. С. Лесков приводит фрагмент из стихотворения К. Медведского «Былая весна»: «Чем жизнь разумней и скучнее, / Чем меньше остается грез, / Тем слаще робкий шум берез //» (л. 4 об.). Подобная выписка

свидетельствует как о читательском вкусе художника, так и позволяет предположить, что обозначенные К. Медведским характеристики жизни – *разумная и скучная* – поняты Лесковым в евангельском контексте, т. е. если жить согласно известным заповедям, то ты ощутишь в своей душе Бога и не утратишь связь с *почвой* (выражением этой идеи служит в стихотворении «шум берез», где, кроме того, береза – символ чистоты и возрождения).

Лесков полностью переписывает стихотворение В. Танеева «На смерть М. Н. Каткова»: «Убогого ц-я советник и учитель, / Архистратиг седой шпионов и попов / И всякой подлости ревнивый охранитель, / Скончался Михаил Никифорович Катков // <...>» (л. 26 об.).

М. Каткова и Н. Лескова связывали сложные отношения, отличающиеся напряженностью. Так, редактор «Русского вестника» однажды заявил, что Лесков «человек не наш» [СС: 11, XI, 509]. Лесков же в письме к П. К. Щебальскому признался: «Я не могу не чувствовать к нему того, чего не может не чувствовать литературный человек к убийце родной литературы» [СС: 11, X, 412]. Отношение Лескова к Михаилу Каткову в последние годы было отрицательным, что особо ощутимо в статье-некрологе «На смерть Каткова» (она была опубликована только в 1934 году).

Значительное место в записной книжке автора занимают сведения, касающиеся творчества Григория Сковороды. На лл. 19 об.–20 он размещает выписку из газеты «Русское слово», предваряя ее своим комментарием: «Всеволо. Вл. Крестовский. Кн. “Свистун” о Сковороде. См. “Русское слово” 1861 г. № 7–8. Писал по поводу выпуска сочинений Сковороды в 1860 г. По собственному сознанию биографии Сковороды не читал: издевался над Г. П. Данилевским и И. И. Срезневским за то только, что они значились подписчиками на соч<инения> Сковороды. Сравнил Сков<ороду> с “Хомою Брутом” (философом). Ему возражал Н. И. Костомаров в “Основе”. Возражая Костомарову Вс. Крестовский говорил о Сковороде: “Вся его (Сковороды) учено-литературная деятельность представляется нам простым свистунам (курс. подл.) чем-то в роде взбитого крема, прежде приятного, но если положить его в рот, то от него ничего ровно

питательного не остается»». Учитывая, что Лесков помещает в записную книжку около десяти цитат из сочинений Григория Сковороды, данный фрагмент из газеты «Русское слово» был необходим писателю для работы над отдельным художественным произведением, где взяты за основу философские воззрения Г. Сковороды²²⁴.

В 1894 году Лесков по-прежнему внимателен к слову, и своеобразным открытием для него явилось то, что «”наследство” на старом русском языке “задница”. “Тяжати о заднице” знач. иметь спор о наследстве. Опыт словаря древнейших речений Петрова (1832 г.)» (л. 31). Своей находкой Лесков делится с Л. Н. Толстым в письме от 28 августа 1894 года: «Известно ли Вам, что на старом языке у нас «наследство» называлось “задница”? Это встречается два раза в примечаниях к “Истории” Карамзина (506): “тяжати о заднице”. По изъяснению Петрова, “Опыт словаря древних речений” (1831 г.), это значит: “иметь спор о наследстве”» [СС: 11, XI, 593].

Вековая мудрость, отраженная в пословицах и поговорках (русских, арабских), также не перестает интересовать Лескова в последние годы жизни: «Судьбы ездят ночью на своих лошадях» (л. 4), «Отчаяние есть свободный человек, а надежда – невольник» (л. 4), «Бойся Бога и того, кто не боится Бога» (л. 8 об.), «Бойся того, кто тебя боится» (л. 8 об.), «Честь и место, садись до хвастай» (л. 32), «Всякая старина свою плешь хвалит» (л. 32). Обращение к подобным жанрам фольклора позволяло Лескову зафиксировать национальные особенности в восприятии мира и уточнить специфику выявленных воззрений.

Изучение основ христианского учения невозможно для Лескова без понимания значимости роли Евангелия в жизни человека. Писатель поддерживал идею, связанную с тем, что «Евангелие, это лучшая из книг, которая проповедует равенство дружбы, гуманность и согласие» (л. 13 об.). Он и не отрицал, что именно она, будучи неверно прочитанной, служит поводом к беснованиям, соглашаясь с Бернарденем де Сен-Пьером, цитату из повести которого он

²²⁴ Исследователи (А. Л. Петрова, О. Е. Евдокимова и др.) подобным художественным текстом считают повесть «Заячий ремиз», где в качестве эпиграфа взята цитата из сочинения украинского богослова и в тексте повести персонажи неоднократно озвучивают идеи, сформулированные Гр. Сковородой.

приводит («Поль и Виржини»²²⁵).

Н. С. Лесков, вводя в записную книжку цитату из книги Джона Уильяма Дрейпера «История отношений между католицизмом и наукой», определяет тот круг вопросов, ответы на которые он рассчитывал обнаружить в Евангелии: «Мир ожидает такой книги, с которой “определительно и вполне точным языком будет сказано, что такое Бог, что такое мир, что такое душа и имеет ли человек критериум истины; что она нам объяснит: как может существовать зло в мире, Создатель которого всемогущ и всеблаг; в каких случаях людские дела определяются судьбой и в каких свободною волею; откуда мы пришли, какая цель нашего существования и что будет с нами после” (Дреппер ч. I, 279)» (л. 3). Главными в этот период жизни и творчества для Лескова становятся вопросы следующего характера: как может существовать зло в мире и какова цель нашего (человеческого) существования?

Источником мудрости в деле осознания истинных основ жизни писатель также считает книгу Иова, «Добротолубие» епископа Феофана, Талмуд: «Люди стонут и вопиют от вельмож» (л.6 об.), «Человек упал в воду – вытащили его на берег, рыбу выбросило на берег – кинь ее назад в воду» (л. 28 об.); «Хорошо богословствовать, но лучше сделать себя чистым» (л. 27 об.), «Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай, пусть на тебя клеветают, ты не клеветай» (л. 27 об.). Важными чертами, которыми должен обладать каждый, становятся – милосердие и чистота души. Идеальным образом человека в этом смысле видится Лескову Иисус Христос (писатель нашел подтверждение собственного заключения в книге Дж. Боккаччо «Декамерон»): «Нет такого мастера, исключая Бога, который всякое бы дело делал хорошо и совершенно» (л. 12). Действовать в абсолютном согласии с Божественными заповедями, согласно Лескову, способна женщина, поскольку религия (православие) во многом способствовала закреплению за ней высших добродетелей: веры, любви, внутренней силы. Еще в период распространения на Руси культа Богородицы популярность получили идеи, касающиеся

²²⁵ Другой вариант перевода названия – «Павел и Виргиния», «Поль и Виргиния».

всепрощающей Божественной силы, – милосердия. На наш взгляд, по этой причине именно с женственностью в сознании Лескова связывалось главное качество русского человека, в частности русской женщины.

Подобная устремленность к постижению вечных законов бытия и образа Бога поддерживалась чрезвычайно значимым для автора духовным диалогом с Л. Н. Толстым. В записной книжке Лесков отмечает, что Лев Толстой «поднял современных ему людей на высоту недостижимую для пошлости, не восходящей выше соображения “выгодности и невыгодности”, и во всех людях тронутых им, наверное, уцелело если не убеждение, то сознание, что мы живем не так, как следует жить, – это есть великая заслуга Толстого. Н. Л.» (л. 5). В этих размышлениях заключена идейная направленность творчества Н. С. Лескова 1880–1890-х годов, специфику которой можно передать следующей цитатой из апокрифической книги Еноха: «Люди не для того сотворены, что записывать свои верования на бумаге, но для того, что бы быть честными и справедливыми» (л. 9). В толстовском гуманизме Лескову особенно дорога мысль о сущности христианского учения²²⁶: «Христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное ... в Евангелии не столько «путь к небу», сколько «*смысл жизни*» ...» [СС: 11, XI, 287]. В этот период взгляд Лескова на жизнь стал ближе к христианскому идеалу, согласно которому мир должен держаться на знании, справедливости, мужестве²²⁷, на деятельной и милосердной любви.

Писатель включает в записную книжку свои размышления, которые подтверждают его общую неудовлетворенность духовно-нравственной жизнью общества 1880–1890-х годов и в некотором смысле задают вектор движения к праведной жизни: «Что сильнее злоба или любовь? Надо полагать, что злоба, ибо люди часто готовы во вред себе делать зло другому, но во вред себе делают дела любви гораздо реже» (л. 7). Строкой ниже Лесков дописывает и затем зачеркивает (как нам кажется, писатель посчитал, что здесь более не нужны уточнения): «Это надо изменить совсем наоборот» (л. 7).

²²⁶ Письмо Н. С. Лескова к А. С. Суворину (от 9 октября 1883 года).

²²⁷ См. об этом на л. 3 «Записной книжки...».

Постижение христианского вероучения неразрывно связано с вопросами жизни и смерти. Можно предположить, что понимание Лесковым смерти в этот период созвучно евангельскому: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Иоанна 5:24). Подтверждением становятся, размещенные в записной книжке, слова Еврипида: «Кто знает, быть может, жизнь это смерть, а смерть – жизнь» (л. 12 об.). Еще одним аргументом, доказывающим, что Лесков усвоил истину о том, что жизнь не заканчивается смертью, является завещание автора, которое он озаглавил как «Моя последняя просьба». Лесков писал: «Места погребения для себя не выбираю, так как это в моих глазах безразлично, но прошу никого и никогда не ставить на моей могиле никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста <...>. Прошу затем прощения у всех, кого я оскорбил, огорчил или кому был неприятен, и сам от всей души прощаю всем все, что ими сделано мне неприятного, по недостатку любви или по убеждению, что оказанием вреда мне была приносима служба Богу, в коего я и верю и которому я старался служить в духе и истине, поборая в себе страх перед людьми и укрепляя себя любовью по слову господина моего Иисуса Христа»²²⁸. Вероятно, за год до смерти Лесков обдумывал текст завещания и записи, сделанные им в памятной книге, особым образом осмыслялись, интерпретировались и нашли отражение в последнем творческом акте писателя.

Возвращаясь к содержанию записной книжки, отметим, что Лескову не чужды мысли, связанные с тем, что судьба человека все же не является до конца predetermined, и каждый способен подчинить ее своей воле: «Очерк (жизни) нам дан, мы раскрашиваем картину жизни, как хотим» (л. 4). В тексте неоднократно Лесков указывает, используя пословицы и поговорки, выписки из стихотворений, отдельные фрагменты произведений, на характеристики, которые должны стать принципиальными в жизни общества: «смелость мысли» (л. 2),

²²⁸ Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам. М., 1954. С. 671-672.

торжество правды и справедливости (л. 8 об.–9), свобода от развращения, преступления, наказания и скорби (л. 9). Помочь миру приблизиться к совершенной жизни способны дети, по мнению Лескова, воспитание в них нравственности – главная забота человечества, возложенная по большей части на женщину: «Дети должны приучаться к жизни простой, воздержанной и деятельной. Всякая нега расслабляет душу. Вместо забав им надо предлагать подвиги и приучать их являть мужество не только в презрении смерти, но и в отвержении богатства и удовольствий. Три порока должны быть наказываемы: неблагодарность, притворство и сребролюбие» (л. 17). Писатель настаивает, выписывая фрагменты из книги Франсуа Фенелона («Телемак»), что необходимо запретить драгоценные вещи, пышные одежды, а роскошь, и тщеславие подвергнуть презрению²²⁹ (лл. 17–18 об.).

Размышляя о непреложных идеалах и ценностях, художник обращается и к вопросу отношений мужчины и женщины, включая в записную книжку несколько цитат из различных источников, позволяющих судить о взглядах писателя на семью и брак в 1880–1890-е годы XIX столетия.

Примечательно, что именно с цитаты (из письма Л. Н. Толстого) о женитьбе открывается записная книжка автора: «Жениться всякому взрослому и желающему жить хорошо человеку, непременно нужно; но жениться ни как не по любви, а непременно по расчету, только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т. е. жениться без чувственной любви, а по расчету, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать жить человеческой²³⁰ жизнью» (л. 1). Лесков использует подчеркивание, поскольку это позволяет выделить ключевую мысль Толстого, с которой он соглашается и принимает ее. Женитьба по расчету – это осмысленное вступление в брак мужчины и женщины, которые способны содействовать друг другу в объединении их с миром – Богом – и его лучшими идеями – христианскими

²²⁹ Ср. : «Погребсти тело мое самым скромным и дешевым порядком при посредстве “Бюро погребальных процессий”, по самому низшему, последнему разряду. На похоронах моих прошу никаких речей не говорить». (Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954. С. 671.).

²³⁰ В параграфе втором второй главы нами приводится письмо Н. С. Лескова к О. С. Крохиной (от 8 сентября 1891 года), в котором он излагает созвучные Толстому идеи об истинной женской любви.

основами жизни. Николай Лесков разделяет мнение Толстого о том, что цель брачного союза – обретение «света жизни»²³¹ (л. 1 об.), т. е. Бога в душах супругов.

Автор записывает и слова Менандра: «Не женись, если хочешь жить без забот» (л. 2 об.). Данная цитата позволяет ему вновь утвердиться в мысли, что *любовь хорошая* должна быть в основе отношений, а не *любовь глупая и низкая*, в центре которой исключительно эгоистичные, плотские желания. Страницы записной книжки сохранили и другие подобные выписки Лескова о любви: «Мы не перестанем любить друг друга пока небо не призовет нас» (л. 19 об.) – писателем взята цитата из либретто оперы Шарля Гуно «Филемон и Бавкида»; «Когда любовь наша была сильна, ты лежал на острие меча – и нам хорошо было; а теперь, когда любовь ослабела – нам и на широкой постели тесно» (л. 28) – художник обращается к Талмуду, который представляет собой свод правовых, религиозно-этических положений иудаизма, основанных на интерпретации Библии. В центре первой цитаты *любовь от Бога*, в центре же второй – *плотская любовь*, противником которой выступал Н. С. Лесков.

Интерес писателя к вопросам семьи объясняет появление записи, связанной с обрядом бракосочетания, описание которого приводится в книге Фредерика Фаррара «Жизнь Иисуса Христа». Обряд состоял в том, что «мужчина и девушка обещались друг другу в верности у подножия креста» (л. 7 об.). Вероятно, Лесков полагал, что в данном контексте крест приобретает символическое значение – победа *любви* над злом и насилием. На 30 странице он оставляет запись, по форме своей напоминающую заповедь: «Удерживай себя и других от насилия». По мнению писателя, восстановление утраченной духовно-нравственной чистоты – первостепенная задача общества 1880–1890-х гг. Роль, которая при этом отводится Лесковым женщине, – сохранение мирового порядка и искоренение пороков.

Таким образом, для Н. С. Лескова необходимость ведения записной книжки была продиктована потребностью найти подтверждение собственным

²³¹ Ср. : «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Ин 5: 31.

размышлениям и гипотезам, которые по большей части были связаны у него с постижением христианского вероучения. Обращение к различным источникам²³² провоцировало неутомимый поиск ответов на вопросы, которые он ставил перед собой еще в 1860-е годы и которые не теряли своей актуальности в последующие годы жизни и творчества.

Однажды Лесков объяснил, почему он занимается творческой деятельностью: «Я люблю литературу как средство, которое дает мне возможность высказывать все то, что я считаю за истину и за благо»²³³. Записная книжка Николая Лескова – это особая форма высказывания автора, форма самосознания личности писателя. На страницах этого творческого документа аккумулируются идеи, которые были близки Лескову и которые он транслировал со страниц своего публицистического, эпистолярного и художественного творчества.

Обращение к данному архивному документу позволило установить круг чтения писателя в последние годы его жизни и творчества, прокомментировать причины усиленного внимания Лескова к Евангелию и воссоздать духовно-нравственный облик российского общества указанного периода (доминирующие черты – равнодушие и жизнь по принципу «все так делают; моя хата с краю» (л. 19)). «Хорошо прочитанное Евангелие» [СС: 11, XI, 509], по мысли Лескова, поможет избежать заблуждений, положит начало истинному братству, возвысит

²³² Выписки из писем Л. Н. Толстого к разным людям, цитаты из работы немецкого историка Иоганна Шера, выписки отдельных суждений Вергилия и Менандра, фрагмент из книги Джона Уильяма Дрейпера «История отношений между католицизмом и наукой», цитата из работы Герберта Спенсера, выдержки из исследования Гастона Буасье «Падение язычества», выписки из книг Иова и Екклесиаста, фрагмент из книги Фредерика Фаррара «Жизнь Иисуса Христа», отдельные цитаты из трудов Б. Паскаля, выписка из апокрифической книги Еноха, фрагмент из трактата «Политика» французского проповедника и богослова Ж.-Б. Боссюэта, цитата из романа Апулея «Золотой Осел», выписка (о старине) из сборника русских былин Кириши Данилова, выписка из поэмы Дж. Байрона «Дон Жуан», фрагмент из «Дневника Амиеля», цитата из книги Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие», выдержки из книги Дж. Боккаччо «Декамерон» (новелла 10: Гвальтьери и Гризельда), цитата из дневников и автобиографических записок епископа Порфирия Успенского «Книга бытия моего», отдельные цитаты из сочинений Нила Сорского, выдержки из романа «Приключение Телемака» французского писателя Франсуа Фенелона, выдержка из сочинения Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление», выписки из сочинений Григория Сковороды, выдержки из книги В. Герарда «О состоянии русской армии в семилетнюю войну», обращение Лескова к буддийской космологии в рамках осмысления вопросов мироздания, выдержки из книги «Добротолубие» епископа Феофана, отдельные цитаты из Талмуда, Корана и пр.

²³³ Цит. по: Русские писатели о литературе : в 3 т. : XVIII–XX вв. : отрывки из писем, дневников, статей, записных книжек, художественных произведений / под ред. С. Балухатова. Л., 1939. Т. 2. С. 298.

личность человека. Сосредоточенность писателя на духовной опустошенности российского общества очевидно выразилась в выписанном автором фрагменте из сборника русских былин Кириши Данилова (л. 10 об.): «Было беззаконство великое: <...> Брат сестру с собой спать водит». Давая оценку современной социальной обстановке, Лесков соглашался с идеей, отраженной на страницах «Дневника Амиеля»: «<...> Общее состояние мыслей есть путаница, и общее состояние сердец есть страстность, при которой невозможно без справедливости и открытости» (л. 11). Вестник евангельских заветов, по мнению автора, – женщина, поскольку именно она обладает открытым сердцем, которое преисполнено любви. Благодаря ее деятельному участию в решении проблем эпохи станет возможным установление мира «между людьми на все дни и на все роды» (л. 9). Между тем Николай Лесков понимал, что жизнь по Евангелию – это своеобразное испытание как для того, кто избрал подобный путь, так и для людей, окружающих его. Данная идея нашла непосредственное отражение в художественном творчестве писателя при постижении им «женского вопроса» и его ключевой категории – «эмансипация».

ГЛАВА 3. РЕЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

В третьей главе диссертационного исследования при анализе рецепции феномена женской эмансипации в художественном творчестве Н. С. Лескова исследуются произведения автора 1860-х, 1870-х и 1880–1895 гг. В параграфах заявлен хронологический принцип рассмотрения художественных текстов писателя, в которых даны текстуальные репрезентации и опосредования авторской концепции «разумной эмансипации» и авторского идеала женщины.

Специфика жанровой установки (арабески, притчи, легенды, т. е. рассказы, основанные на фольклорных и книжных источниках, очерки, романы и пр.) влияет на изображение женских персонажных образов. Николай Лесков, создавая женские образы, привлекает неодинаковые, но при этом взаимодополняющие художественные средства. Исходя из этого обстоятельства устанавливается и отличный характер авторской рецепции феномена женской эмансипации в произведениях разных жанров указанных периодов творчества (изменения в идеологии писателя соотносятся с изменениями в художественной манере и образности).

Согласно заключению В. Г. Белинского, «если есть идеи времени, то есть и формы времени»²³⁴, т. е. Н. С. Лесков, используя разные жанровые формы, стремился выразить свою позицию в понимании сущности «женского вопроса» и определить роль женщины в период 1860–1890-х годов. Появление того или иного жанра вызвано стремлением автора воплотить в художественной форме определенную концепцию (идею) женского образа.

Женский персонажный образ получает индивидуальное оформление и выражение, но при этом смена жанра в творчестве Лескова не предполагает принципиального изменения его структуры. Жанровая динамика позволяет только глубже осознать природу образа, его смыслообразующие характеристики.

²³⁴ Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. I. М., 1953. С. 276.

Например, для романной поэтики характерно изображение духовно-нравственных исканий героя, внимание к его внутреннему миру, в то время как в центре повести – взаимоотношения человека и действительности, а конфликт находит свое разрешение на персонажном уровне. В легендах и сказках Н. С. Лескова предметом изображения являются поступки героинь, чудесные по своей сути, но при этом женские персонажи изображаются им как обычные люди, а не как божества.

Таким образом, анализируя своеобразие каждого художественного произведения Н. С. Лескова (под интересующим нас углом зрения), мы при этом утверждаем, что жанры скрепляют творчество автора трех периодов в единое целое и эволюция воззрений писателя на «женский вопрос» предстает при этом как смена идеологических и эстетических доминант.

3.1. «В поисках идеала...»: система женских персонажных образов Н. С. Лескова 1860-х годов

1860-е годы – знаковый период в творческой жизни Н. С. Лескова. С одной стороны, период взлета, связанный с вхождением в литературу, обретением популярности у читающей публики, с другой – период изгнания по причине выхода статьи о петербургских пожарах 1862 года, а также романа «Некуда» (1864). Нельзя отрицать, что художественные произведения Лескова 1860-х годов так же, как и публицистические, стали одновременно и откликом на события русской жизни, и попыткой автора отразить собственную идеологическую позицию (он выступил противником революционно-демократического движения). В данный период Н. С. Лесков поднимал в своем публицистическом творчестве разнообразные вопросы современной ему общественной жизни: искоренение пьянства, наемная зависимость, народное просвещение, эмансипация в России и др. Многие из них нашли отражение в художественном наследии автора. Включаясь в полемику по «женскому вопросу», Лесков подчеркивал, что речь должна идти не столько об эмансипации женщин, сколько об эмансипации

образования и труда. Писатель неустанно доказывал на примере созданных им женских персонажей, что современным идеалом женщины является та, которая способна трудиться, учиться, оставаясь при этом хорошей женой, хозяйкой и матерью. Автор не оставлял без внимания и общество, а точнее подчеркивал неготовность людей принять подобный тип женщин, примириться с неизбежными переменами в современной России: экономическими, политическими и культурными. Этим объясняется антинигилистическая линия в творчестве Лескова указанного периода (например, автор рисует неприглядные образы нигилистов в романах «Некуда» и «Обойденные»). С 1860-х годов берут начало все магистральные темы художественного творчества Николая Лескова и, что является важным, начинает складываться определенная система женских образов.

В начале литературного пути художник находится в поисках идеального женского характера, осмысляет проблемы женских судеб, их специфику и, более того, стремится в художественной форме продолжить размышления над вопросами, сформулированными в публицистических произведениях (на наш взгляд, это и обусловило многообразие героинь, их разнородность).

Ранние художественные произведения Лескова («Засуха», «Разбойник», «В тарантасе») посвящены изображению жизни русского народа – почти звериного существования крепостных и пореформенных крестьян. Русская деревня 60-х годов изображена писателем во всей неприглядности ее быта и нравов. Например, Лесков показывает, как засуха в одноименном рассказе заставила крестьян поверить, что все их беды «больше ни от чего, как от пономаря <...>. От мертвого» [ПСС: 30, I, 103]. Писателю удалось воссоздать колоритную картину народной жизни, поскольку, как подчеркнул автор очерка о Лескове Б. М. Другов, он «одушевлен искренним сочувствием к “обдерганному крестьянскому миру”»²³⁵, а, по признанию самого Лескова (в рецензии на книгу С. Турбина и Старожила «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки», 1872), «народные сцены хороши, когда они пишутся людьми сведущими, талантливыми и чуткими» [СС: 11, X, 178]. При всем разнообразии

²³⁵ Другов Б. М. Н. С. Лесков. Очерк творчества. М., 1961. С. 31.

оценок в адрес художественного творчества Лескова, критики (например, П. Громов и Б. Эйхенбаум) отмечают, что это и есть главные особенности его произведений: «<...> все <...> отличается и необыкновенным знанием народной жизни, и разнообразием материала, и смелостью в постановке самых острых и новых вопросов, и оригинальностью литературной манеры, языка. Видно было, что этот писатель прошел через какую-то особенную школу жизни и чтения, отличающую его от других»²³⁶. Лесков ставил перед собой задачу отразить отсталость и одичание русской деревни, раскрыть тему крестьянских волнений. Кроме того, для автора в этих рассказах было важным показать особенности национального характера, и для реализации этой цели он изображает своих героев в пути, в тарантасе: «Погода стояла ясная и сухая, дорога – что твое шоссе, только колеса постукивают. По обыкновению, все мы скоро между собой перезнакомились и сблизились, как способны сблизаться в дороге только русские люди» [ПСС: 30, I, 121]. Как справедливо отмечает В. Семенов, Лесков «<...> объездил всю Россию – воистину “то в телеге, то пешком”. Это была такая школа, которая осталась на всю жизнь. Рассказ в дороге или случай при исполнении служебных обязанностей – обычное начало многих произведений писателя»²³⁷. В дороге у героев завязывается разговор об особенностях жизни англичан, воровстве среди русского народа, национальных характерах и единении людей – все эти темы интересовали Лескова и нашли отражение как в его публицистических текстах, так и в художественных произведениях более позднего времени. Сам автор с горечью подчеркивал, что «со временем, быть может, так ездить уж не будут на Руси, и тогда, пожалуй, и разговоры такие повыведутся, а пойдут совсем другие» [ПСС: 30, I, 143]. Вопросы, заявленные писателем, свидетельствуют о широте проблемно-тематического диапазона его раннего художественного творчества, подтверждают его интерес к разнообразным аспектам жизни русского народа.

В 1862 году автор публикует такие произведения, как: «О двенадцати

²³⁶ Громов П. П., Эйхенбаум Б. М. Н. С. Лесков (Очерк творчества) // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1956–1958. Т. 1. М., 1956. С. XI.

²³⁷ Семенов В. С. Николай Лесков. Время и книги. М., 1981. С. 16.

месяцах. Славянское предание из окрестностей тренчинских» (перевод с чешского сказки некогда записанной Божиной Немцовой²³⁸), «От тебя не больно» (перевод с чешского рассказа Мартина Бродского). Николай Лесков был начинающим переводчиком, и его интерес к подобным текстам очевиден, но обращает на себя внимание тот факт, что уже в начале творческого пути он создает произведения, в которых главная роль отведена женщине.

Сюжет предания «О двенадцати месяцах» широко известен: «Была одна мать, и было у нее две дочери; одна была ее собственная дочь, а другая – падчерица» [ПСС: 30, II, 15]. Падчерице доставалась вся самая тяжелая работа, поскольку «Морушка была красивее Елены» [ПСС: 30, II, 15]. Согласно сюжету на долю Морушки выпадают разные испытания: принести Елене фиалок, ягод, яблок – благодаря своей доброте, порядочности и нравственной чистоте Морушка не остается в беде, поскольку на помощь ей приходят двенадцать месяцев. Эгоизм, жадность, зависть, душевная пустота неминуемо ведут к гибели сестру и мачеху Морушки: «Смутно затворила Морушка оконце, крест на себя положила и “Отче наш” читала за сестру и за мачеху. Утром ждала их с завтраком, ждала и с обедом, но не дождалась ни Елены, ни мачехи. Обе на горе замерзли. Остались доброй Моруше и хата, и коровка, и кусок поля, нашелся к этому и хозяин, и хорошо было им жить в покое» [ПСС: 30, II, 21]. Главная героиня предания обладает добрым нравом, незлобивым сердцем, ощущает связь с Богом, которая выражена в чтении молитвы. Обращение к Богу во время молитвы способствует установлению вокруг нее мира и спокойствия. В финале повествования Морушка обретает дом, хозяйство, мужа и покой вместе с ним, что позволяет судить о нравственных интенциях самого автора, поскольку выражение «жить в покое» в данном контексте означает следование мудрому учению Господа, направленному на благо человека²³⁹.

Во многом предопределила общий тон художественной системы писателя

²³⁸ Божиная Немцова – чешская писательница, автор рассказов и повестей («Бабушка», «Дикая Бара», «В замке и около замка» и др.

²³⁹ См. : «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11 : 29, 30).

арабеска «От тебя не больно», повествующая о нелегкой судьбе учительской дочери (согласно канонам чешского сельского быта, учителям в занятиях с детьми помогают дочери, которым не предстоит ни карьеры, ни счастливого замужества). В образе Лены (дочь старого учителя. – А. К.) сосредоточены такие черты, как детская чистота и наивность: «Когда, бывало, кому-нибудь отец давал пали в руки, она всегда моргала глазами: лучше бы свои ручки подставила, а тут сама должна была взять линейку в руки и делать ею пали <...>» [ПСС: 30, II, 24]. Это невольно пробуждает у читателей симпатию, заставляет переживать за судьбу героини. Ключевая черта ее характера – умение заботиться о ближних (эпизод с зайчиком) – делает образ цельным и гармоничным²⁴⁰. В небольшом по объему тексте Лескову удается наметить и определяющий все его дальнейшее творчество тип героя-праведника (в образе Лены. – А. К.). Жертвенная жизнь героини не оценена обществом, после смерти отца «в деревне порешили, что нужно найти другого учителя, а Лене сказали, чтоб она выбиралась из хатки» [ПСС: 30, II, 26]. Смерть героини – закономерный итог: «Кудрявый молодой человек одним прыжком подскочил к убитой серне и как увидел Лену, – так и окаменел. А она даже и не чувствовала, что у нее из груди кровь алой струйкой лилась; так хорошо было у нее на сердце. <...> – Ради Иисуса Христа, Лена, не умирай! С ума сойду, что я убил тебя! – *От тебя не больно!* – проговорила Лена <...> и умерла» [ПСС: 30, II, 26]. Уже в этой арабеске заявлена идея, которая окончательно получит свое многомерное воплощение в творчестве писателя 1890-х годов: смерть без боли как награда за святость и праведность.

Годом позже Николай Лесков создает оригинальное произведение – рассказ «Ум свое, а черт свое (Из гостомельских воспоминаний)». В центре повествования история красавицы Паши: «Высокая, стройная, лицом белая, глаза голубые, как небо, брови соболиные, волосы густые черные, а грудь...» [ПСС: 30, II, 7]. Внешняя красота, которой наделена героиня, становится испытанием как для нее самой, так и для окружающих ее мужчин: «Кому только она сухоты не

²⁴⁰ Данная особенность, связанная с изображением женских характеров, окончательно обозначится в 1870-е годы и получит свое развитие в 1880-е и 1890-е годы творчества писателя.

надала! Деревенские парни на нее зарились, да только они скоро отходили, потому что им сенная девка не к руке, а прочие так просто пропадали за ней» [ПСС: 30, II, 7]. Оригинальным видится не только сюжет рассказа, но и сам образ героини, в котором сфокусировались важнейшие, по Лескову, черты женского национального характера: порядочность и безусловная вера в Бога. Паше неведомо искушение, ею руководит разум, понимание истинных основ русской жизни: «Думала, думала, мельник ей по сердцу был, а на последок и сказала: “Нет, не хочу греха принять на себя с женатым”. Греха этого очень она боялась, а то бы чего! <...>» [ПСС: 30, II, 8]. Для писателя оказалось важным в тексте рассказа подчеркнуть, что героиня не просто стихийно верит в Божественное начало и боится кары небесной, а имеет здравый смысл, способна размышлять: «Очень уж греха боялась и рассудок к тому же имела у себя немалый» [ПСС: 30, II, 8]. На наш взгляд, в этом произведении угадывается позиция не только Лескова-художника, но и Лескова-публициста: духовная сила женщин 1860-х годов должна быть заключена в их нравственном чувстве, в незыблемом желании сохранить традиционные основы русской жизни: «— Тот, — говорит, — еще не родился, чтоб меня в грех ввел, а я не хочу с тобой, с немцем, поганиться <...>» [ПСС: 30, II, 9]. Лесков, вероятно, выражал этим идею, связанную с тем, что христианское единство невозможно без бережного отношения к своим корням и истокам. Подобные отношения для женщины, а значит, и для рода губительны, поскольку эта связь приведет к искажению традиционных взглядов на грех, общество, государство и семью²⁴¹.

Рассказ позволяет существенно уточнить вопрос о браке в России 1860-х годов (этот художественный опыт Лескова поддерживает его суждения, заявленные в публицистике). Писателя заботит мысль о все прогрессирующем явлении: любовные отношения вне брака, а брачные отношения — без любви. Женщинам в художественных текстах Н. С. Лескова 1862–1863 гг. уготована особая роль — восстановление утраченных связей между любовью и браком;

²⁴¹ Нельзя отрицать и приверженности Н. С. Лескова идеям, касающимся брака, нашедших отражение в «Домострое» и прочих официальных нормативных документах того времени.

утверждение равных браков («Через полтора года у одного нашего панка однодворец землю купил; обстроился и хозяйством завелся, а хозяйки у него не было, он и женился на Паше. Пара их была молодая и красивая и к тому же ровная» [ПСС: 30, II, 12]). Н. С. Лесков разделял христианское понимание цели брака – нравственное совершенство мужчины и женщины. Схожее отношение к этому таинству продемонстрировала и героиня лесковского рассказа, что обеспечило единство духовно-нравственных целей жизни Паши и ее супруга, сохранило их единение во Христе.

Формирование типа женщин, способных мыслить и отстаивать свои идеалы, было неожиданным, несвоевременным, неудобным в России 1860-х годов. Лесков подчеркивает эту идею в финале рассказа в метафорической форме: «Каждая страна имеет свою особенную кухню и своих особенных женщин. Если смотреть с высшей, с идеальной точки зрения, то нельзя не признать, что женщины везде имеют сходство с кухней своей страны. <...> У нас на Гостомле, готовят “крупеню”, о которой весь образованный мир еще не имеет понятия. Вот вам и образованность! А готовится наша гостомльская крупня из гречневых круп, сливок или сметаны, яиц и масла. Все это смешивается и жарится на сковороде. <...> Я когда-то тоже находил это блюдо довольно вкусным, но не отрицаю, однако, что им можно и подавиться» [ПСС: 30, II, 14]. Героиня рассказа автора явила собой пример женщины, которая старалась соответствовать духу времени и при этом свято оберегала национальные устои, но на фоне общественных тенденций выглядела в глазах современников смешно и старомодно.

Проблема женских характеров, осмысление специфики женских судеб по-настоящему привлекали писателя в первые годы творчества. Подтверждением может служить еще одно оригинальное произведение – арабеска 1863 года «Kochanko moja! Na co nam rozmowa?»²⁴². Главным действующим лицом становится девушка по имени Ядвига. «Мать героини родилась над Вислой, осиротела и, взросши в суровой нужде, замуж пошла за немца Цейтгейма. <...>

²⁴² «Kochanko moja! Na co nam rozmowa?» (Милая моя! на что нам разговоры?) – первая строфа стихотворения А. Мицкевича «Rozmowa».

Много страдала мать кроткой Ядвиги от деспота мужа, но жили в достатках они» [ПСС: 30, II, 215]. Что же касается самой девочки, то Лесков подчеркивает ее развитость, кроткий характер и светлый разум. Определяет ее образ и способность любить: «Полгода целых на этого змея смотрела она, о змее живом размышляя. Полгода! Много ли время? Но кто ненавидит, боится иль любит, тот в миг быстротечный целую вечность узнает. Ядвига любила, и муки боязни ей были знакомы давно. Забыл ее милый, но законов своих не забыла природа...» [ПСС: 30, II, 218]. В статье В. И. Патрина «Образ семьи в раннем творчестве Н. С. Лескова» находится объяснение причин невозможности счастливого брака в жизни как матери Ядвиги, так и ее самой: «В художественных произведениях начала творческого пути Лескова воплощен образ семьи, характеризуемый нестабильностью, неполнотой, незащищенностью, т. е. семьи, находящейся в опасном промежуточном, пограничном состоянии, обусловленном духовно-нравственным кризисом русского общества 1850-х – начала 1860-х годов. <...> Лесков запечатлевает тип семьи нетрадиционной, создаваемой исключительно по произволу мужчины и женщины, без учета всех семейных традиций национальной культуры»²⁴³. Данная арабеска органически примыкает к статьям Лескова о сводных и гражданских браках. В очередной раз, но уже в художественной форме автор стремится доказать известную, на его взгляд, истину: брак, заключенный без взаимной любви и доверия, не соединит супругов в «одну плоть» (Еф. 5: 31), не поспособствует их духовно-нравственному преображению.

Героине произведения, Ядвиге, не удастся создать крепкую семью, более того, Ядвига переживает и смерть собственного ребенка: «Умер ребенок. Кашка из манны его не спасла» [ПСС: 30, II, 220]. Смерть ребенка в данном рассказе – символ бездуховности общества, что подкрепляется введением в художественную ткань повествования сна героини: «Чудовищ ужасных кагал беспокойный вертелся пред нею: с солидными рожами, в черных все платьях, и только лишь

²⁴³ Патрин В. И. Образ семьи в раннем творчестве Н. С. Лескова // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 315.

лапы в парижских белелись перчатках. Сдавалось Ядвиге, что всех этих гадин она уж когда-то видала, и рожи их даже ей были когда-то знакомы: спокойные, умные рожи, со взглядом, в котором сияло довольство собою и вера в свою непогрешность» [ПСС: 30, II, 221]. Наделяя Ядвигу способностью видеть вещие сны, автор подчеркивает ее исключительность, в основе которой неразрывная и прочная связь с Богом. Для Лескова сон героини – метод отражения и постижения действительности, способ выражения авторской позиции в осмыслении причин кризиса русского общества начала 1860-х годов: «И сказали Ядвиге моральные люди: “Себя уронивши так страшно, жить с нами не можете вы”» [ПСС: 30, II, 218]. В небольшом по объему произведении Н. С. Лескову удастся дать портрет эпохи, обобщенный портрет общества 1860-х годов: стереотипное мышление, обесценивание семьи, пренебрежение детьми, утрата ориентиров и пр. Преодоление отчужденности между людьми, устранение национальной и религиозной вражды видятся Лескову основой укрепления духовно-нравственного единства народа. В арабеске выражением этой идеи служит кольцо со змеею, подаренное героине ее любовником, которое становится амбивалентным символом: это и Христос, воплощающий мудрость, и дьявол в его хтонической ипостаси. На примере судьбы Ядвиги писатель в очередной раз доказывает, что сила женщины заключена в вере и любви, которые оказываются нерасторжимы. Ее способность «поверить в любовь» [ПСС: 30, II, 222] преодолевает «ненужную *gozmowy*» [ПСС: 30, II, 223], т. е. в этом художественном тексте Н. С. Лесков образно представил систему ценностных ориентиров русской женщины, ее умение верно определять значимость «своего» и «чужого».

Арабески и рассказы 1862–1863-х гг. стали важным этапом на пути формирования художественной системы писателя. Более того, женские типы, которые были пунктирно обозначены автором в первые годы творчества, получают свое емкое воплощение и в произведениях 1870-х, 1880–1890-х годов.

Продолжая работу на литературном поприще, Лесков все чаще рисует на страницах своих текстов образы женщин, осознавая значимость их роли. В 1862–

1863-е гг. автор начинает разрабатывать новый для своей художественной системы образ женщины-матери. Так, в рассказе «Овцебык» говорится о том, что главный герой «о женщинах не мог слышать никакого разговора, почитал их всех поголовно *дурами* и очень серьезно жалел, что его старуха мать – женщина, а не какое-нибудь бесполое существо» [СС: 11, I, 32]. Писатель подчеркивает приверженность героя евангельским нормам и неизменное следование им: «Новой литературы он терпеть не мог и читал только евангелие да древних классиков» [СС: 11, I, 32]. В связи с этим Овцебык чтит мать, кормившую его, и беспокоится о ее благополучии: «...прислал он матери двадцать пять рублей и письмо, в котором уведомлял нищенствующую старуху, что он пришел в Казань и поступил в тамошнюю духовную академию» [СС: 11, I, 33]. Вера в Бога, стремление Василия Петровича (Овцебык. – А. К.) служить ему говорят о том, что герой свято придерживался заповеди Христа²⁴⁴: «Почитай отца твоего и мать твою» (Исход 20:12). Упоминания о матерях других героев этого рассказа крайне скупы и отличаются сдержанностью, холодностью: «Он (Емельян Высоцкий. – А. К.) был родом из Курляндии, брошен ребенком в нашей губернии и сделался послушником. Мать его была комедианка, и он о ней ничего больше не знал» [СС: 11, I, 59]. В рассказах «Разбойник» и «Овцебык» женский образ не является центральным, но при этом автор определяет (сосредоточивая на этом и внимание читателей), что доля матери – вера в добрую судьбу для своего ребенка и бесконечное ожидание встречи, которой, быть может, никогда не суждено случиться (в рассказе «Разбойник»: «Должно быть, занес он ту земельку издалека, с родной стороны, где старуха мать с отцом ждут сына на побывочку» [СС: 11, I, 10]; в рассказе «Овцебык»: «Мать <...> с нетерпением ждала <...>» [СС: 11, I, 33]).

Детального описания портрета женщины-матери нет и в рассказе «Язвительный». Автор лишь вспоминает: «Село Рахманы находится в соседстве с Гостомельскими хуторами, где я увидел свет и где жила моя мать» [СС: 11, I,

²⁴⁴ Ср. завет отца Н. С. Лескова: «Уважай от всей души твою мать до ее гроба». Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954. С. 22..

14]. При осмыслении женского образа в этом художественном тексте стоит уделить внимание обращениям сына к родительнице. На страницах произведения можно встретить следующие реплики: «– Да вы чего, матушка, сердитесь-то?» [СС: 11, I, 16] или «Да ведь, родная <...>» [СС: 11, I, 16]. Подобное наполнение речи персонажа, казалось бы, может позволить читателю поверить в его светлую любовь к матери, в трепетную заботу о ней, но за этими словами ничего не стоит, поскольку нет действий героя по отношению к матери, а общение с ней выстроено по принципу получения необходимой информации о Стюарте Яковлевиче (управитель-англичанин. – А. К.). Несмотря на подобный факт, можно заключить, что уже в одних из первых беллетристических опытов Лесков указывает на стержневую черту образа женщины – вера в Бога: «– Да где мужики-то? Аль одна дома? – спросил купец. – Одна! зачем одна? не одна, а с богом. – Тебя, значит, бог бережет. – А то кто ж? знамо бог» [СС: 11, I, 3]. Особенность женских образов писателя, выраженная в приверженности к религиозному мироощущению, получит развитие как в произведениях второй половины 1860-х годов и в 1870-е годы, так и в более поздний период творчества автора.

Значимым событием в творческой жизни Лескова становится выход двух его повестей 1863–1864 годов – «Житие одной бабы» (1863) и «Леди Макбет Мценского уезда» (1864). Появление очерка «Леди Макбет Мценского уезда» связано с замыслом художника создать галерею женских образов: «”Леди Макбет нашего уезда” составляет 1-й № серии очерков нашей (окской и частью волжской) местности. Всех таких очерков я предполагаю написать двенадцать, каждый в объеме от одного до двух листов, восемь из народного и купеческого быта и четыре из дворянского. За “Леди Макбет” (купеческого) идет “Грациэлла” (дворянка), потом “Майорша Поливодова” (старосветская помещица), потом “Февронья Роховна” (крестьянская раскольница) и “Бабушка Блошка” (повитуха). Далее пересчитывать не буду, тем более что они еще не отделаны <...>» [СС: 11, X, 253] (письмо Н. С. Лескова к Н. Н. Страхову от 7 декабря 1864 года, Киев). Повесть «Житие одной бабы» была опубликована годом ранее, до обозначения авторской позиции, выраженной в письме к Н. Страхову, тем не менее «Житие»

можно рассматривать как попытку художника отразить на примере судьбы Насти Прокудиной типичные условия жизни крестьянки в эпоху 1860-х годов, кроме того, не чужда Лескову в этой повести и проблема вырождения русской деревни, которая была уже заявлена в произведениях 1862 года.

Н. С. Лесков указал, что и Катерина Измайлова («Леди Макбет Мценского уезда») интуитивно чувствовала несовершенство привычного уклада жизни. Все ее действия были сопряжены со скукой: «<...> скука непомерная <...> не раз наводила на молодую купчиху тоску» [СС: 11, I, 97], «скучною жизнью жилось Катерине Львовне» [СС: 11, I, 98] и т. д. Желание избавиться от скуки проявилось в Катерине стихийностью. О природе стихийности русской культуры и русской женщины пишет Н. Н. Жолнеркевич: «Женственно-стихийное, всепоглощающее начало русской культуры желает вместить в себя то чужое (западное, мужское) и сделать его своим»²⁴⁵, а, не получая поддержки от среды, подобная стремительность перерастает в страстность, безудержность – решающие факторы стихийности жизни русской женщины, которые подчас приводят к разрушению сложившихся мировоззренческих основ, к истощению женственности. Собственно, это и происходит с Катериной Измайловой и Настей Прокудиной (душная атмосфера женского быта, характерная для этих повестей, кажется неслучайной, поскольку появление данных женских образов могло быть спровоцировано впечатлениями Лескова от посещения женского отделения петербургских тюрем)²⁴⁶.

Повесть «Житие одной бабы» открывается описанием крестьянского дома, в котором нередко жило по несколько семей: «<...> на рюминском дворе всего две избы стояли, и в одной из них жило две семьи, а в другой три. Теснота, ссоры промеж себя, ябеда с сердец друг на друга, сквернословие, – такое безобразие шло, что не приведи бог! Дети тут так и росли в этой срамоте <...>» [СС: 11, I, 264], т. е. усваивая те порядки, которые были заведены в доме, перенимая

²⁴⁵ Жолнеркевич Н. Н. Осмысление концепта «русская культура» в контексте гендерных исследований // XXI век : актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол. : В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. Минск, 2004. С. 169.

²⁴⁶ См. : «Страстная суббота в тюрьме» (1862), «За воротами тюрьмы» (1862).

родовую судьбу. Горькая доля лесковской героини подчеркивается описанием глаз – «материнские агатовые глаза» [СС: 11, I, 279], в которых продолжает жить «страшная задавленность» [СС: 11, I, 279], что «не давало Насте силы встать за самое себя» [СС: 11, I, 279]. Эта деталь оказывается художественно значимой, поскольку глаза героини становятся образом-символом рабского существования. Среда, в которой живет Настя Прокудина, губит все лучшее, что в ней было заложено природой, традиционной культурой. Лесковская героиня, чувствуя необходимость другого уклада жизни, оказывается не в силах противостоять сложившимся стереотипам в крестьянской среде. «Житие одной бабы» становится символическим воплощением судьбы всех женщин крепостнической России²⁴⁷: «У нас много есть таких женщин по селам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит все, словно каменная, и не разберешь никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не чувствует» [СС: 11, I, 269].

Таким образом, то явление, которое в середине XIX столетия обозначилось среди просвещенной публики как «эмансипация», «женский вопрос», в среде купеческой, крестьянской зарождалось интуитивно, стихийно. В статье «Русские женщины и эмансипация» Н. С. Лесков писал о необходимости самим женщинам понять, в чем именно заключается женская эмансипация (в случае Катерины Измайловой – освобождение, уход от привычной, скучной жизни) и что «всякая цель достигается только при известных средствах», но не «без плана, без обдуманых приемов» [ПСС: 30, I, 340]. Именно эту идею доказывает Лесков в указанных повестях: стремясь к личной свободе, женщине нельзя забывать о своем природном предназначении.

Образы Насти Прокудиной и Катерины Львовны – это сигнал, оповещающий о необходимости пересмотра места и роли женщины в семье и обществе, о важности ее развития посредством, например, чтения («читать Катерина Львовна была не охотница, да и книг к тому ж, окромя киевского патерика, в доме их не было» [СС: 11, I, 98]). Все это приведет к правильному

²⁴⁷ Об этом же у В. Ю. Троицкого: «Писатель сумел изобразить во всей полноте трагическую долю женщины, связав ее множеством нитей с судьбами крестьянства и широким социальным миром России». Троицкий В. Ю. Лесков-художник. М., 1974. С. 84.

пониманию женщиной своей миссии, которая заключена в материнстве.

Кульминационным этапом в творчестве автора первой половины 1860-х годов (в том числе и под интересующим нас углом зрения) можно считать роман «Некуда» (1864). Роман Н. С. Лескова «Некуда» – произведение, отражающее сложные социально-исторические события в России 1860-х годов. Долгое время этот роман воспринимали как творческую неудачу писателя. Так, например, Б. М. Другов отмечал: «Роман “Некуда”, заполненный сырым, непродуманным материалом, излишними автобиографическими признаниями и личными выпадами, написанный словно в оправдание авторского двойника – доктора Розанова, имел скандальный обывательский успех и еще больше отдалил Лескова от передовых читателей»²⁴⁸. Подобные оценки романа могли появиться, во-первых, в связи с «объяснением» Лескова («О романе “Некуда”»), где писатель смело говорит: «Роман этот писан весь наскоро и печатался прямо с клочков, нередко писанных карандашом, в типографии. <...> Роман этот носит в себе все знаки спешности и неумелости моей» [ПСС: 30, IV, 687]. Во-вторых, как заметил А. Лесков, многие ссылались на «”фотографичность” большинства персонажей “Некуда” и описываемых в нем событий, подтверждая тем самым достоверность последних»²⁴⁹. За изображенными событиями и портретами читатель угадывал конкретные исторические события, деятелей общественного движения 1860-х годов. Как пишет Н. И. Тотубалина, «портретное и вместе с тем памфлетно-карикатурное изображение ряда известных лиц особенно возмутило передовую общественность»²⁵⁰.

Современным исследователям удалось преодолеть тенденциозные оценки романа, поскольку они (Н. Н. Старыгина, Ж.-К. Маркадэ и пр.) обратили внимание на аксиологический пласт художественного произведения, рассмотрели роман как опыт полемической прозы, увидели в тексте «антологию

²⁴⁸ Другов Б. М. Н. С. Лесков. Очерк творчества. 2-е издание. М., 1961. С. 26.

²⁴⁹ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954. С. 178.

²⁵⁰ Тотубалина Н. И. «Некуда»: примечания // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1956. Т. 2. С. 717.

стилистической виртуозности писателя»²⁵¹, подтвердили, что персонажные образы, встречающиеся на страницах романа, служат для передачи идейных установок автора, его мировоззренческих позиций, в том числе и в понимании семьи как основополагающей ценности, философии взаимоотношения полов и пр.

Вопрос типологии женских образов в романе «Некуда» Н. С. Лескова интересовал многих литературоведов. Отдельным типам женщин в указанном романе автора посвящены труды Е. Л. Куранды²⁵², А. В. Ганиной²⁵³, Т. Н. Ивановой²⁵⁴ и др. Заметим, что в этих работах при анализе образной системы романа исследователи выделяют лишь два типа женщин: «новую» и «праведную» («традиционный тип», по Т. Н. Ивановой). На наш взгляд, в романе «Некуда» (1864), первом крупном произведении автора, выявляется более обширная типология женских образов, которую можно считать исходной для всего последующего творчества писателя:

1) *женщина-праведница*, олицетворяющая собой осознанную и деятельную любовь к людям (Агния Николаевна, сестра Феоктиста); носительница народного сознания, народной нравственности (Евгения Петровна Гловацкая, Марина Абрамовна, Николаевна (прислуга Помады), Ольга Сергеевна Бахарева, Дарья Афанасьевна (жена Нечая), Марья Михайловна Райнер, Варвара Ивановна Богатырева, Полинька Режнева (Калистратова));

2) *женщина «нового» типа*, просвещенная и деятельная (Лизавета Егоровна Бахарева, Марья Николаевна Брюхачева, Бертольди, Агата Мечникова);

3) *женщина inferнального типа*, несущая погибель всему и всем, встречающимся на ее пути (Ольга Григорьевна Саренко, Ольга Александровна Розанова, Давыдовская, «феи чистых прудов», майорша Мечникова);

²⁵¹ Маркадэ Ж. - К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники. СПб., 2006. С. 90.

²⁵² Куранда Е. Л. Литературный тип нигилиста в романе Н. С. Лескова «Некуда» // Творчество Лескова в контексте русской и мировой литературы : материалы науч. конференции. Орел, 1995. С. 22–23.

²⁵³ Ганина А. В. «Женский вопрос» в романах Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. № 12. С. 245–247.

²⁵⁴ Иванова Т. Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова: романы «Накануне» и «Некуда» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Орел, 2002. 19 с.

4) *женщина «на перепутье»*²⁵⁵ (Зинаида, Софи), находящаяся «в состоянии перехода от противоестественного к естественному душевному складу»²⁵⁶.

Обозначенные типы имеют определенные черты сходства, которые проявляются в моменты испытания любовью, в связях с обществом, в условиях жизни героинь; при этом женские персонажи дают оценку друг другу, что усиливает очевидное противостояние типов и рельефно обозначает позицию автора по «женскому вопросу». Но все же главными критериями данной типологии являются выбор своего пути каждой из героинь (способ ее реализации) и приверженность нравственно-религиозным канонам.

Тип женщин-праведниц в романе «Некуда» ориентирован на национальный идеал, и для них характерны суждения, касающиеся семьи, роли женщины в ней, устройства дома, а содержание этих суждений свидетельствует об устремленности героинь к Божественному началу. Судьбы женщин этого типа в романе чаще не похожи: различно их социальное положение, противопоставлен опыт любовных отношений и т. д., но весь жизненный цикл героинь-праведниц подтверждает органичность жизни, где главное – осознанная и деятельная любовь к людям. Здесь же упомянем ключевые черты лесковских праведниц – кротость, смирение, милосердие, жалость (ср.: сестра Феоктиста: «Сама хорошо себя ведешь, так и тебе хорошо. Я ж мужа почитала, и он меня жалел» [СС: 11, II, 34]; о жене Нечая Дарье: «Вот тебе моя московка: баба добрая, жалеет меня: поздоров ее боже за это» [СС: 11, II, 251]; о Полиньке Калистратовой: «Полинька сама не знала, любила ли она своего мужа, но ей было его жаль» [СС: 11, II, 434] – в этом целая народная философия должного взаимоотношения полов и отражение идеи «христианского равенства».

Гармоничность этого типа женщин подчеркивается Лесковым на всех

²⁵⁵ Первый опыт создания подобного типа был предпринят Н. С. Лесковым в романе «Некуда», но детальное его воплощение произошло в 1870-е годы.

²⁵⁶ Старыгина Н. Н. «Душа в мятущихся страстях»: (Образы женщин в антинигилистических романах Гончарова, Лескова, Достоевского) // И. А. Гончаров : Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск, 1998. С. 196.

уровнях, начиная с внешности героинь, которая соответствует национальному восприятию женской красоты. Например, об облике Евгении Гловацкой известно следующее: «Марина Абрамовна недаром назвала Евгению Петровну красавицей. Она действительно хороша <...>. Стан высокий, стройный и роскошный, античная грудь, античные плечи, прелестная ручка, волосы черные, черные, как вороново крыло, и кроткие, умные голубые глаза, которые так и смотрели в душу, так и западали в сердце <...>. Вообще в ее лице много спокойной решимости и силы, но вместе с тем в ней много и той женственности, которая прежде всего ищет раздела, ласки и сочувствия» [СС: 11, II, 10]; о Марье Михайловне Райнер: «В ней могло пленять человека все, начиная с ее ангельской русой головки до ангельской души, смотревшей сквозь кроткие голубые глаза» [СС: 11, II, 270]. Глаза героинь голубого цвета, и здесь возникает очевидная параллель с небесной символикой, с образом природы – органичным для праведников пространством. Через внешность героинь Лесков старается передать принципиальное качество их характеров – кротость. Поэтому неоднократно подчеркивается в тексте романа, что понимание/непонимание женщиной собственного предназначения полностью зависит от воспитания, примирения со своей судьбой (идея ответственности матери за судьбу дочери): «Точно мать²⁵⁷ покойница: хороша; когда б и сердце тебе бог дал материно» [СС: 11, II, 18]; «<...> дочь вся в зависимости от матери, и мать несет за нее ответственность перед обществом. Пуще всего Ольге Сергеевне понравилось это новое открытие, что она несет за дочерей ответственность перед обществом: так она стала смотреть на себя, как на лицо весьма ответственное» [СС: 11, II, 505]. Подобные характеристики героинь возникают в романе Лескова в прямой зависимости от идеи, согласно которой женщина обретает ценность в русской культуре именно в ипостаси матери. Лескову важно показать, что Мать несет ответственность за свое Дитя и на нее возложена миссия – привести ребенка

²⁵⁷ Сестра Агния о матери Женни Гловацкой: «Мать твоя была великая женщина, богатырь, героиня. Доброта-то в ней была прямая, высокая, честная, ни этих сентиментальностей глупых, ни нерв, ничего этого дурацкого, чем хвалятся наши слабонервные кучера в юбках. Это была сила, способная на всякое самоотвержение; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу. Да, мой друг Геша, – добавила игуменья со вздохом и значительно приподняв свои прямые брови: – тебе не нужно далеко искать образцов!» [СС:11, II, 22].

к Богу, обеспечить ему Спасение. На примере судьбы Марьи Михайловны Райнер писатель доказывает, что отдаление от Бога ведет не только к крушению женской судьбы, невозможности продолжения рода, но и губит ребенка: «Ульрих Райнер решил никак не крестить сына, и ему это удалось. Ребенок, пососав несколько дней материнское молоко, отравленное материнским горем, зачах, покорчился и умер» [СС: 11, II, 271]. И наоборот, причастность к Таинствам, путь к Богу, понимание истинных смыслов вознаграждается: «Четвертого ноября 1840 года у Райнера родился второй сын. Ульрих Райнер был теперь гораздо старше, чем при рождении первого ребенка, и не сумасшествовал. Ребенка при св. крещении назвали Васильем» [СС: 11, II, 271]. Николай Лесков показывает, что Крещение соединяет человека с Божественным началом, позволяет обрести жизнь вечную в Боге. О важности Крещения говорят многие тексты Священного Писания, и несомненна их правота и истинность для автора: «<...> если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3: 5), т. е. не может обрести дом (как физически, так и метафизически). Дом – символ прочности и стабильности бытия. Человек «вне дома», как правило, не имеет корней, уязвим и несовершенен.

Через пространственную оппозицию «дом – вне дома», героини дифференцируются в нравственных характеристиках. Женщины-праведницы посвящают свою жизнь всецело заботам о доме (комнате), его (ее) уюте: «А уж о комнате Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая девственная комнатка, что стоило в ней побыть десять минут, чтобы начать чувствовать себя как-то спокойнее, и выше, и чище, и нравственнее» [СС: 11, II, 68]. Собственно, и хозяйка комнаты привлекала своей искренностью, добротой, умением сопереживать, и, находясь рядом с ней, другие буквально «оживали»: «С приездом Женни <...> помолодел сам старик, сильнее зацвел старый жасмин, обрезанный и подвязанный молодыми ручками <...>. <...> Люди и старик отец тотчас почувствовали, что в доме есть настоящая хозяйка, которая все видит и обо всех помнит. И стало всем очень хорошо в этом доме» [СС: 11, II, 130–131]. Отношение к «дому» героинь «нового» типа позволяет показать Лескову, что

женщина, утратившая способность любить, жалеть, сострадать, живущая в хаосе, т. е. «вне дома», обречена на одиночество и бездетность. Такая героиня утрачивает родохранительную функцию, что приводит в итоге к неминуемой гибели, безысходности и обреченности. Ярким примером являются судьбы Лизы Бахаревой и Агаты Мечниковой: «К полуночи озноб неожиданно сменился жестоким жаром, Лиза начала покашливать, и к утру у нее появилась мокрота, окрашенная алым кровавым цветом» [СС: 11, II, 688]; «Агата <...> жила совершенно пропав для всего света. Она ждала времени своего разрешения и старалась всячески гнать от себя всякую мысль о будущем» [СС: 11, II, 627]. Н. С. Лесков замечает, что отношение Агаты к своей беременности настолько безразличное, что материнство не способно сохранить героиню в ее мире «вне дома» и вне Бога. Автор романа подчеркивает эту мысль, указывая и на внешность женщины: «Лицо ее позеленело и немного отекло, глаза сделались еще больше, фигура сильно испортилась в талии» [СС: 11, II, 621]. Зеленый цвет, считающийся символом возрождения души и мудрости, в образе Мечниковой воспринимается в значении морального падения и безумия.

О необходимости придерживаться вечных ценностей говорят мужские персонажи романа «Некуда» (письмо Гжицкого к Агате): «Вспомните, что вы ведь русская. Зачем вам быть с нами? Примите мой совет: успокойтесь; будьте русскою женщиною и посмотрите, не верно ли то, что стране вашей нужны прежде всего хорошие матери, без которых трудно ждать хороших людей» [СС: 11, II, 622]. Подобный прием (несоответствие суждений героя его социальной роли), используемый Лесковым, демонстрирует, что, вопреки всем новомодным течениям, существуют вещи незыблемые, нерушимые, фундаментальные. При этом автор романа признает за женщинами «нового» типа ум, стремление действовать, поддерживает их активность в организации собственной жизни, но не наделяет силой, способной вывести их за пределы хаоса.

Важным аспектом в структуре женских образов «нового» типа является их неустойчивость, которая проявляется в испытываемых героинями сомнениях. Например, Лиза проникнута порывом к свободе, ищет реальные воплощения

мира, что поддерживает и Лесков, но на путях «правдоискательства», в борьбе за общее дело и справедливость отрицает национальные основы жизни, что приводит к уничтожению духовной сущности женщины.

Что же касается женщин инфернального типа в романе, то они сочетают в себе все возможные пороки человечества, но главный из них, по мнению автора, – уход от архетипа матери, полное его разрушение. По этой причине писатель на протяжении всего романа характеризует их как глупых, например, о майорше Мечниковой сказано: «В два года, которые провела, расставшись с детьми и мужем, она успела совершенно забыть и о детях и о муже и считала себя лицом вполне свободным от всяких нравственных обязательств. По образу своей жизни и некоторым своим воззрениям Мечникова вовсе не имела ничего общего с женщинами новых гражданских стремлений. Она дорожила только свободой делать что ей захочется, но до всего остального мира ей не было никакого дела. Ей было все равно, благоденствует ли этот мир или изнывает в безысходных страданиях» [СС: 11, II, 596–597]. Естественно, что подобная жизнь героини ведет к смерти: «Зимой madame Мечникова, доживая последнюю сотню рублей, простудилась, катаясь на тройке, заболела и в несколько дней умерла» [СС: 11, II, 607]. По Лескову, жизнь женщины в данном случае бессмысленна и смерть неизбежна.

В образной системе романа «Некуда» прослеживаются черты автобиографизма. Как пишет Г. В. Мосалева, «”автобиографизм” <...> усиливает исповедальность повествования»²⁵⁸. Существует мнение, что женщины инфернального типа буквально во всех произведениях автора – это гиперболизированное изображение жизни Лескова со своей первой супругой Ольгой Васильевной Смирновой²⁵⁹.

Представительницами типа женщины «на перепутье» в романе «Некуда» являются сестры Лизы Бахаревой – Зинаида и Софи (первый опыт создания Лесковым подобного типа). Их образы отражают проблему перехода от

²⁵⁸ Мосалева Г. В. Поэтика Н. С. Лескова. Ижевск, 1993. С. 87.

²⁵⁹ Бывшая супруга Лескова послужила прототипом образа Ольги Розановой.

противоестественного душевного склада к естественному. Зинаида второй год замужем, а «комедий настроила столько, что другая в двадцать лет не успеет» [СС: 11, II, 20]. Другие персонажи романа называют причины, по которым она оказалась «на перепутье», главная из которых – «в неумении скрыть от света своего горя и во всяком отсутствии желания помочь ему, исправить свою жизнь, сделать ее сносною и себе и мужу» [СС: 11, II, 23]. Зинаида колеблется, не знает, как ей поступить: вернуться к мужу или продолжить жить одной. Агния Николаевна (женщина-праведница) указывает, что, выбирая для себя противоестественное для женщины состояние, Зинаида будет «ни девушка, ни вдова, ни замужняя жена», т. е. произойдет окончательный разрыв с национальным. Допустить подобного не может глава семьи – Егор Николаевич. Благодаря его твердости и решимости Зинаида совершает выбор в пользу естественного, привычного для женщины мироустройства: возвращение в семью, признание одного авторитета – мужчины: «Ей давно смерть хотелось возвратиться к мужу, и теперь она получила разом два удовольствия: надевала на себя венок страдальцы и возвращалась к мужу, якобы не по собственной воле, имея, однако, в виду все приятные стороны совместного житья с мужем, которыми весьма дорожила ее натура, не уважавшая капризов распущенного разума» [СС: 11, II, 109]. Совершенно иначе складывается судьба Софи, несмотря на ее явную схожесть с Зинаидой: «Она несколько похожа на сестру Зину и несколько напоминает Лизу, но все-таки она более сестра Зины, чем Лизы. <...> Вообще, это барышня, каких много: существо мелочно самолюбивое, тирански жестокое и сентиментально мечтательное. Такое существо, которое растет, так ничего в нем нет, а вырастет, станет ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец» [СС: 11, II, 44]. У Софи не получается перейти к естественному душевному складу, поскольку в ней не было «женства»: «У Софи наклеывались женишки, но как-то все только наклеывались, а из скорлупы не вылезали» [СС: 11, II, 417].

В женщине писатель видел прежде всего предназначение быть хранительницей семейного счастья. Н. С. Лесков отмечал следующее: «Как о

мужчине экзамены и дипломы ничего не говорят, так и в женщине прежде всего важен ее характер: умение не испортить вам жизнь и затем уже ее искристый, природный ум...»²⁶⁰. В это время автор сосредоточен на осмыслении категории «эмансипация», и для него принципиальным становится верное толкование обществом процессов и изменений, происходящих с женщиной под влиянием идей феминизма.

Очевидно, что во многом героини Н. С. Лескова схожи с женскими персонажами в русской литературе XIX столетия. Например, суждения Николая Лескова о «женском вопросе» близки идеям Ф. М. Достоевского. Последний пишет о русской женщине вообще как о «залоге... обновления» общества, приветствует «подъем в запросах ее... высокий, откровенный и безбоязненный»²⁶¹; кроме того, именно в женщине «самый прямой, честный, но неопытный юный <...> характер, с тем гордым целомудрием, которое не боится и не может быть загрязнено даже от соприкосновения с пороком»²⁶². Созвучность позиций авторов прослеживается и на уровне персонажной системы – в изображении женских образов. Судьба женщины как в творчестве Достоевского, так и в раннем творчестве Лескова находится в руках мужчины («Скажите мне, как вы думаете: выходить мне замуж или нет? Как скажете, так и сделаю»²⁶³ – Настасья Филипповна); общим для героинь является наличие оценочного клейма (сумасшедшая, безумная, калека – Настасья Филипповна, Марья Тимофеевна, Настя Прокудина и др. («Перестали сумасшедшую Настю считать человеком и стали называть ее не по-прежнему Настькой-прокудинской, а Настей-бесноватой» [СС: 11, I, 369])). Оба писателя пользуются понятиями «натура» и «разум», но если у Достоевского это два борющихся друг с другом начала, то у Лескова такого противопоставления нет. В отличие от героинь Достоевского, героини Лескова стихийны по своей сути, их привлекает дело, практика. Героини Лескова борются с окружающим миром за возможность воплотить в жизнь свой идеал, но этот

²⁶⁰ Фаресов А. И. Из воспоминаний о Н. С. Лескове // Свободным художествам. 1910. № 1. С. 27.

²⁶¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1998. Т. 19. С. 25.

²⁶² Там же. С. 25.

²⁶³ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1998. Т. 7. С. 176.

идеал они не ищут в муках и душевных страданиях, как герои Ф. М. Достоевского. Еще одним важным отличием героинь раннего творчества Лескова от женских образов Достоевского служит их отношение к материнству. Женщина в творчестве Достоевского оказывается поруганной, но ей дано материнство, единственное утешение в падшем мире. Материнство преображает женщину, подымает от этого мира, делает ее «юродивой» – заставляет отказаться от разума, забыть о себе и жить чувствами; кроме того, «через детей душа лечится»²⁶⁴. В раннем же творчестве Лескова материнство может быть для женщины и бременем, и величайшей ценностью.

В своем первом романе Н. С. Лесков намечает систему женских образов, получившую развитие в более позднем периоде творчества писателя, где усложняется типология образов-персонажей женщин, среди которых можно отдельно выделить такие типы, как «женщина-мать», «женщина-грешница», «женщина-блудница» и пр. (как в раннем, так и в более позднем периоде каждому типу женщины соответствует свой тип мужчины).

В романе «Некуда», произведении о нигилистах, на первый план Николай Лесков выводит именно фигуры девушек, женщин, показывает, как складывается их судьба, поскольку образы, типы женщин в данном тексте – это, во-первых, индикатор ценностных ориентаций писателя, а во-вторых, способ выражения авторской позиции в отношении социокультурных тенденций эпохи 1860-х годов. В связи с этим роман традиционно рассматривается отечественными литературоведами как антинигилистический, «панорамный», социальный, в то время как роман 1865 года «Обойденные» называют новым типом романа в творчестве Лескова²⁶⁵ – «нравственно-психологический роман с развитым лирическим началом»²⁶⁶. Указанный художественный текст до сих пор считается

²⁶⁴ Там же. С. 86.

²⁶⁵ Как пишет Ж.-К. Маркадэ, «"Обойденные" являются единственной попыткой Лескова написать психологический роман, где главную роль играет любовь». Маркадэ Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с франц. А. И. Поповой, Е. Н. Березиной, Л. Н. Ефимова, М. Г. Сальман. СПб., 2006. С. 104.

²⁶⁶ Казакова Т. В. Жанровое своеобразие романов Н. С. Лескова 60 – начала 70-х годов XIX столетия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Харьков, 1996. С. 4.

малоисследованным²⁶⁷, хотя он, безусловно, интересен лескововедам, поскольку на его страницах писатель откликнулся не только на события русской жизни, но и на множество явлений русской литературы. В данном романе Николай Лесков намечает целую галерею женских образов, что характерно для его художественной системы в указанный период – период поиска. Среди женских персонажей произведения уже традиционно можно выявить тип женщины-праведницы, женщину инфернального типа, эмансипированную женщину.

Тип женщины-праведницы реализован в образе Ульяны Петровны Долинской, о которой в тексте романа можно узнать, что она «скорбела о людской злобе и не выходила из церкви или от бедных. Нищие, странные и убогие были любимой средой Долинской <...>» [СС: 12, III, 21]²⁶⁸. Важной становится оценка персонажа другими героями романа. Например, муж Долинской подчеркивает, что Ульяна Петровна – «истинная христианка, бессеребренница, незлобивая» [СС: 12, III, 21]. Характеристики, данные героине, являются ключевыми для понимания образов праведниц писателя. Он подчеркивает истинность веры Ульяны Петровны, формируя представление о том, что она способна не только избегать греха, но и возвращать добродетели.

Образ Юлии Азовцовой в романе восходит к инфернальному типу: «Нрав у этой чернявки был самый гнусный: хитра, предательски ехидна, самолюбива, жадна, мстительна, требовательна и жестокосердна» [СС: 12, III, 26]. Главный порок героини в том, что «любить кого-нибудь, кроме себя и денег <...> не могла, не умела и не желала» [СС: 12, III, 26]. Для Лескова доминантной чертой женского образа является способность любить, о чем он неоднократно упоминает в тексте романа: «Где всем этим *тальянкам* до нашей, до русской! Наша русская

²⁶⁷ Среди наиболее значимых работ, посвященных роману «Обойденные», следует назвать следующие: Видуэцкая И. П. Чернышевский и Лесков / Из литературной полемики 60-х годов // Чернышевский и литература народов Советского Союза. Ереван, 1988. С. 120–146; Хан Нам Су. Роман Н. С. Лескова «Обойденные» в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 1997. 24 с.; Маркадэ Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с франц. А. И. Поповой, Е. Н. Березиной, Л. Н. Ефимова, М. Г. Сальман. СПб., 2006. 478 с.

Докторская диссертация Ж.-К. Маркадэ, в которой один из параграфов посвящен роману «Обойденные», вышла в 1987 году.

²⁶⁸ Все ссылки на «Собрание сочинений в 12 т.» (М. : Правда, 1989) приведены в тексте в квадратных скобках со следующим указанием: [СС: 12]. Кроме того, римской цифрой указывается номер тома, арабской – страница

как полюбит, так и пригреет, и приголубит, и пожалеет, а это все...» [СС: 12, III, 130]. Любовь в ценностном мире автора – это источник всех благ, без нее ни одна добродетель не принесет никакой пользы.

Испытанию любовью подвергаются также две главные героини романа «Обойденные» – Дора и Анна Михайловна. Николаю Лескову, сквозь призму данного чувства, переживаемого героинями, важно понять, насколько жизнеспособны женщины «нового» типа, которые пытаются приблизиться к разгадке коренных законов бытия с позиций рационализма. Например, в речи Доры превалируют следующие идеи: «я неспособна к семейной жизни, <...> я и сама ни за кого не пойду замуж» [СС: 12, III, 49]; «хроническое самопожертвование на целую жизнь, нет-с, это невозможно» [СС: 12, III, 56] и пр. Влюбленность, которая возникает у Доры по отношению к Долинскому, продиктована скорее азартом, желанием ощутить новое для себя чувство, в чем героиня и признается в *письме из-за могилы*: «А нельзя было не сжечь его! Он так хорошо, так дивно хорошо горел!.. Говорю тебе одно, что если бы ты умерла прежде меня, я бы... нет, я ничего не знаю» [СС: 12, III, 216]. Очевиден итог судьбы Доры – смерть, поскольку Лесков не видит дальнейшего развития ее образа, ее жизнь и деятельность исчерпаны. Несмотря на типологическое сходство этих двух женских образов, иначе строится судьба Анны Михайловны, которая была женщиной деятельной и просвещенной («Открыла хорошенький модный магазин и стала работать» [СС: 12, III, 17]; «Дорушка не была так образована, как Анна Михайловна; она даже с великим трудом объяснялась по-французски <...>» [СС: 12, III, 17]). Речь героини наполнена такими словами и выражениями: «он мне просто жалок» [СС: 12, III, 20]; «не могу пренебрегать равнодушно» [СС: 12, III, 20], – что выявляет в ней лучшие черты русской женщины, умеющей оказать сострадание и милосердие. Обращает на себя внимание способность героини плакать и испытывать «великопостную любовь» [СС: 12, III, 104], т. е. освобожденную от греха. Но и этот женский образ глубоко трагичен: Анна Михайловна узнает о смерти своего ребенка от князя Сурского, переживает предательство со стороны Доры и Долинского, при этом важное

качество своей души она смогла сохранить – способность прощать, любить и жалеть: «– Но ведь *его* нету; *он пропал*... погиб. – Погибшие еще более жалки» [СС: 12, III, 278].

Наметившаяся еще в романе «Некуда» типология женских персонажей была продолжена в «Обойденных», и это подтверждает, что Лесков в 1864–1865-е годы ищет нравственные основания, на которых могла бы держаться русская национальная культура и которые подтверждали бы ее самобытность. К тому же писателю необходимо проверить на конкретных женских образах собственные убеждения, связанные с теорией «разумной эмансипации».

Сюжет романа, его проблематика, образы главных героев, стиль повествования связаны непосредственно с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?»²⁶⁹, кроме того, ощущается ориентированность Лескова в 1864–1865-е годы на творческий опыт Ф. М. Достоевского. Современная исследовательница романа Николая Лескова «Обойденные» Хан Нам Су в диссертационном исследовании «Роман Н. С. Лескова “Обойденные” в историко-литературном контексте» рассматривает вопрос о сложном «взаимодействии художественной мысли Лескова с мыслью его предшественников и современников»²⁷⁰; следует уточнить, что и осмысление эмансипации в данном художественном тексте сопряжено с ранними публицистическими работами автора. Данный художественный текст можно рассматривать в качестве продолжившейся полемики Лескова с современниками по «женскому вопросу». Убедительным в данном контексте может стать эпизод из романа, где в уста Доры вложены идеи, транслируемые Лесковым еще в 1862 году: «<...> Я бы все силы мои употребила растолковать женщинам, что все ваши о нас попечения... просто для нас унизительны. – Да что ж, Дарья Михайловна, унизительно, вы говорите? Позвольте вам заметить, что в настоящем случае вы несколько неосторожно увлеклись вашим самолюбием. Мы хлопчем вовсе и не о вас-то есть не только не

²⁶⁹ И. П. Видуэцкая в исследовании «Чернышевский и Лесков (из литературной полемики 60-х годов)» подробно освещает проблему полемического подтекста «Обойденных», глубокой связи этого произведения с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

²⁷⁰ Хан Нам Су. Роман Н. С. Лескова «Обойденные» в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 1997. С. 16.

о вас лично, а и вообще не об одних женщинах. – А о себе – я это так и догадывалась. – Да хотя бы-с и о себе! Пора, наконец, похлопотать и о себе, когда на нас ложится весь труд и тяжесть заработка; а женщины живут в тягость и себе, и другим – ничего не делают. Вопрос женский – общий вопрос. – Да то-то вот; пожалуйста, хоть не называйте же вы этого вопроса *женским*. – А как же прикажете его называть в вашем присутствии? – *Барыньский, дамский* – одним словом, как там хотите, *только не женский*, потому что, если дело идет о том, чтобы русская женщина трудилась, так она, русская-то женщина, monsieur Шпандорчук, всегда трудилась и трудится, и трудится нередко гораздо больше своих мужчин. А это вы говорите о барышнях, о дамах – так и не называйте же ихнего вопроса нашим, *женским*. – Мы говорим вообще о развитой женщине, которая в наше время не может себе добыть хлеба. – *Развившаяся до того, что не может добыть себе хлеба! Ха-ха-ха!.. Дорушка неудержимо расхохоталась*» [СС: 12, III, 79]; «Я очень довольна моими правами; я нахожу, что у меня их ровно столько же, сколько у вас, и отнять их у меня никто не может» [СС: 12, III, 77]. Очевидно пересечение магистральных идей художественного и публицистического творчества Лескова первой половины 1860-х годов (постижение автором феномена эмансипации в России), но и, имея в виду творческий диалог писателя с современниками, становится возможным сопоставление женских образов романа «Обойденные» с женскими образами в романах «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Накануне» И. С. Тургенева, «Обломов» И. А. Гончарова, «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского и др.

Вслед за романом «Обойденные» в повести «Островитяне» (1865–1866) Николай Лесков отходит от памфлетности и фотографичности, сосредоточивая свое внимание на изображении жизни петербургских немцев, среди которых важная роль принадлежит женским персонажам. В диссертационном исследовании Н. Ю. Даниловой «Диалог “своего” и “чужого” в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и

инородцах)»²⁷¹ сформулирована гипотеза, согласно которой «герои повести – петербургские немцы – показаны как персонажи, которые испытывают влияние двух культур, “своей” и “чужой”, и поставлены автором перед проблемой выбора культурной идентичности»²⁷². Анализ женских образов повести, с точки зрения данного подхода, кажется плодотворным, позволяющим высветить позицию автора в отношении вопроса, связанного с самоопределением женщины, кроме того, становится возможным говорить и об актуальности конкретных типов персонажей для творчества Н. С. Лескова.

В первой главе повести «Островитяне» рассказчик вводит читателей в семью Норков, которая на момент знакомства состоит из пяти женщин: бабушки, Софьи Карловны и ее трех дочерей (Берта, Маничка, Ида). Софья Карловна Норк воплощает собой образ женщины, которая способна трудиться, но при этом она хорошая жена, хозяйка и мать. Старшая дочь Софьи Карловны, Берта, уже успевшая счастливо выйти замуж, также выбрала для себя жизненные приоритеты: «Берта Ивановна Шульц была прежде всего и больше всего красавица, здоровая, свежая, белая, роскошная, очень добрая, угодливая, верная жена, страстно нежная мать и бесценная хозяйка» [СС: 11, III, 23]. Лесков, оставаясь в этот период верным принципам «разумной эмансипации», неустанно повторяет, в чем должна быть заключена суть женского труда: «Это было уже собственное производство Софьи Карловны, которым она занималась не по нужде какой крайней, а единственно по страстной любви своей к труду и из желания собственноручно положить хоть какую-нибудь, хоть маленькую, хоть крохотную лепту в свою семейную корвану» [СС: 11, III, 10]. Занимаясь коммерческой деятельностью, Софья Карловна свято берегла в себе свойство, унаследованное от бабушки Норк: «У старушки Норк оставалось довольно ума и очень много сердца для того, чтобы любить каждый листочек дерева, выросшего из ее праматеринского лона <...>» [СС: 11, III, 23]. В данном случае образ семейного

²⁷¹ Данилова Н. Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 2011. 30 с.

²⁷² Там же. С. 19.

древа, древа жизни²⁷³ становится смыслообразующим в повести Николая Лескова. Благодаря включению этого образа женские персонажи повести рассматриваются в контексте неразрывной связи с Божественным началом, мировым знанием; особое значение приобретают мотивы плодородия, бессмертия, которые соотносятся с главными героинями художественного текста Лескова.

Несмотря на кажущееся различие, Ида и Маня воплощают собою тип героя-праведника, но в разных его ипостасях. Маня Норк представлена в повести «незлобным земным ангелом» [СС: 11, III, 8], обладающим «чистым дыханием» [СС: 11, III, 8] и «благословляющим голосом» [СС: 11, III, 8]; Ида – «совсем что-то такое, так собственно и рожденное исключительно для семьи Норков и имеющее здесь, в этой семье, свое вековечное место» [СС: 11, III, 25]. Образ Иды на протяжении повествования статичен, и ее роль в тексте – сохранение семьи, рода, что подкрепляется внешним сходством с матерью: «И она так и осталась с прекрасными локонами, которые еще не скоро поседеют, чтобы довести сходство Иды с матерью до неразделимого подобия» [СС: 11, III, 191].

Образ же Мани претерпевает изменения – Николай Лесков сознательно подвергает героиню нравственным испытаниям, в столкновении с которыми раскрываются лучшие стороны ее характера и, главное, оказывается ощутимой сопричастность героини к основам русской жизни.

В повести «Островитяне» Лесковым намечена концепция праведничества. Так, истинным праведником для Лескова является герой, который смог осознать свою греховность, преодолеть искушение и вернуться к привычному укладу жизни русского человека – к жизни во Христе. Маня, доверившись Истомину, который так и не смог ее полюбить, губит свою женскую судьбу: «Тяжелая полоса потянулась над бедным семейством Норков. Похороны бабушки отбывались как бы потоймя, без всякого шума и наскоро. Столбняковое состояние Софьи Карловны окончилось в минуту ее прощания с гробом матери: она разрыдалась и заговорила. Виновница всех этих бед, слабая Маня, хотя и

²⁷³ «Древо жизни» восходит к древнейшим временам и встречается в памятниках культуры различных народов как символ Вселенной. Образ «древа» восходит к Библии, к Ветхому Завету и находит дальнейшее развитие в Новом Завете. Тема грядущего мира воплощена в аллегорическом образе «древа» в Откровении Св. Иоанна: 22 (1,3).

разрешилась в страшных муках мертвым, еще не сформировавшимся ребенком, но оставалась в положении самом неутешительном. Много дней кряду она провела в постоянном забытии и без сознания; к этому присоединились другие явления, заставлявшие всех беспрестанно ждать еще худшего и опасаться то за Манину жизнь, то за ее рассудок» [СС: 11, III, 126]. В художественных произведениях Лескова 60-х годов гибель ребенка – свидетельство катастрофического состояния России, знак бездуховности, обесчеловечивания общества, указание на потерю людьми нравственных ориентиров. По мысли автора, только возвращение в лоно русской традиционной культуры, осознание женщиной своих обязанностей перед семьей и перед обществом способны вывести ее из состояния кризиса.

В романе заложены основы еще одной ключевой особенности творчества Лескова, которая связана с изображением женских персонажей, – присутствие в судьбе женщины мужчины-праведника, способного оценить чистоту ее души и устремленность к Богу. Подобный союз приводит неизменно к искуплению вины, просветлению и преображению женского образа²⁷⁴. В случае с Маней таким мужчиной оказывается Роберт Бер, проповедующий истинные ценности, которые должны стать незыблемыми и для каждой женщины: «Есть много женщин, которым, как тебе, не посчастливилось у очага, и они не изнывали духом, они себе у бога не просили смерти и не пошли путем лукавым. Они создали себе место в жизни; создали его себе у каждого очага, где вечером тихо горит обрубок дерева, перед которым садится мать с детьми» [СС: 11, III, 159]. Художественно значимой деталью становится то, как Бер обращается к героине: он называет ее Марией. Он же воспринимает ее в ореоле святости и совершенства; а Богородичное просветление героини предопределено русским вариантом имени: «Блаженнейшим покоем полна будет моя душа, когда я вспомню о тебе. Тогда я стану здесь, вот здесь, перед крестом, вздохну... быть может, и заплачу, но тогда я буду *муж*, Мария. Я буду гордый муж, муж силы, муж, который не сгубил, а спас тебя и поднял. Мария!» [СС: 11, III, 160]. Очевидна ориентация Н. С. Лескова на

²⁷⁴ Данная стержневая черта получит свое емкое воплощение в произведениях автора 1870-х годов.

образ Девы Марии²⁷⁵ при конструировании образа героини. Евангельские упоминания о Деве Марии кратки, но они дают читателю достаточно полное представление об ее нравственной высоте: скромности, вере, терпении, мужестве, покорности воли Божьей, самоотверженной любви и преданности своему Божественному Сыну. По слову Ангела, Дева Мария удостоилась «обрести благодать у Бога» (Лк 1: 30), что прослеживается и в судьбе Марии Норк: в дальнейшем она выбирает для себя роль детской писательницы, т. е. смысл жизни героини в служении детству. Неслучайным в этом контексте видится и выбранное автором место действия в повести – Васильевский остров. Согласимся с Ю. В. Шатиным, который считает, что жизнь острова отличается от материкового существования, кроме того, «остров может стать раем, может превратиться в ад, а может оказаться пространством инициации, где герой, проходя испытания, пересекает лиминальный порог и получает новый, преображенный статус»²⁷⁶. Лиминальность, в случае с Марией Норк, связана с изменением самосознания героини, ее ценностей.

Проблема детства заявлена Лесковым в публицистическом творчестве, но в

²⁷⁵ К числу женских имен, наиболее часто встречающихся в русской классической литературе, следует отнести такие, как Мария, Анна, Екатерина, Елизавета и Софья, Наталья, Ольга и Елена, Вера, Александра, Татьяна. В этом ряду исключительная роль по частоте актуализации принадлежит женским образам с именем Мария. Женские образы с именем Мария встречаются на страницах произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и др. Можно говорить о том, что героиням с именем Мария в той или иной степени присущи специфические признаки и характеристики, которые позволяют объединить их в устойчивую типологическую модель, восходящую к библейскому архетипу Девы Марии. Основаниями для этого служат следующие общие свойства:

- своеобразие имени – семантика имен такова, что она определяет не только общий характер героинь, но и задает ход событий, т.е. героиня делает только то, что семантически сама означает;
- сакрализация женственности (обожествление; качества, присущие земной женщине, близки качествам сакральных образов – в данном случае Деве Марии);
- охранительная функция (Мария как хранительница домашнего очага, нравственных устоев);
- осязаемая поддержка со стороны мужчины (Ставрогин, Бурмин, Лопухов, Кирсанов, Дубровский, Роберт Бер и др.);
- материнство и юродство, которые, по мнению Р. Я. Клеймана, объединяются у Ф. М. Достоевского в образе Богоматери. Исследователь приводит слова Свидригайлова о том, что и у Сикстинской мадонны было лицо скорбной юродивой (в романе «Островитяне»: «Маня в самом печальном положении; у нее развивается меланхолия с самыми странными припадками» [СС: 11, III, 126–127]);
- милосердие, жертвенность, которые являются, пожалуй, основополагающими, определяющими женской натуры;
- для Марий свойственна любовь-сострадание, уходящая корнями в русское православие и народную традицию. Естественность и легкость, с какой эти героини без насилия над собой осуществляют это стремление, и придает красоту всему их облику;
- смирение как стержневая черта характера Марий. Яркие, выразительные портреты героинь выявляют высокие нравственные черты: силу, выносливость, трудолюбие, цельность характера, скромность, достоинство. Рисует образ русской женщины с большим сердцем и пламенной душой.

²⁷⁶ Шатин Ю.В. Чудо – остров: география поэтики и поэтика географии // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 156.

своем художественном воплощении она осмысливается как важнейшая философская и духовно-нравственная проблема эпохи. К ней обращались такие мастера слова, как Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др.

Таким образом, имя Мария в художественном тексте Лескова несет в себе идею спасительной миссии женщины, представление о женской святости, женском начале как воплощении морально-нравственного идеала.

В одной из первых крупных монографий о Лескове, принадлежащей перу А. Л. Волынского (несмотря на то, что она представляет собой не совсем удачный, по мнению ряда исследователей (В. В. Розанова, Г. В. Мосалева и др.), опыт толкования творчества писателя через его биографию), даются точные и мотивированные характеристики женским персонажам в таких произведениях Лескова, как «Островитяне» и «Обойденные»: «В противовес “Обойденным”, где тронута женщина, вносящая величайший хаос в душу мужчины, Лесков дает здесь идеал женщины действующей и женщины прощающей, Иды и Мани, как бы новых Марфы и Марии»²⁷⁷. А. Л. Волынский считает, что Лесков выступает с апофеозом «женщины-праведницы и деятельницы, которая спасет жизнь и спасет мужчину, изолгавшегося, запутавшегося, душевно выцветшего»²⁷⁸. Дева, которая выбирает заботу о семье, доме, родителях, которая способна отказаться от личного счастья не смешна ему (Лескову. – А. К.), а свята для него. На сегодняшний день исследователи творчества Лескова активно поддерживают данную идею, разрабатывают проблему в поле религиозной философии (в частности мыслям А. Л. Волынского созвучны размышления И. Мюллер де Морог).

В качестве героев Лесков, как уже было упомянуто, выбирает петербургских немцев, подробно рассказывая в повести «Островитяне» об их привычках, правилах, образе жизни. Но во многом благодаря введению образов иностранцев в ткань художественного произведения автору удается просто и

²⁷⁷ Волынский А. Н. С. Лесков // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 282.

²⁷⁸ Там же. С. 282.

убедительно показать достоинства русской культуры, ее сильные стороны; столкнув «свое» и «чужое», писатель раскрывает идею, которая на протяжении всего его творчества останется ключевой, – нравственный идеал общий для всех национальностей и культур.

Подтверждением гипотезы, связанной с тем, что 1860-е годы – это период поиска, эксперимента; период, связанный с осмыслением роли женщины, может служить рассказ 1867 года «Котин доилец и Платонида», где сообщается история жизни Аксиньи Матвеевны: «Вытолкнутая девушка была сирота, племянница Семена Деева, Аксинья Матвеевна. Ей было тогда всего восемнадцать лет <...>» [СС: 11, I, 223]. Несмотря на свой юный возраст, девушка знала, куда ей необходимо идти – к возлюбленному Иону Пизонскому: «Выгнанная сирота, скромная как агнец, пошла на все за своим любимцем: она приняла его веру, его имя и звание – сделалась его женой и пономарицей, и через пять месяцев родила ему сына Константина» [СС: 11, I, 224]. После смерти мужа Аксинья продолжает заботиться об их сыне, непринятая обратно в дом Деева, приютилась в женском монастыре, внесла туда и сына, назвав его девочкой Макриной. Мать по отношению к ребенку отличалась «беспрестанным бдением» и искренне заботилась о его воспитании, поэтому в возрасте двенадцати лет вывела его из обители. Никаких больше сведений о матери героя нет, но она смогла воспитать человека, который способен подарить другим людям любовь и заботу. Оставшиеся без отца и матери Глаша и Нилочка вызывают в душе Пизонского чувство, которое диктовало ему необходимость покровительствовать детству. Не смог герой смириться с признанием детей: «– Бьет вас бабушка, детки? <...> – Бот, – прошептали тихо дети. – И больно? – Боно, – проронили они еще тише и робче и смаргивая слезы, напряженно смотрели с раздирающей детской тоскою на ту же глупо блестящую пуговицу» [СС: 11, I, 229]. Герой становится для девочек и отцом, и матерью – всем: «<...> сел над ними на корточки, как наседка, и, подобрав их под грудь, в течение всей короткой ночи согревал их животную теплотою собственного тела и сам плакал... сладко плакал от счастья» [СС: 11, I, 231].

Неожиданным выглядит появление образа мужчины, который способен подарить детям-сиротам, оставшимся без матери, детство. Тем самым Лесков подчеркивает мысль, что материнская забота, материнское участие – важный элемент в формировании личности, ее нравственных категорий. От душевной отзывчивости матери, терпения, самоотверженности и любви зависит духовное здоровье детей, семьи, общества в целом. Отсутствие подобного влияния либо утрата женщиной взгляда на себя как на мать грозит вырождением русского народа. В небольшом по объему произведении Лесков доводит до абсолюта идею, прозвучавшую в романах «Некуда» и «Обойденные» и повести «Островитяне».

Будучи знатоком русской жизни, Николай Лесков не устает искать исключительные характеры в среде народной. Примером продолжившихся поисков можно считать образ Домны Платоновны в повести «Воительница» (1866) и образы купчих в драме «Расточитель» (1867). В этом видится стремление автора показать разные грани женского мира, создать галерею типических женских образов, т. е. необходимость отразить народную жизнь современной автору России во всех ее проявлениях. Писателя интересует процесс распространения эмансипации, процесс *перерождения* женщины, этап переосмысления как самой женщиной, так и обществом нравственных основ жизни. В этих произведениях обозначена позиция автора в отношении современных ему нравов, выражена обеспокоенность писателя, связанная с утратой людьми доверия друг к другу, все разрастающимся эгоизмом. Выразить идеи, указывающие на духовное омертвление общества, Лесков доверяет Домне Платоновне: «Да уж нечего тебе со мною спорить: на чем же, по-твоему, нынешний свет-то стоит? – на обмане да на лукавстве» [СС: 11, I, 146]. Лесков-публицист все еще угадывается и в этих художественных текстах.

Пребывая в раздумьях о судьбе русского человека, русской женщины, писатель завершает первый период творчества (в изучаемом нами аспекте) хроникой «Старые годы в селе Плодомасове» (1868). В Плодомасовском цикле история России показана через историю дворянского рода Плодомасовых. Французский исследователь творчества Н. С. Лескова Жан-Клод Маркадэ

справедливо отметил следующее: «Части хроники автор назвал “очерками”. Обращение к этому весьма популярному в 1860 годы жанру указывает на этнографическую направленность произведения; Лесков не списывает персонажей или ситуации “с натуры”, но, относя эти тексты к “очеркам”, дает понять, что, хотя его персонажи и ситуации вымышлены, они типичны для того времени»²⁷⁹. Первоначально хроника «Старые годы в селе Плодомасове» задумывалась как своеобразная трилогия, раскрывающая особенности жизни боярыни Плодомасовой и ее потомков: «Мне хотелось создать нечто вроде трилогии, т.е. написать бабушку – боярыню Плодомасову, дочь ее г-жу Туганову и внуку»²⁸⁰. Николаю Лескову, согласно замыслу, было необходимо показать развитие рода и за счет чего это развитие осуществимо, ведь миссия женщины, по мнению автора, в сохранении культурно-национальных традиций.

Замысел был реализован не до конца, поскольку автору удалось только первая часть: история жизни Марфы Андреевны Плодомасовой. Н. И. Либан отмечал, что героиня Лескова – историческое лицо эпохи²⁸¹. Она личность яркая, стоящая на рубеже веков. В этой книге изображается жизнь героини с 1812 по 1850 год. Марфа Андреевна была свидетельницей эпох Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I; героиня постигла истинное знание вековых основ жизни.

Писатель на небольшом текстовом пространстве активно использует следующие речевые обороты (говоря о Плодомасове, муже Марфы Андреевны): никто не жалеет, никто не любит, просил милости. И только «одна она, простит его, и он не ошибся» [СС: 11, III, 217]. Лесков сознательно указывает на силу и мощь, заложенные в образе Марфы Андреевны, подчеркивая душевную боль, которую она способна испытывать: «<...> с горькой жалостью взглянула на

²⁷⁹ Маркадэ Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с французского А. И. Поповой, Е. Н. Березиной, Л. Н. Ефимова, М. Г. Сальман. СПб., 2006. С. 193.

²⁸⁰ Цит. по: Гебель В. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945. С. 130.

²⁸¹ См. : Либан Н. И. Из спецкурса «Творчество Н. С. Лескова» // Русская словесность. 1995. № 6. С. 17–22; Либан Н. И. Кризис христианства в русской литературе и русской жизни // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997.

униженного Плодомасова» [СС: 11, III, 218]; «Пусть за меня никому зла не будет! – отвечала матери на ухо дочь, хороня на плече ее свое личико» [СС: 11, III, 218]. В образе Марфы Андреевны отчетливо проявляются черты праведницы, на которые указывают и сами персонажи хроники: «”Защити, защити меня, праведница!”» [СС: 11, III, 221]. Героиня же, в свою очередь, «завещала», «твердо надеялась», «вся насквозь хрусталем светясь», исполняя тем самым отведенную автором для нее роль (с помощью градационного глагольного ряда автор расширяет и обогащает семантику имени). И даже в момент пытки «о мясе Марфа Андреевна не заботилась. <...> Терпеливо сносила без малейшего стона неносную боль от вытягиваний и от ожогов, лопавшихся в мыльной щелочи» [СС: 11, III, 248]. Телесные мучения героиня с достоинством выдержала, имея перед собой цель – спасти младенца (сына Алексея): «Плодомасова поцеловала расхохотавшегося мальчишку и, бросив его на руки стоявшего перед нею сына, тихо шепнула ему: – Видишь... у бабки на лежанке в заячьем рукаве доспел!.. Понеси его к образу да благослови» [СС: 11, III, 251]. Данный фрагмент текста формирует семантическое поле, способствующее постижению смысла как всего произведения, так и образа героини: на плечах Марфы Андреевны спасение не просто младенца своего сына, а спасение рода человеческого.

Рядом с именем главной героини всегда находится развернутое в большей или меньшей степени словосочетание, выражающее авторскую точку зрения (используется для этой же цели и курсив): «мнилось ему, что она его защитит» [СС: 11, III, 215], «одна она» [СС: 11, III, 217], «отныне будет выше всего она» [СС: 11, III, 219], «жена ему была утешением» [СС: 11, III, 221] и др. Подобные словосочетания формируют дополнительный семантический фон имени. Имя героини и смысловые ассоциации, которые возникают в ходе чтения текста, указывают на то, что Н. С. Лесков, рисуя образ своей Марфы Андреевны, за основу взял евангельского персонажа – святую Марфу. В этом евангельском персонаже Лесков видел женский тип, соответствующий идеалу, канону восприятия русской женщины (в 1880–1890-е годы Лесков начинает повесть под

названием «Марфа и Мария», но не доводит ее до конца)²⁸². Для Н. С. Лескова евангельский сюжет, раскрывающий историю жизни Марфы и Марии, был интересен тем, что позволял приблизиться к пониманию основ бытия, основ человеческих взаимоотношений. Например, в Евангелии от Луки говорится, что «в продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа, Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:38–42). Главный символический смысл этого эпизода – показать две жизни – деятельную и созерцательную. Первую олицетворяет собой Марфа, вторую – Мария. В одном из незаконченных произведений Лескова («Дурное место») персонаж из народа трактует своим особым образом данный эпизод из Священного Писания: «Мы уважаем Марию, которая научила нас, как надо себя понимать, но знаем, что Марии не пришлось бы все это узнать и открыть нам, если бы ее не вскормила своими заботами многопечальная Марфа, и за то мы считаем, что все добро, которое нам открыла Мария, пришло к нам через Марфу, и без ее трудов и забот не слышать бы нам наущения Марии»²⁸³. Использование данного евангельского сюжета раскрывает замысел автора – понять национально-специфическое, т. е. через конкретный женский тип увидеть общее, характерное, закономерное в образе русской женщины, разглядеть в ней те черты, которые поспособствуют

²⁸² Уже в романе «Обойденные» встречается упоминание о Марфе и Марии: «– Видите, – начала, подходя к городу, Дора, – почему я вот и назвала таких женщин Мариями, а нас – многоречивыми Марфами. Как это все у нее просто и все выходит из одного *люблю*. – Почему *люблю*? – Потому, что он такой недуренький и ласковый. А совсем нет! Она любит потому, что *любит его*, а не себя, и потом все уж это у нее так прямо идет – и преданность ему, и забота о нем, и боязнь за него, а у нас пойдет марфунство: как? да что? да, может быть, иначе нужно? И пойдут эти надутые лица, сушенье, скитанье по углам, доказыванье характера, и прощай счастье. Люби просто, так все и пойдет просто из любви, а начнут вот этак пещися и молвить о многом – и все пойдет как ключ ко дну» [СС: 12, III, 161]. Этот факт доказывает интерес Н. С. Лескова к евангельским персонажам и может свидетельствовать о возникающем замысле по созданию отдельной повести, посвященной указанным героиням.

²⁸³ Цит. по : Маркадэ, Жан-Клод. Обзор некоторых неизданных рукописей Н. С. Лескова // *Leskoviana / A cura di D. Cavaion e P. Cazzola*. Bologne: Clueb, 1982. P. 237–239.

установлению мирового порядка.

В художественных произведениях 1860-х годов Н. С. Лесков обратился к постижению особенностей женского мира. В этот период он одинаково внимателен как к судьбе простой крестьянки (например, Настя Прокудина («Житие одной бабы»)), так и к судьбе молодой купчихи (например, Катерина Измайлова («Леди Макбет Мценского уезда»)). Благодаря знаниям, усвоенным еще в раннем детстве, художник понимал сложность русского национального характера, учитывал его разнообразные проявления, в связи с чем ему и удалось создать образ эпохи, совокупный образ народа, где женщина – типичный «продукт» жизни своего времени.

Художественные произведения автора первой половины 1860-х годов призваны отразить быт и культуру русского народа, состояние русской деревни. Для Николая Лескова в этот период творчества в большей степени важен социальный аспект повествования, ориентированность на события русской жизни. Разнообразные женские типы, встречающиеся на страницах его произведений, – свидетельство творческого поиска идеального женского образа.

В произведениях второй половины шестидесятых годов (роман «Обойденные» (1865), повести «Островитяне» (1865–1866) и «Котин доилец и Платонида» (1867), хроника «Старые годы в селе Плодомасове» (1868)) образы женских персонажей, их усложнение свидетельствуют о росте таланта писателя, об углублении его реалистического мастерства, о многомерном и всеохватном изображении явлений русской жизни, сосредоточенности автора на постижении истинного предназначения женщины.

Подвергая различным испытаниям (личная свобода, любовь) своих героинь, Лесков тем самым показывает, благодаря каким качествам характера становится возможным преодолеть духовный кризис. Подчас единственным спасением для героинь выступает способность верить (проявляющаяся неожиданно, благодаря участию в их судьбе мужчины), в то время как стремление к личной свободе и независимости отходит на второй план.

Симпатии Лескова в этот период на стороне героинь, воплощающих собой

женщин «нового» типа, но их неизбежная гибель (в большинстве рассмотренных случаев) – свидетельство колебаний Лескова в отношении их истинности и правдивости. В 1860-е годы писатель находится в неустанном поиске той специфической черты женского характера, которая способствовала бы сохранению жизни как отдельной личности, так и целого рода; черты, которая бы вела по пути сохранения нравственных законов рода. Бесплодность существования «новых женщин» в художественных произведениях автора связана и с объективной стороной – необходимо время, для того чтобы «чужое» стало «своим», закрепилось в русской национальной культуре. Женские персонажи на страницах произведений Лескова становятся образами-символами.

В 1860-е годы Лесков выступает с идеей «разумной эмансипации», в соответствии с которой конструируется авторский идеал – синтез свободы и традиционных христианских ценностей. В романе «Некуда» выстраивается исходная типология женских образов, модификация которых будет определять своеобразие общей системы этих образов в творчестве писателя: женщина-праведница, женщина «нового» типа, женщина инфернального типа, «женщина на перепутье».

Если в публицистике автору удалось сформулировать свое понимание категории «разумная эмансипация», отразить ее специфику, то ни в одном из женских образов художественной системы раннего Лескова, на наш взгляд, данная идея не получила адекватного воплощения. Причина кроется в том, что появление «нового “нового”» типа женщин было не подготовлено в России 1860-х годов, что осознавал и Николай Лесков, демонстрируя его нежизнестойкость; отсюда, в частности, явление «стихийной эмансипации» и его следствие. Традиционно под «новым» типом женщин в русской литературе XIX столетия понимается тип женщин деятельных, просвещенных – нигилисток. В диссертационной работе мы вводим понятие «новый “новый”» тип женщин, т. е. женщина просвещенная, деятельная, страстно желающая обрести не только социальную свободу, независимость, но и жаждущая любви, в высшем ее проявлении, семейного благополучия. Героини писателя, увлекаясь

нигилистическими идеями, свободой и равенством, предавали забвению или в недостаточной степени осознавали истинно женское предназначение, что для Лескова было неприемлемо.

С этими идеями он подходит к новому периоду творчества, который начался романом «Соборяне», открывшим прижизненное собрание сочинений писателя.

3.2. «На перепутье»: духовно-нравственные ценности женщины и художественная идеология Лескова 1870-х годов

Период расцвета творчества Лескова приходится на 1870-е годы, именно в это время в полной мере проявилось дарование писателя. В этот период сложились жанровые и стилевые приемы, которые с середины 1870-х гг. стали основными в структуре произведений автора. Исследователь творчества Н. С. Лескова Н. Н. Старыгина, например, указывает, что вторая половина 60-х годов – первая половина 70-х годов – «завершение периода поисков и начало нового этапа в писательской деятельности»²⁸⁴.

В этот время из-под пера художника выходят такие произведения, как «На ножах» (1870), «Соборяне» (1872), «Запечатленный ангел» (1872–1873), «Очарованный странник» (1873), кроме того, писатель создает несколько литературных циклов: «Праведники», «Рассказы кстати», «Святочные рассказы».

«Соборянами» Николай Лесков открыл собрание своих сочинений (1889–1890), поместив их в первом томе и тем самым подчеркнул значение, которое он придавал этому произведению. В творчестве 1870-х годов, начиная с этого романа, главным героем становится русский праведник, человек, который искренне верит в силу деятельного добра, и вся его жизнь подчинена идее долга. В указанный период творчества женские персонажи писателя, как будто бы находятся в тени мужчин-праведников, но при этом все сцены с их участием

²⁸⁴ Старыгина Н. Н. Лесков в школе. М., 2000. С. 22.

прописаны с особой тщательностью и нескрываемым восхищением художника. Не становится исключением и образ протопопицы в романе «Соборяне». Наталия Николаевна – супруга Савелия Туберозова – пример женщины, рядом с которой невозможно не ощутить истинность нравственных основ бытия. Н. С. Лесков подробно раскрывает особенности семейного ритуала Туберозовых: «Постель была постлана отцу протопопу на большом, довольно твердом диване из карельской березы. Изголовье было открыто; белый шлафрок раскинут по креслу, которое поставлено в ногах постели; на шлафрок положен пунцовый фуляр. Когда эта часть была устроена, мать протопопица вдвоем с Феклинской придвинули к головам постели отца Савелия тяжелый, из карельской же березы, овальный стол на массивной тумбе, поставили на этот стол свечу, стакан воды, блюдце с толченым сахаром и колокольчик. Все эти приготовления и тщательность, с которою они исполнялись, свидетельствовали о великом внимании протопопицы ко всем привычкам мужа. Только устроив все как следовало, по обычаю, она успокоилась, и снова погасила свечу, и села одиноко к окошечку ожидать протопопы» [СС: 11, IV, 24]. Героиня устраивает семейный быт согласно домостроевским традициям, от которых она не стремилась избавиться, поскольку считала их воплощением гения русского народа. Чувство светлой любви испытывает героиня ко всему, что связано с отцом Савелием: «<...> слушает с удовольствием пение Ахиллы, потому что она любит и его самого за то, что он любит ее мужа, и любит его пение» [СС: 11, IV, 25]. Значимым при создании образа является указание на особенность голоса самой героини – «заботливый голосок» [СС: 11, IV, 29]. Подобная характеристика становится компонентом художественной системы и отражает концептуально значимые категории моделируемой картины мира, осмысляемой автором.

Наталия Николаевна, по мысли Лескова, является воплощением идеального образа русской женщины, в которой все выдает устремленность к Богу. Понимание ею роли ребенка восхищает Туберозова, а за ним и читателей романа: «Это она тщится отыскать мое незаконное дитя, которого нет. Какое благодушие!» [СС: 11, IV, 39]; «Вспомни, голубь мой: может быть, где-нибудь

есть тот голубенок, и если есть, пойдем и возьмем его!» [СС: 11, IV, 39]. Высокую оценку получает обозначенная позиция героини, которая выражена в словах праведника Савелия Туберозова: «Моя роза белая, непорочная, благоуханная и добрая <...>» [СС: 11, IV, 39]. Ему же автор вверяет и мысль, связанную с пониманием национальных черт русской женщины: «Мало что она его хочет отыскивать, она его уже любит и жалеет, как неоперенного голубенка!» [СС: 11, IV, 39]. Способность женщины испытывать любовь и жалость становятся мерилем ее нравственного совершенства.

Сущность женщины, в понимании Николая Лескова, в основе своей божественна: «Поведайте мне времена и народы, где, кроме святой Руси нашей, рождаются такие женщины как сия добродетель? Кто ее воспитывал, кроме Тебя, всеблагий Боже, который дал ее недостойному из слуг Твоих, дабы он мог ближе ощущать Твое величие и благость» [СС: 11, IV, 39]. Она – совершенное творение Бога, поскольку ее материнская заботливость распространяется на каждого человека, природу и мир. Интересной кажется особенность, которая проявила себя в этом романе и нашла отражение в более поздних произведениях автора, – женщина выступает в качестве связующего звена между мужчиной-праведником и Богом²⁸⁵.

В этом же романе есть эпизод, в котором, в частности, угадываются возникающие сомнения самого автора в отношении женщин «нового» типа и усвоенного ими стиля жизни: «Ну, представьте же вы себе, еще говорят, нужна свобода женщинам. Отлично-с, я и сам за женскую свободу; но это надо с толком: молодой, развитой женщине, которая хочет не стесняться своими действиями, давайте свободу, но старухам... Нет-с, я первый против этого, и даже удивляюсь, как этого никто не разовьет в литературе. Ведь этим пользуются самые вредные

²⁸⁵ Например, праведность Несмертельного Голована – героя из одноименного рассказа (1880) – проявляется в его отношении к женщине – Павле. Все удивлялись: почему он не женится на Павлагеюшке. Но, как оказалось, до конца дней своих Голован оставался девственным, а с Павлой они «жили по любви совершенной... – ангельски» [СС: 11, VI, 396]. Согласно Библии, где указано, что «любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам]. Так, любовь Голована и Павлы чиста, непорочна, они свято оберегают друг друга, а отношение героя к любви во многом объясняет особенности его мировоззрения.

люди» [СС: 11, IV, 102]. Вероятно, именно в начале 1870-х годов Лесков подвергает пересмотру принципы, которых он придерживался в отношении «женского вопроса» в 1860-е годы, понимая, что «разумная эмансипация» невозможна в России. Причиной стало то, что общество оказалось не подготовлено к этому феномену, кроме того, душа русской женщины не способна в полной мере вместить в себя чужеродное для ее натуры, а это неминуемо ведет к истощению ее нравственных сил.

Следующим за «Соборьянами» стал роман «На ножах» (1870). Такая очередность была продиктована тем, что Лесков ставит перед собой конкретную творческую задачу – найти ответ на вопрос, который обозначился в 1860-е годы: возможен ли переход русского человека от грешности к праведности и за счет чего этот переход осуществим? Интерес писателя к решению данного вопроса не случаен, поскольку в 1860-е годы и в начале творческого периода 1870-х годов автор создает женские образы, которые возможно однозначно отнести к тому или иному типу. Специфической же особенностью 1870-х годов становится появление типа женщины «на перепутье». Н. С. Лесков, понимая, что женщиной «нового» типа руководит страсть, пытается позволить героине осознать и преодолеть неестественное для русской женщины состояние. Изображение подобного типа героинь во многом проясняет ранее изложенную Лесковым концепцию «разумной эмансипации», т.е. писатель в этот период творчества не отказывается от нее, но заметно перерабатывает.

Еще в 1864 году – в романе «Некуда» – Лесков совершал подступы к изображению женщины, которая находится в состоянии духовного кризиса, но только к 1870 годам этот тип нашел свое емкое воплощение.

Н. Н. Старыгина в книге «Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов» на материале романа «На ножах» определяет типы женских образов, основываясь на христианском учении о душевном устройении человека: образы «обыкновенной» и «страстной» женщин (Алина Фигурина), образы-персонажи женщин «на перепутье» (Глафира Бодростина, Лариса Висленева), образ «светской праведницы» (Катерина

Форова). Н. Н. Старыгиной удается обнаружить обозначенные типы женщин не только в романе Н. С. Лескова «На ножах», но и в произведениях А. Писемского («В водовороте»), И. Гончарова («Обрыв»), И. Тургенева («Дым»), Ф. Достоевского («Бесы»), что свидетельствует о литературной полемике, развернувшейся в 1870-е годы, связанной с осмыслением философско-религиозных идей эпохи, в том числе и вопроса о месте женщины и ее роли в России 60–70-х годов.

Анализируя тип женщины «на перепутье», исследовательница обращает внимание на следующие аспекты, определяющие структуру женского персонажного образа: молитва – покаяние – исповедь – разрешение грехов, – которые позволяют Н. С. Лескову обосновать мысль о возможности осознания героиней своей греховности. При этом осознание греховности – долг героини, ее насущная потребность, продиктованная устремлениями души.

Писатель подходит к тому рубежу, который, согласно определению Андрея Лескова, носит название – «Еретичество»²⁸⁶ (1874–1881 гг.) Данное наименование возникает не случайно. Н. С. Лесков в 1874 году готовит свой отъезд за границу, тяжело переживая будущее вынужденное расставание с Россией, причиной которому станет невысокое жалованье и испытываемое стеснение в литературных кругах. В переписке с Иваном Сергеевичем Аксаковым Лесков признается: «В одном знакомом доме Некрасов сказал: “Да разве мы не ценим Л<еско>ва? Мы ему только ходу не даем”, а Салтыков пояснил: “А у тех на безлюдье он да еще кой-кто мотается, так они их сами измором возьмут”. <...> И дошло до того, что я совсем опешил, утратил дух, смелость, веру в свои силы и всякую энергию. Душевное состояние мое самое мучительное (о другом я не говорю): печатать мне негде, на горизонте литературном я не вижу ничего, кроме партийной, или, лучше сказать, направленной лжи, которую я понял и служить ей не могу. Вот и все! Что же впереди?.. Неужто уже конец?!»²⁸⁷ [СС: 11, X, 397]. Единственным изданием, которое в 1874 году печатает произведения Лескова, становится

²⁸⁶ Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам. М., 1954. С. 301–417.

²⁸⁷ Письмо Н. С. Лескова И. С. Аксакову (от 23 апреля 1875 г., Петербург).

журнал «Нива» А. Ф. Маркса, а настоящие «толстые» журналы недоступны автору. В этот период пошатнулись усвоенные еще в раннем детстве взгляды и убеждения писателя (в большей степени касающиеся религиозных воззрений). Уже из заграницы, Мариенбада, художник в письме к П. К. Щербальскому от 29 июля (10 августа) 1875 года пишет: «Более чем когда-либо верю в великое значение церкви, но не вижу нигде того духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя. “Соединение”, о котором молится наша церковь, если произойдет, то никак не на почве согласования “артикулов веры”, а совсем иначе. <...> Скажу лишь одно, что прочитай я все, что теперь много по этому предмету прочитал, и выслушай то, что услышал, — я не написал бы “Соборян” так, как они написаны, а это было бы мне неприятно. Зато меня подергивает теперь написать русского еретика — умного, начитанного и свободомысленного *духовного христианина*, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей» [СС: 11, X, 411–412]. Годом раньше – в 1874 г. – в упоминаемом ранее журнале «Нива» вышел рассказ писателя «Павлин» (№№ 17–21, 23 и 24), где в художественной форме нашли отражение идейные установки Лескова, окончательно сформулированные лишь к 1875 году.

Павлин Певунов – лесковский герой-праведник, в образе которого отражены ключевые черты человека из народа: самобытность, простота, чистота, религиозность. Образ Павлина близок образам других персонажей автора – Несмертельному Головану, Ивану Северьяновичу Флягину, Василию Петровичу («Овцебык»). Сходство заметно в портрете героя, который предстает в образе русского богатыря: «Ему в то время было лет с небольшим за сорок, он был мужчина высокий, плотный и очень стройный; светлый блондин, с большими, очень приятными серыми глазами, прекрасным умным лбом, замечательною строгостию в лице и достоинством в движениях и во всей его в глаза бросающейся многозначительной позитуре» [СС: 11, V, 217]. Незаурядность героя подчеркивается его одеждой – пестрой, обращающей на себя внимание: «Я думаю, что он был бы еще важнее в какой-нибудь другой, более важной, не

швейцарской ливрее; но, однако, и этот пестрый убор шел к нему чрезвычайно. В расшитом галунами длинном ярко-синем сюртуке с капюшоном, в широкой, убранной галуном перевязи, в трехугольной шляпе и с блестящею вызолоченною булавою в руках, Павлин был настоящий павлин, и притом самый нарядный павлин <...>» [СС: 11, V, 217]. При этом абсолютно типична судьба лесковского героя-праведника, в тексте неоднократно подчеркивается ее сложность и тягостность: «<...> Он был крепостной человек, обучен музыке, но не любил ее, и из музыкантов попал в камердинеры, потом откупился дорогою ценою на волю сам, своею единственною душою; но после собрал трудами и бережливостью довольно большую для его положения сумму, он выкупил на волю свою старуху мать, сестру и зятя и снял им на большой тульской дороге хороший постоялый двор. Затем, считая себя обязанным помогать хозяйству этих родственников, он сам не женился и жил для родных; но назад тому с месяц он получил известие, что все его родные вслед друг за другом поумирали холерою» [СС: 11, V, 237]. Павлина Лесков наделил качествами, которые способствовали преодолению жизненных трудностей и которые утратило общество эпохи 1860–70-х годов:

1) верность слову и долгу («Всякий человек должен прежде всего свой долг исполнять» [СС: 11, V, 238]);

2) способность помогать человеку, притом «не послаблением, так как от этого человек еще более слабнет, а надо помогать ему на ноги становиться и о себе вдаль основательно думать, чтобы мог от немилостивых людей сам себя оберегать» [СС: 11, V, 238];

3) жалость ко всему живому («Павлин выразил желание остаток дней своих посвятить сироте Любе, которая, по своему положению, сделалась ему чрезвычайно жалка» [СС: 11, V, 237]); по Лескову, жалость – это особое чувство, которое в подлинном виде известно далеко не каждому, данную мысль он подчеркивает как в рассказе, так и несколько позже, в письме к И. С. Аксакову, указывая, что жалость есть «живое сострадание – именно живое, действенное, а не брезгливое и потому ничего не стоящее» [СС: 11, X, 389].

Намерения Павлина в отношении маленькой, оставшейся сиротой Любы

направлены на развитие, воспитание в ней традиционных для русской женщины привычек, интересов, особенностей характера: «Девочка <...> обучится необходимым, по его соображению, наукам, то есть чтению, письму, закону божию и арифметике, а также “историческим сведениям”, а потом он отдаст ее учиться рукоделиям, <...> и потом выдаст ее замуж за честного человека <...>» [СС: 11, V, 237–238]. Русское самосознание в образе Павлина Певунова проявляется невольно, неосознанно, внезапно, как жизненная необходимость, единственно возможный путь.

Не столь однозначно воспринимаются женские персонажи в повести, среди которых можно обнаружить как, например, тип светской праведницы (Ольга Петровна), так и своего рода жертву эмансипации (Анна Львовна).

Рисую образ Анны Львовны, Лесков в намеренно сгущенных красках говорит о характере героини, сравнивая ее с домом, владелицей которого она является и в стенах которого разворачиваются основные события повести: «Дом страшный – и страшный во многих отношениях. <...> Вид его был мрачный, серый, почти тюремный. Впечатление, производимое им, было самое тягостное» [СС: 11, V, 214]. Также Лесков наделяет ее следующими чертами: жестокосердие, бессердечие, расчетливость («льготы и снисхождения не оказывались никому <...>» [СС:11, V, 216]). Лесков сообщает об утраченных Анной Львовной истинных ценностях, определяющих цельность женской натуры: «Анна Львовна, соединив Павлина с Любою, затеяла на их счет прежестокую игру, мысль и план которой внушили ей самые возвышенные чувства, именно *материнские*» [СС: 11, V, 250]. Нежизнеспособность подобного типа женщин подчеркивается описанием внешности героини: «Анна Львовна <...> была женщина лет сорока пяти; она еще сохраняла следы довольно замечательной, хотя самой неприятной, сухой и жесткой красоты, составляющей принадлежность женщины русского бомонда» [СС: 11, V, 215]. Кроме того, оценочные характеристики в адрес домовладелицы исходят и от прислуги, и извозчиков, которые называли ее «чертовкой, и ведьмой, и другими лестными названиями» [СС: 11, V, 226].

Принципиально иной предстает Ольга Петровна (тетка Ольга) – добрая,

с «превосходным веселым характером и остроумием» [СС: 11, V, 225]. По-настоящему очаровательной выглядит тетка Ольга в минуты бескорыстного участия в судьбе других персонажей повести. Благодаря ее хлопотам «Павлин начал именоваться “добрым”» [СС: 11, V, 231], а новые жильцы дома – молодая дама с престарелой матерью и шестилетней дочерью Любой – не остались без крова. Самоотверженность героини, ее душевная щедрость описываются Лесковым с особой теплотой и уважением: «Она тревожно и с каким сердобольным беспокойством берегла в своей памяти этот день, страшась, как бы не просчитать его, и, дождавшись, когда он наступит, рано утром побежала в дом <...>. Взбежав на двор, она прежде глянула на их окна... рамы были на месте... Тетка успокоилась» [СС: 11, V, 234–235]. Усиливающим образ лесковской героини является способность видеть вещие сны. Символом любви Бога, Божьей благодати является дар пророчества, которым наделена Ольга Петровна. Неслучайным кажется в этом контексте «прозрение» Павлина, который возненавидел свои грехи и обратился к Богу, что отчасти явилось следствием влияния тетки Ольги.

В повести «Павлин» помимо образа самого Павлина и образа тетки Ольги, воплощающей привычный для лесковских текстов русский характер, интерес вызывает героиня произведения Люба.

Разум и воля Любы поглощены материальными ценностями. Показывая свою героиню в противоестественном душевном состоянии, Николай Лесков вводит мотив «утраты молитвы»: «Потом еще через год мы с нею снова встретились в церкви за ранней обедней <...>. <...> Любе было особенно знойно и томно: она краснела как маков цвет, и взгляд ее представлялся мне беспокойным и растерянным. И еще что было замечательнее, эта видимая напряженность ее состояния усиливалась по мере приближения службы к концу. Мне сдавалось, что в этой напряженности кое-что принадлежит моему неожиданному появлению перед Любой <...>. <...> Последствия убедили меня, что я не ошибался; когда я по окончании обедни подошел к Любе, <...> напряженность ее достигла крайней степени <...>. Люба, несомненно, страдала

оттого, что я видел ее с лакеем <...>» [СС: 11, V, 239–240]. Необходимое условие молитвы – напряженность ума, концентрация внимания. Для лесковской героини молитвенное состояние не является органичным, Люба не сосредоточена на молитве, не оградила себя от мирских впечатлений. Считается, что молитва – «дыхание духа», т.е. «есть дыхание в теле – живет тело; прекратится дыхание – прекращается жизнь. Так и в духе. Есть молитва – живет дух, нет молитвы – нет и жизни в духе»²⁸⁸. Забыв о Боге, Люба умирает духом. Духовная смерть героини раскрывается в преступлениях против нравственности, которые она совершает: обман мужа, соучастие в преступлениях Доди. Вместе с тем душевное состояние героини – пограничное между естественным и противоестественным: «Люба, встретив мужа, не сказала ему ни слова; не хотела прикоснуться к приготовленной им для нее жареной курице и пастиле, а, сорвав с себя платье, бросилась в постель, обернулась к стене и, не двигаясь, пролежала в таком положении остаток ночи и весь следующий день. Павлин берег ее долгий сон, но берег его напрасно: Люба не спала, а она сначала долго плакала и потом лежала с красным, воспаленным лицом и сухими открытыми глазами, устремленными в одну точку» [СС: 11, V, 256]; «Но плакала ли перед ними Люба о своем низком падении? Верно, немножко поплакалась вначале...» [СС: 11, V, 258]. В христианской культурной традиции слезы символизируют восхождение человека к Богу, тем самым художник не лишает Любу возможности обрести дух.

Состояние пограничного душевного состояния Павлина и Любы усиливается введением в ткань повествования упоминания о картине Страшного суда, где фигура, помещенная в середине картины, становится эмблематической: «<...> ей одновременно виден вверх бог в его небесной славе, а вниз глубина преисподней с ее мрачным господином и отвратительнейшими чудищами, которые терзают там грешников» [СС: 11, V, 262]. Пленение грехом происходило под влиянием окружающих людей (Анна Львовна, Додя, представители полусвета). Жизнь без Бога неизбежно приведет и к физической гибели: «Все три они были в разных порах жизни, но у всех у них на лицах – в красоте меркнувшей,

²⁸⁸ Христианская жизнь по Добротолюбию. М., 1991. С. 68.

цветущей и еще только распускающейся – была как бы растворена какая-то родовая печаль и роковое предназначение к несчастью» [СС: 11, V, 231] (бабушка Любы отравилась фосфорными спичками; мать Любы умерла от жестокой болезни в результате простуды).

Миссия по спасению души Любы возложена на Павлина, который раньше осознал свою греховность: «Я насильник: я вижу, что я пал, как гора, и рассыпался... <...> Нет-с; ныне в день скорби господь мне явил свою милость: я внял, что я прах, что я весь образован из брения и что все вожди страстей могут орать и сеять на хребте моем: страсть, гордость, нечистота, и сластолюбие, и ревность, и... и... склонность к убийству... Ах! ах! ах!..» [СС: 11, V, 263]. Писателем настойчиво доказывается мысль, что силы, способные привести человека к возрождению, скрыты в его душе; соединение с Богом происходит никак не на почве согласования “артикулов веры”: «Я сейчас ходил к духовному отцу, он меня утешал, говорит: «Ты закон сохранил, а она жена неверная». Позвольте!.. Это все смоковничье листье: ими я себя не закрою» [СС: 11, V, 263]. Кульминационным в осмыслении данной проблемы видится эпизод, где Павлин объясняется с Додей – любовником Любы: «Он пригнулся к уху Доди и добавил: – Не понуждайте меня ко греху: я теперь говорю вам смиренно, как христианин, а то я вас убью; непременно-с убью, и сразу убью, где бы вы ни были, я вас найду и убью, за нее... за жену... за беззащитную... Везде... во храме господнем убью» [СС: 11, V, 269].

Как и в случае с Ларисой Висленевой («На ножах»), сюжет героини повести «Павлин» воспринимается художественной реализацией библейского мотива «спуститься, чтобы вознестись»: грех – осознание греха – преодоление греха – возрождение («<...> Люба пила <...> горькую чашу жесточайшего страдания» [СС: 11, V, 275]; «<...> убеждает ее быть терпеливою, благоразумною, доброю, неизменно верною и преданною избранному ее мужу» [СС: 11, V, 276]; «Павлин учит Любу терпеть для блага других и для искупления своих заблуждений и, убеждая в этом довольно старыми, издавна известными из книг духовного содержания, излагает эти доводы с такою живостью и непосредственным даром

убедительного красноречия, что как бы придает им новую живую силу. Он несомненно заботиться об одном: *возродить духом* погибающую Любу <...>» [СС: 11, V, 276]).

На страницах повести «Павлин» увековечена история перерождения, возрождения Певунова и Любы. Люба – в обители схимонахиня Людмила – «была настоящий ангел кротости и милосердия <...>» [СС: 11, V, 277], о доброте ее и всепрощающей христианской любви долго еще вспоминали сестры обители, богомольцы и мн. др. То, что Люба, наконец, не обладает душой без Бога, то, что она осуществила переход от противоестественного душевного склада к естественному доказывается описанием внешности героини и указанием на причину ее гибели: глаза ее были «*выплаканными*», а скончалась она «*ослепнув от слез*» [СС: 11, V, 277], т. е. пребывая в молитве; физическая смерть открыла ей путь к новой жизни. Оппозиция «утрата молитвы»/«духовная смерть» – «обретение молитвы»/«возвращение к жизни» становится сюжетоорганизующим принципом в повести Лескова «Павлин».

Выявить позицию Лескова, отражающую в этот период его понимание христианского учения, значимости его в жизни женщины, возможно благодаря хронике «Захудалый род» (1873–1874), в которой рассказывается о стремительном вырождении семьи Протозановых. На примере образа княжны Анастасии Львовны Лесков наглядно доказывает, что страсть, которая завладевает натурой женщины, ведет к гибели рода. Отстраненность от основ народной жизни, желание соответствовать новому времени губительно для всего, что окружает героиню: «Семнадцатилетняя княжна решила как можно скорее оставить материн дом. Выход представлялся один – замужество. Княжна Анастасия никого не любила, ей даже никто не нравился, ей было все равно, за кого бы ее судьба ни вынесла, лишь бы поскорее, лишь бы заставить завидовать себе своих подруг, уехать за границу, а возвратясь оттуда, жить открытым домом и делать то же, что делают другие, то есть “выезжать в свет”, к чему бабушка была решительно неспособна и откровенно в этом сознавалась, говоря, что: – Я в карете не могу жить» [СС: 11, V, 166]. Оппозиция «дом/вне дома» – отражение

столкновения двух типов женских образов: праведницы (естественное душевное состояние) и нигилистки (противоестественное душевное состояние). Для праведницы Лескова жизнь «вне дома» не имеет смысла, она невозможна и несостоятельна. Очевидно, что уже в этом тексте писатель определил главное качество, которым должна обладать женщина – связь с национальной культурой, верность роду, символом которого выступает в хронике образ дома; карета же является символом бесконечного и бесцельного пути. В соответствии с этим Анастасия Львовна именуется другими персонажами «мученицей» [СС: 11, V, 166]. Мученик, согласно христианскому вероучению, становится символом героизма и мужества, поскольку отказывается отречься от своих религиозных взглядов. Автор романа, на наш взгляд, в понятие «мученица», относящееся к Анастасии Львовне, вкладывает идею о вечных страданиях, подчеркивая пустоту души женского персонажа. Она отвергла Божественную любовь («ей было все равно») и этим пограла заповеди, возвещенные Богом.

Неестественное состояние души героини подчеркивается тем, что она слепа, она утратила свой дух: «Княжна была гораздо покойнее, – это и было понятно: бабушка искала во всем, что случилось, своей вины, а княжна не видала в случившемся ничего, кроме торжества своей правоты и окончания своего житья в доме, которого *все* порядки не нравились ей, утомили ее и впереди не обещали ей ничего, кроме того же недовольства» [СС: 11, V, 171]. Кроме того, Анастасия Львовна не способна к молитве (т.е. опустело ее сердце), к которой ее призывает мать: « – Возьми это к себе: перед этим складнем отец твой молился за час до смерти, молись и ты – молитва очищает сердце». Героиня наделена душой без Бога, что подтверждается отсутствием внутренней речи: «Ей было о чем подумать, но, впрочем, о чем она думала, это теперь все равно» [СС: 11, V, 176]. Варвара Никаноровна – мать Анастасии Львовны – напротив, как подчеркивает хроникер, обладает душой: «Варвара Никаноровна не одобряла в душе брака дочери и предвидела от него впереди «много неприятного»» [СС: 11, V, 188]. Пророчество праведницы предвосхищает развитие сюжета хроники.

Приверженность почве также одна из важных особенностей структуры

женского образа у Лескова в 1870-е годы. Доминирующей становится идея долга, идея неразрывной связи с национальной культурой, верность ей: «Варвара Никаноровна <...> на просьбы дочери приехать в Петербург <...> ласково отвечала ей: – Нет, мой друг, я и обманывать тебя не хочу, – не поеду: зачем? мне тут делать нечего. Здесь место тому, кому нужны кресты да перстни, а наше благо на пепле растет, и надо в нем копать, сидя на своем кореню. Было время, и я здесь жила, но хорошего тоже мало из того времени помню... а теперь я уже совсем от этого отстала, и слава за то создателю: надо кому-нибудь и соху с лопатой знать, а наездом хлеба не напашешь» [СС: 11, V, 192]. В этом эпизоде ощутимо не только влияние русской философии женственности на мироощущение Николая Лескова, но и взгляды автора заметно дополняют национальные представления о природе женщины, согласно которым она объявляется воплощением «русскости». Жизнь вне своей почвы, вне пространства России (которое также сакрализуется) губительна и для женщины, и для русского народа.

Особенного внимания заслуживает эпизод хроники, в котором, на наш взгляд, отражена как идея творчества Лескова 1870-х годов – праведничество сопряжено с чувством долга, – так и основная философско-религиозная идея творчества Н. С. Лескова 1880–1890-х годов – идея христианской милосердной любви: «– Когда поколебались вера и надежда, остается *любовь*. – Как еще любить и кого? – Всех, но если вы истинно любите ваших детей... – Без сомнения. – И если верите тому, что открыл показавший путь, истину и жизнь... – Верю. – Тогда вы должны знать, что вам надо делать. Княгиня задумалась и тихо проговорила: – В душе моей я с вами согласна... – Душа ведь по природе своей христианка. – Но этот нож, этот меч,— это изменение всего... – Изменение всего, но сначала всего в самом человеке» [СС: 11, V, 207]. Очевидны причины, по которым Николай Лесков высоко ценил именно этот художественный текст, пытался его переиздать и разошелся во взглядах на него с Михаилом Катковым, последний при издании хроники внес изменения, не согласованные с автором: «Я часто не узнавал своих собственных произведений, и, наконец, 2-я часть

“Захудалого рода”, явившаяся бог весть в каком виде, исчерпала или, лучше сказать, источила последние капли и моего терпения и всех моих сил душевных. Не ближе ли ко мне теперь станет господь, являющий силу свою в немощи человека?»²⁸⁹ [СС: 11, X, 362–362]. Вера, надежда и любовь – три христианских добродетели. Евангелие на первый план выдвигает любовь, Лесков идет вслед за Евангелием и Новым Заветом, считая, что указанная добродетель охватывает все ценностно-значимые аспекты духовно-нравственного совершенства человека.

В 1870-е годы формируется типология, во главу которой опять же ставится образ русского праведника и, соответственно, русской праведницы. Однако, в отличие от периода 60-х годов, особое внимание писателя в 70-е гг. привлекает образ женщины «на перепутье», в состоянии духовного кризиса, осознающей гибельность и неестественность для русской женщины страстей, руководящих ее поступками. Для лесковских героинь этого периода (после романа «Соборяне») характерен поиск Бога в собственной душе, и этот поиск не связан с церковностью, о чем писатель только начал размышлять в первой половине 1870-х годов, а к 1878 году довел эту идею до апофеоза в цикле очерков «Мелочи архиерейской жизни». На страницах цикла Лесков срывает покров святости с представителей духовенства, рисуя их как обыкновенных людей. Не заслуживают доверия у читателей служители русской православной церкви, которые спешно ведут беседу с прихожанами, стараясь скорее заняться своими делами: «– Русская я, русская, – я это знаю, но потому-то я и не хочу ни о ком думать, а только боюсь доносов. – А вы их не бойтесь. – Да как же их не бояться? – Так, не бойтесь; разве вы не знаете, что кто холеры не боится, того сама холера боится? – Но ведь, однако, нас с мужем по доносу развели. – Ну и что же: какая от сего беда? – Та, что детей наших признали незаконными. – А хуже этого что? – Что же еще хуже, владыка? Я уж и сама не помню, что я там читала: вы ведь сами изволили это утвердить. – Утвердил, согласился – не мог не согласиться: решение по закону правильно. – Ужасно, ужасно! – Да то-то: что же такое? – Там что-то еще “предать покаянию”, “возбранить безнравственное сожителство”... Одно слово

²⁸⁹ Письмо Н. С. Лескова к И. С. Аксакову от 16 ноября 1874 года (Петербург).

страшнее другого. – Да, вы правы, страшные слова, страшные слова, а вы им... не того... – “Не чего”, владыка? – *Не доверяйте*. Дама поняла, что *это* и есть *одно слово умного человека*, и спросила: – И это все? Но архиерей вместо ответа опять сморщился, задвигал рукою, которая была у него под рясою, и проговорил: – Да, уж извините... я должен уйти... опять поветрие. И с этим он быстро убежал, даже не затворив за собою двери. Очевидно, что на этот раз он особенно спешил уединиться с “умным человеком”» [СС: 11, VI, 498–499]. Обличая архиерея, Лесков открыто указывает, как он отрекается от тех законов, которые сам же и утвердил; душой без Бога, по Лескову, наделен архиерей, который не осознает роль детства в русской национальной культуре²⁹⁰.

Заканчивая период 1870-х годов данным циклом очерков, Лесков заявляет о кризисе, «который, впрочем, переживает все церковное христианство» [СС: 11, VI, 538], тем самым писатель начинает воплощать концепцию, согласно которой только нравственных оснований, находящихся в душе человека, недостаточно для преодоления духовного кризиса, и работает над созданием художественных текстов, где Евангелие становится неоспоримой ценностью для героев и буквально руководством к действиям.

3.3. «Или русских женщин лики все в тебе слиты?..»: представления писателя о сотериологической миссии женщины в поздний период творчества

Что сильнее злора или любовь? Надо полагать, что злора, ибо люди часто готовы во вред себе делать зло другому, но во вред себе делают дела любви гораздо реже²⁹¹.

Если ты хочешь начать делать доброе дело

²⁹⁰ Ср. : В романе «Соборяне»: « – Ваше превосходительство, верно, изволите любить детей? – Кто же, – говорит, – путный человек детей не любит? Их есть царствие божие» [СС: 11, IV, 48].

²⁹¹ Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 7.

*или полон мер перестать делать злое,
то не дожидайся других, что бы они начали,
ибо другие тоже рассуждают по-твоему
и дожидаются тебя²⁹².*

Из записной книжки 1893–1894 гг.

В период 1880–90-х гг. мирозерцание Лескова претерпевает существенные изменения. Значительную роль в этом процессе сыграли, с одной стороны, сближение Лескова с Л. Н. Толстым, а с другой – события русской жизни начала 1890-х гг. (экономический и эпидемический кризис, массовый голод).

Лесков, будучи человеком, глубоко переживающим за судьбу русского народа, понимающим все его тревоги и чаяния, видящим упадок нравственных основ жизни, в письме к И. Е. Репину от 18 февраля 1889 года признается: «Я в ужасе, я в немощи, я в отчаянии за ту безыдейность, которую вижу. Так падать, как падает эта среда, – это признак полной гадостности. Это какие-то добровольцы оподления» [СС: 11, XI, 415]. Несколько позже в письме к А. И. Фаресову от 20 сентября 1890 года Николай Лесков с сожалением сообщает о замеченной им духовно-нравственной переориентации общества: «Я в разговорах не попадаю нынче в тон господствующих течений, и надо все спорить или делать вид согласия с тем, о чем не хотел бы и слышать. Это требует здоровых нерв, а не моих – сильно подержанных. <...> Что уж тут толковать, когда “иные люди в мир пришли” и идет “их царствие”. Мне все кажется, что не о чем уже и толковать нам – староверам. Все мы знаем – “на чем висит хвост”, и лучше нам сидеть тихо по своим углам и молчать в согласии с тем, что мы почитали за истину; и другой истины не знаем, да, пожалуй, и не хотим. <...> Мне дорога неприкосновенность всего того, чем я жил и что теперь хотят втоптать в грязь» [СС: 11, XI, 462–463]. Все более усиливаются критические тенденции в умонастроениях писателя, усиливается и беспокойство автора за

²⁹² Там же. Л. 30 об. Сохранено подчеркивание Н. С. Лескова.

будущее России и национальной культуры, что естественным образом находит отражение в его художественных текстах.

В творчестве Н. С. Лескова некоторые критики и писатели особо выделяли именно 1880-е годы. М. А. Протопопов в работе «Больной талант» (1891) отметил, что с середины 1880-х годов Лесков – «автор небольших, но многочисленных сказаний, новелл и притчей, совершенно чуждый какой бы то ни было злобы дня»²⁹³. А. В. Амфитеатров в статье «Николай Семенович Лесков» также заметил, что он «из воинствующего тенденциозного беллетриста превращается <...> в художника-объективиста, тонкого и внимательного наблюдателя русских нравов и, в связи с тем, замечательного исследователя русской народной психологии, этики и религии»²⁹⁴. Другие, напротив, отмечали уход писателя в область сатиры, в обличение и не рассматривали основополагающие принципы позднего творчества Лескова. Сам писатель остро реагировал на некую шаблонность восприятия его художественных сочинений. По воспоминаниям А. И. Фаресова, Н. Лесков сетовал на то, что литературная критика акцентировала внимание на «второстепенных» аспектах его творчества, упуская из виду главное: «Говорят о моем “языке”, его колоритности и народности; о богатстве фабулы, о концентрированной манере письма, о “сходстве” и т.д., а главного не замечают. Вот, в XI томе “сходство”-то приходится искать в собственной душе, если в ней есть Христос»²⁹⁵. Именно в 1880-е годы произошла интеграция всех важнейших линий и направлений литературного труда Н. Лескова. Религиозно-нравственное начало во многом определило целостность и системность художественного мира, созданного писателем, что повлияло и на изображение человеческих характеров. В этом смысле следует согласиться с современным исследователем творчества Николая Лескова Н. В. Ангеловой, которая считает, что «писатель <...> в эти годы

²⁹³ Протопопов М. А. Больной талант // Русская мысль. 1891. № 12. С. 258.

²⁹⁴ Амфитеатров А. В. Николай Семенович Лесков // Собр. соч. : в 37 т. СПб., 1896. Т. 22. С. 334.

²⁹⁵ Цит. по: Фаресов А. И. О Лескове // Книжки недели: Ежемесячный литературный журнал. СПб., 1900. Май. С. 195.

постигал этнопсихологию народа, открывая все новые грани русской души»²⁹⁶.

На протяжении всей жизни Н. С. Лесков искал разгадку русской души, русского характера и тайны русской жизни. Писатель старался понять, возможен ли переход русского человека от грешности к праведности, поскольку подмечал в душе народа и каждого отдельного его представителя нечто такое, что позволило бы этот переход совершить. Лесков обнаруживал «праведников» во всех слоях общества, но при этом понимал, что они не могут быть верным отражением настоящего русского национального характера, поскольку «праведничество» – явление редкое. Он признавал существование подобных людей, но с горечью отмечал и другое: «Мы народ дикий и ни с чем не можем обращаться бережно» [СС: 11, XI, 560]. В связи с этим художник был столь внимателен к противоречивым проявлениям русского характера. Свой собственный путь, прием творческого постижения личности человека он в 1883 году определил следующим образом²⁹⁷: «Я не могу брать фактиком, а беру кое-что психиею, анализом характера, его рисовкою»²⁹⁸. Лесков изучал душу человека, концентрировал внимание на его онтологической сущности, постепенно отходя в своем творчестве от политического и социального в изображении русского характера.

В 1880-е и в 1890-е годы Николай Лесков создает ряд произведений, в которых описывает резкое падение нравов, бездуховность и безликость общества: «Полунощники», «Юдоль», «Зимний день», «Дама и фефела», «Чертовы куклы» и др. В центре внимания автора система семейных, общественных, политических отношений, которая целиком держится на эгоизме, пошлости и обмане. Мыслями об обнищании духовных и нравственных начал общества Н. С. Лесков неустанно делился в письмах к Л. Н. Толстому (от 12 января 1891 года, от 20 января 1891 года): «Смотришь, смотришь на всю окружающую благоглупость, да и сам задурочишься» [СС: 11, XI, 476.]; «Жить тут очень тяжело, и что день, то становится еще тяжелее. “Зверство” и “дикость” растут и смелеют, а люди с

²⁹⁶ Ангелова Н. В. Тайна русского характера: произведения Н. С. Лескова 1880–1890-х годов: монография; науч. ред., предисл. В. Е. Андреева. Мичуринск, 2007. С. 12.

²⁹⁷ В письме к Н. А. Лейкину от 24 сентября 1883 года.

²⁹⁸ Лесков Н. С. Из неизданной переписки // В мире отечественной классики : Сборник статей ; вступ. заметка, публикация и прим. К. Богаевской / Ф. Кузнецов, Д. Николаев. М., 1984. С. 377–378.

незлыми сердцами совершенно бездеятельны до ничтожества» [СС: 11, XI, 477]. Цель позднего творчества Лескова – поиск в душе человека нравственных основ, способных освободить его от бездеятельности, вывести из плена бездуховности и привести к неустанной практике добра.

Ключевым во многих произведениях автора этого периода является образ женщины, который также подвергается переосмыслению. Художник, рисуя женские портреты, утверждает незыблемую роль женского начала и указывает на то, что крах мирового порядка, отстранение людей от жизни во Христе произошли как раз вследствие отрицания благотворного женского влияния, унижения ее достоинства (как мужчинами, так и самими женщинами). Женщина в позднем творчестве Лескова – носительница общечеловеческих ценностей, именно от нее чаще всего зависит судьба отдельной личности, и благодаря ее решениям, деятельному характеру возможно утверждение на земле идей от Бога, что, в понимании Лескова, является единственно правильным и необходимым. Писатель не считает состоятельной жизнь общества, где сама женщина уходит от традиционного мировосприятия, когда она становится, по словам художника, *иным человеком*, неспособным сохранить веками сложившиеся устои и более того извращающим их понимание.

В рассказе «Полунощники» (1891) автор описывает ситуацию диалога двух женщин: «Говорили две дамы; одна, младшая, называла старшую: Марья Мартыновна; а другая, старшая, звала эту: Аичка» [СС: 11, IX, 128]. В указанном фрагменте текста Лесков достаточно подробно передает содержание разговора героинь, где они делятся друг с другом любовными историями. Суждения женщин, касающиеся любовного чувства, отличаются поверхностью и примитивизмом: «– Извините-с, настоящий развод пред престолом нынче не делают, в церкви венцов не снимают, а только и всего, что в суде прочитают. – А все уж по отдельному виду надо прописываться. – Это не важность! – Да; по полицейским правилам это все равно, но прислуга меньше уважает. – Платите больше, и отлично уважать будет» [СС: 11, IX, 130–131]; «– И я тебе совет дам: не губи время и делай. – Советуете? – От всей моей души советую. Век молодой

надо чем помянуть; тоже ведь за стариком-то ты пять лет промучилась – это не шутка. – Не вспоминайте мне про него! – Прости, милуша, прости! Я не знала, что ты про покойников вспоминать боишься. – Я его не боюсь, а... мне противно вспомнить, как он храпел ночью» [СС: 11, IX, 130–131]. На небольшом текстовом поле рассказа автор характеризует и сложившийся тип отношений между людьми: забота о материальном благополучии явилась причиной системного кризиса общественной жизни, кризиса базовых ценностей человечества.

Лесков отрицает чувство, которое не наполнено нравственной ответственностью мужчины и женщины друг перед другом, а подчинено природе. Например, в рассказе «Зимний день» (1894), замысел которого возник под влиянием глубокого недовольства Лескова жизнью господствующих классов, особенно дворянства, писатель говорит о любовных отношениях героев как о чем-то безнравственном и безобразном. Доказательством этому может служить эпизод, где кухарка не оставляет попыток растлить «лавочного мальчика». Естественным образом автор приходит к выводу, что «они, кажется, признавали за настоящие “дела” – только одни дела природы, которая множит жизнь, не заботясь о том, в чем ее смысл и значение» [СС: 11, IX, 455]. Инстинктивная сфера человека эпохи 1890-х годов, по мысли автора, не отличается от сферы инстинктов животных, но это его (человека. – А. К.) осознанный выбор. Вопрос, связанный с примирением воли и предопределения, особо занимал писателя в этот период творчества, и его позиция выражена, как нам кажется, в арабской пословице, помещенной в записной книжке: «Очерк (жизни) нам дан, мы раскрашиваем картину жизни, как хотим»²⁹⁹.

Художник отмечал, что последующие произведения, выходявшие из-под его пера, были не с таким напряженным сюжетом, как в «Зимнем дне» (Николай Лесков в письме к В. А. Гольцеву от 16 ноября 1894 года: «В общем, это легче “Зимнего дня”, который не дает отдыха и покоя. Если бы не совпавшие обстоятельства, он бы надоел. Литература молчит. “Игра с болваном” не так

²⁹⁹ Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 4.

дружно “жарит и переворачивает”, как говорят о “3. дне”» [СС: 11, IX, 599–600]). Реакция читателей объяснима, поскольку Лесков намеренно поставил вопросы онтологического характера, но не дал на них ответы.

Душная атмосфера в поздних рассказах Н. С. Лескова заполняет собой все пространство русской жизни, в том числе и пространство простонародной жизни. Событие, которое по-настоящему взволновало писателя, – «глухая пора», т. е. массовый голод. Лесков пережил «засуху» дважды: ребенком в 1840-году и уже на закате своей жизни, в начале 1890-х годов. Будучи зрелым человеком и писателем, он описал свои впечатления и воспоминания в рапсодии «Юдоль» (1892). Большое значение имеет первая часть «Юдоли», где показаны страдания народа от голода, страшная сила суеверий и жестокие поступки доведенных до отчаяния голодом крестьян. Жизнь крестьянских женщин изображена Лесковым с самых неприглядных сторон, и в атмосфере общей «засухи жизни» не оставалась места для Бога и веры в него, поскольку «все высшие цели бытия человеческого словно перестали существовать» [СС: 11, IX, 269]. Нужда способствовала соращению девушек и женщин: «А молодых не нужно было много уговаривать: правила их всегда были шатки, а голод – плохой друг добродетели. Молодайки уходили, мало таясь в том, на что они надеются, и бойкие из них часто прямо говорили: «Чем голодать – лучше срам принять» [СС: 11, IX, 268]. Подобный факт явился следствием неблагоприятных условий жизни и безвыходного материального положения крестьянок.

Лесков описывает и другие трагические испытания, которые выпадали на долю женщин в голодный год. На примере судьбы Аграфены писатель сообщает о самой страшной потере в жизни женщины – утрате ребенка. Читателю может показаться, что Аграфена равнодушна к смерти Васенки, поскольку на людях «она проклинала дитя» [СС: 11, IX, 241] и угрожала ей расправой, кроме того, увидев свою умершую дочь, «с совершенно бесчувственным лицом, пошла в противоположную сторону к печи и стала греть возле нее руки» [СС: 11, IX, 244]. Люди Аграфену считали убийцей Васенки. Лесков не дает точного ответа, не осуждает героиню, избегает прямой оценки, предоставляя это право читателю:

«Аграфена <...> стала возле Васенки, поплюнула пальцы и этими пальцами разгладила ей на лобике ее льняные волосы, потом вдруг икнула, опустилась на лавку, и у нее полились слезы» [СС: 11, IX, 245]. Неслучайным в этой связи видится то, что Лесков именно в уста Аграфены вкладывает слова о Боге: «Бог взял дитя – что тут еще чувствовать! Его воля» [СС: 11, IX, 245]. Если предположить, что смерть Васенки и Егорки случилась по вине Аграфены, то мотивы ее поступков очевидны: «<...> Нарочно заморозила сына, чтобы его “ослобонить”» [СС: 11, IX, 247]. Характерной общей особенностью поздних рассказов Лескова является то, что переломные моменты в жизни своих героев художник рассматривает уже не с точки зрения эволюции сознания «героя времени», а исключительно через призму религиозности, которая становится неотъемлемой и смыслообразующей частью образа персонажа.

Стоит отметить и другую черту позднего творчества Н. С. Лескова: «праведники» (Лидия «Зимний день», Клавдинька «Полунощники», тетя Полли «Юдоль» и др.) находятся в оппозиции по отношению к другим героям произведений. Если в ранних рассказах другие персонажи к ним относились, может быть, с некоторым непониманием, но при этом всегда с неизменным восхищением перед силой их характера, веры, стойкости и способности противостоять жизненным невзгодам (например, «Однодум», «Несмертельный Голован», «Овцебык»), то в рассказах же позднего периода «праведники» испытывают на себе всю мощь человеческой жестокости, злости и «нетерпачести». Тетя Полли из рассказа «Юдоль» «была оригинальное и характерное лицо дворянского круга глухой поры (тридцатых годов)» [СС: 11, IX, 281], отличалась живостью, смелостью характера, который привлекал окружающих ее людей. Понимание истинных ценностей жизни (приходит неизменно к лесковским женщинам через страдания, чаще это смерть детей), отдаляет ее от *среды*, представители которой не готовы и не способны к подобному прозрению: «<...> Отстояла на коленях заупокойную обедню, и панихиду, и еще ряд других панихид, но утешения не было: покой к ней не приходил. Она находила, что это все не то... <...> Она послала к приходскому

священнику, чтобы тот дал ей Библию. Но Библии в церковном обиходе не было. За нею послали в Орел, но и в Орле продажной Библии не нашли, а достали ее “почитать” у семинарского ректора, и то с предварением от своего священника, что “это книга мирская и читать ее небезопасно”. И другие тоже пробовали отговаривать тетю, “чтобы не сошла с ума, прочитав Библию”; но она была “неимоверная”: она таки прочитала всю Библию и, разумеется, как следует, – сошла с ума и начала делать явные несообразности» [СС: 11, IX, 288]. Героини, усвоившие библейские истины, неизменно воспринимаются обществом как сумасшедшие. В записной книжке автора помещены слова, подтверждающие то, что люди 1890-х годов, по мнению Лескова, не осознают величие Бога и не могут по достоинству оценить духовную чистоту тех, кто претворяет в жизнь заповеди Христовы: «Мы почитаем их, как Богов, но если бы они явились перед нами живые, мы бы убежали от них, как от чудовищ»³⁰⁰.

Героиня рассказа «Зимний день» (1894), Лидия, также отличается от своего окружения, она «нелюбима в своей семье, потому что ведет себя не так, как хочется матери и братьям» [СС: 11, IX, 399]. Находиться в доме, где «хаос в семье, все друг другу не нравятся» [СС: 11, IX, 401], нестерпимо душно, но заветная цель служения людям (Лидия учится на фельдшерских курсах) не дает сдаться героине и оставить веру в светлое будущее. Непоколебима вера Лидии в то, что подобных ей (и даже сильнее духом) будет великое множество: «Полноте, ma tante, что это еще за характеры! Характеры идут, характеры зреют, – они впереди, и мы им в подметки не годимся. И они придут, придут! “Придет весенний шум, веселый шум!” Здоровый ум придет, ma tante! Придет! Мы живы этой верой! Живите ею и вы, и... вам будет хорошо, всегда хорошо, что бы с вами ни делали!» [СС: 11, IX, 418]. «Весенний шум» выступает в речи героини символом пробуждения человека и потаенных сил народа, символом возрождения нации. Как отмечает И. В. Столярова, «при всем своем критицизме Лесков готов, очевидно, разделить светлую веру героини в будущее, в русского человека, у

³⁰⁰ Там же. Л. 15 об.

которого достанет сил, необходимых для внутреннего преобразования»³⁰¹. Клавдинька из рассказа «Полунощники» также готова самозабвенно помогать людям, забывая о своем благополучии, верить в будущее и человека: «Начала евангелие читать и все читала, читала, а потом все наряды прочь и начала о бедных убиваться» [СС: 11, IX, 142]. И никто не мог сбить ее с верного пути: «“Я, – говорит, – маменька, это совсем не для того, а просто мое сердце не терпит, когда я вижу, как я счастлива, а люди живут бедственно”. “Вот потому-то и нехорошо, что ты все ходишь, эту бедственность смотришь: ты на них насмотришься и себя этим и расстраиваешь”. «“Все равно, – говорит, – мама, если я на них хоть и смотреть не буду, так я знаю, что они есть и страдают и что я должна делать облегчение в их жизни”» [СС: 11, IX, 143].

Лесковские «праведницы» не находят поддержки у служителей церкви (к 1890-м годам писатель утратил веру в мощь русской церкви, в ее нравственные основания): «Мать своего священника приходского на духу упросила поговорить с ней, и он на пасхе, когда приехал с крестом и как стал после закусывать, то начал Клавдиньке выговаривать: “Нехорошо, барышня, нехорошо, вы в заблуждении”» [СС: 11, IX, 144]. В поздний период творчества Н. С. Лесков видел спасение только в вере, Евангелие для него – неоспоримая ценность. Если в ранний период автор ощущал силу в народе, в народном духе, то в 1890-е годы и в жизни народной он не обнаружил утешенья, поэтому возникают достаточно темные сгущенные краски в его художественных текстах, и только герои, обращенные к Христу, способны повести за собой других. Неслучайным в этом контексте кажется эпизод в рассказе «Полунощники», когда становой приезжал делать обыск книг Клавдиньки: «И было непозволение, становой и из-за книжек приезжал, чтобы всем ее книжкам повальный обыск сделать, но посмотрел книжечки и все ей оставил, да еще начал и извиняться. “Я, – говорит, – приказание исполнил, а мне самому совестно”. – Вон тебе как! – Да еще что! Как она ему ответила, что не обижается, и руку свою подала, так он у нее и руку поцеловал и говорит: “Простите меня, вы праведница”» [СС: 11, IX, 212].

³⁰¹ Столярова И. В. На пути к преобразению: человек в прозе Н. С. Лескова. СПб., 2012. С. 105.

Вероятно, Николай Лесков, осознавая, силу Слова Божия, силу веры «праведников», заканчивает рассказ «Полунощники» оптимистично глядя в будущее: «А поездка эта все-таки принесла мне пользу: мне стало веселее. Я как будто побогател впечатлениями, – и теперь, когда мне случается возвращаться ночью по купеческим улицам и видеть теплящиеся в их домах разноцветные лампы, я уже не воображаю себе там одних бесстыжих притворщиц или робких и безнадежных плакс «темного царства», а мне сдается, будто там уже дышит бодрый дух Клавдиньки, дающий ресурс к жизни во всяком положении, в котором высшей воле угодно усовершенствовать в борьбе со тьмою все рожденное от света» [СС: 11, IX, 217]. Подобные Клавдиньке герои, для писателя, – «ресурс к жизни», хоть и достаточно редкий в современном мире. В художественных произведениях Лескова позднего периода главная роль принадлежит христианским мотивам, изменяется стилистика авторского текста, вместе с тем в творчестве писателя намеренно заострены социальные проблемы.

По сравнению с ранним периодом творчества героями-праведниками у Лескова в поздних произведениях преимущественно являются женские персонажи. Этот факт подтверждает суждение о том, что в сознании Лескова в отношении «женского вопроса» произошли существенные изменения: женщина в лесковских произведениях 1890-х годов – источник жизненных традиционных (подчас домостроевских) ценностей, она, безусловно, «ресурс к жизни» и сама жизнь. Судьба женщины в России – индикатор ценностных ориентаций общества, индикатор современных социальных перемен. В понимании Лескова, рядом с женщиной не может и не должно быть пошлости, бездуховности, безнравственности, опустошенности, и, более того, женщина не должна быть источником этих явлений. В своем художественном творчестве писатель зримо дал ощутить читателям, что выйти на путь преображения человеку возможно только в одном случае – свято оберегая нравственные устои. В ранний период своего творчества автор стоял на позиции «разумной эмансипации», предполагая, что умелое совмещение женщиной жизни домашней и жизни светской будет способствовать ее развитию, устремлениям и положительным образом повлияет

на развитие национальной культуры, национального бытия. В поздний же период для Лескова счастье женщины видится в другом – в семье: «– Вот, – сказал я, – стакан чаю, самовар и домашняя лампа – это прекрасные вещи, около которых мы группируемся» [СС: 11, IX, 40]; «<...> Я считал бы благоразумным, чтобы вы, возвратившись домой, сели к вашему самовару так, как вы садились к нему прежде» [СС: 11, IX, 41]. Лесков выводит в этот период формулу истинной земной любви («По поводу “Крейцеровой сонаты”»): «Любить – все равно что быть предназначенной к поэзии, к праведности. На это чувство способны очень не многие. Крестьянки наши вместо слова любить употребляют слово жалеть; они не говорят: он меня любит; они говорят: он меня жалеет. Это, по-моему, гораздо лучше, и тут больше простого определения <...>» [СС: 11, IX, 38]. По мнению художника, миссия по сохранению нравственных основ жизни возложена именно на женщину, что подкрепляется верой русского народа в покровительство России Божией Матерью³⁰². Культ Богоматери определил отношение нации к женщине и материнству, которое воспринимается им как святыня. Сила русской женщины традиционно определялись ее способностью проявлять материнские качества: милосердие, сострадание, способность к самопожертвованию. Образ русской женщины играет особую, можно сказать доминантную роль в творчестве Н. Лескова позднего периода.

Размышления о русском женском характере и его особенностях в полной мере нашли отражение и в таких произведениях Н. Лескова позднего периода, как «Жемчужное ожерелье» и «Старинные психопаты». Оба текста были впервые напечатаны в журнале «Новь» (1885 год, № 5, 8 и 9). Рассказ «Жемчужное ожерелье» вышел с подзаголовком «Святочный рассказ», а «Старинные психопаты» автор позже включил в сборник «Рассказы кстати».

³⁰² Рассуждения Лескова о роли женщины, ее миссии были продолжены отечественными мыслителями XIX–XX веков, которые видели в сохранении нравственного достоинства женщины залог национального бытия. Например, В. В. Розанов утверждает, что «какова женщина, такова есть или очень скоро станет вся культура». (Розанов В. В. Религия и культура: сборник статей. СПб., 1899. С. 190.)

Или, например, Валентин Распутин напоминает, что «Россия издавна верила в себя, как в Дом Богородицы, Богородица была покровительницей России, и все казавшиеся чудесными избавления от врагов и бедствий объяснялись ее заступничеством». (Распутин В. Г. «Cherchez la femme» // Распутин В. Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 381.)

За основу сюжетов этих сочинений взяты «случаи из жизни», что само по себе характеризует лесковский подход к окружающей действительности и ее отражению в тексте: с помощью припоминания события из прошлого происходит усвоение уроков истории в настоящем и в будущем. Писать «мемуаром» [СС: 11, X, 451] Лесков любил, считал воспоминания «самой неумолимой литературной формой» [СС: 11, XI, 114]. По верному замечанию О. В. Евдокимовой, «память <...> помогает расширить “поле” авторской “субъективности”, увеличить сферу жизни, вовлеченную в единичную “субъективность”, которая получает другой масштаб»³⁰³. Все, что сообщается о героях лесковских текстов, становится достоянием культурной памяти, а в соответствии с этим приобретает черты объективности (дистанцированность от авторского «я»), народности и легендарности. В художественном мире Н. С. Лескова все прошедшее несет на себе отпечаток сказочного поэтического мировосприятия (на что указывает и выбранная жанровая форма), и, кроме того, писатель не обличает негативные черты поведения персонажей, а стремится постичь глубины их душ.

В рассказе «Жемчужное ожерелье» разгадать мотивы поведения Машеньки Васильевой (стремительное замужество) не представляет особого труда, поскольку все ее мысли и поступки объясняются традиционным пониманием предназначения русской женщины. Образ жизни героини, черты характера, которыми наделяет автор этот персонажный образ, репрезентируют ее как обладательницу русской женской души: «...Девушка ясного ума, благородного характера и прекрасного и верного сердца» [СС: 11, VII, 435]. По этой причине Машенька не боится ошибиться, поскольку стихийно, интуитивно ощущает, что ее влечение к мужчине – любовь: «Любовь ведь – это по нашему женскому ведомству, – мы ее замечаем и видим в самом зародыше» [СС: 11, VII, 435]. Особо Лесков подчеркивает в образе своей героини неотступное следование законам Божьим: если во время Таинства было дано слово «заботиться о счастье друг друга» [СС: 11, VII, 435], то нарушить его уже не представляется

³⁰³ Евдокимова О. В. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. СПб., 2001. С. 61.

возможным, поскольку это равносильно отказу служить самому Христу. Речь героини доказывает ее верность Богу, Слову и мужу: «Я, папа, не выбирала. Мне его бог дал» [СС: 11, VII, 446]. Примечательно, что это одна из немногих фраз, произносимых Машей, что, безусловно, характеризует и позицию автора в отношении персонажа. Стержневая черта характера русской девушки – религиозность, приверженность вере. Не случайным это видится именно в рассказе середины 1880-х годов, поскольку в этот период времени для Н. Лескова «христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное ... в Евангелии не столько «путь к небу», сколько «смысл жизни» [СС: 11, XI, 509]. Значимость Евангелия для писателя и его влияние на мировоззрение автора подчеркнула исследовательница И. Н. Минеева: «1880–1890-е гг. – новый этап в литературной деятельности Н. С. Лескова. В это время происходят принципиальные изменения в его этических и эстетических позициях...»³⁰⁴. Взгляды Лескова на жизнь в этот период стали ближе к христианскому идеалу, и первостепенную задачу художника он теперь видит в том, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее. Важная роль в этом смысле отводится Лесковым женским персонажам, что не противоречит народной культуре в целом. Вспомним, что еще в XVIII веке за женщиной признавались среди прочих добродетелей и «любовь к слову и службе божьей, истинное познание бога, страх божий, смирение, призывание бога, благодарение, исповедание веры, почитание родителей <...> и проч.»³⁰⁵. Интересно, что в рассказе стремление героя обрести семью в чрезвычайно короткие сроки приводит к тому, что его называют «психопатом» (что в равной степени относится и к Машеньке). При этом Н. Лесков пишет, что «слова “психопат” тогда еще не было у нас в употреблении» [СС: 11, VII, 434], но один из персонажей, давая оценку действиям своего брата отмечает, что он «должно быть, немножко с ума сошел от скуки» [СС: 11, VII, 434], и предлагает ему продолжить фантазировать, тем самым указывая на еще одно качество героя.

³⁰⁴ Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01. СПб, 2003. С. 5.

³⁰⁵ Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов. Печатается повелением Царского Величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1717, февраля 4 дня. Нравоучения от Священного писания, по алфавиту избранные. М., 1990. С. 47.

Расширяется и читательское понимание того, кто же такой «психопат»/«психопатка»: человек, который «с ума сошел от скуки», но при этом с богатой фантазией.

В рассказе «Старинные психопаты»³⁰⁶, продолжая изучение русской души в ее женском варианте, Лесков добавляет характеристики, которые определяют образ героя/героини – «психопата»: «Как герои, так и плуты, – все в своем роде выходят как будто в свою очередь тоже и «психопаты», в которых много «грандиозного», «наивного» и «преувеличенного», «своеобразного» [СС: 11, VII, 451]. Чрезмерность / избыточность (во всех областях жизни) выступает одной из важных черт «психопата», которая осознается Н. Лесковым как национальная черта. Видимо, по этой причине писатель с симпатией рисует образы подобных женских персонажей – «психопаток», пытаясь увидеть в глубинах их душ первопричину «психопатии».

В указанном художественном тексте наблюдаем совершенно иной, несвойственный для автора подход в раскрытии сущности женского персонажа: Н. Лесков в рассказ не включает портрет героини, остаются без внимания детали быта, поскольку первостепенным автору видятся мотивы поведения, движения души, определяющие выбор женщиной той или иной стратегии поведения. В структуре персонажного образа Н. С. Лескова важную роль играет «чужая речь», которая, с одной стороны, позволяет добиться эффекта достоверности истории, с другой же, «чужое слово» – элемент, характеризующий личность героя. В тексте рассказа нередки подобные выражения: «”любя своего мужа”» [СС: 11, VII, 459], «”делать его жизнь нескучною”» [СС: 11, VII, 460], «“доглядывала его, як маты свою дытыну”» [СС: 11, VII, 461], «”Степаниду Васильевну даже любили, “як маты”» [СС: 11, VII, 462], – смысл которых, на наш взгляд, кроется в том, что, прием «смены точек зрения» позволяет взглянуть как читателю, так и автору на персонажа вне системы, а самопознание героя не может обойтись без фигуры «другого».

³⁰⁶ Название рассказа «Старинные психопаты», на наш взгляд, указывает на то, что речь пойдет о людях старины («старина», «старинушка»), которые отличались особым подходом к жизни, и о событиях давно минувших дней.

При чтении рассказа может создаться ощущение невменяемости героини, не возникает сомнений, что ее сознание уязвлено («...сделалась “навек не человек” [СС: 11, VII, 459]), поскольку действия женского персонажа абсурды, пошлы, дики, безнравственны (на первый взгляд), а супруг Степаниды при этом больше всего ценил в ней «*вхожести* во все его слабости и мании» [СС: 11, VII, 489], «по-своему любил, и во всяком случае уверял, будто очень ее “уважает”» [СС: 11, VII, 461], вероятно за «такт, сердоболие и щедрость» [СС: 11, VII, 463].

Степанида супруга своего любила и «жила с ним всегда в постоянном согласии» [СС: 11, VII, 459], «не перечила мужу, так как мир и согласие супружеское она, по завету предков, ставила выше всего на свете» [СС: 11, VII, 460]. Героиня прилагала все свои усилия, чтобы ее муж был *дома*, поскольку для нее жизни вне дома не существовало: «...она стала прилагать всякие заботы, чтобы он “от нее не удалялся”» [СС: 11, VII, 459]. Как уже было отмечено, в поздний период творчества Лесков придерживался консервативных взглядов и стоял на той точке зрения, что для поддержания статуса жены, матери, хозяйки женщине необходимо было вести домашний образ жизни.

Специфику отношений Вишневого и Степаниды Васильевны проясняют отрывки из их писем. Используя подобный прием, Лесков позволяет читателю узнать, какие чувства испытывают друг к другу супруги, уточняет причины, по которым Степанида Васильевна молчаливо наблюдала за действиями Степана Ивановича. В письмах героиня обращается к мужу – «ангел души моей», «бесценный друг мой», «друг мой», а заканчивает письма всегда одной и той же подписью: «Твоя верная жена и раба Степанида» [СС: 11, VII, 460], т. е. героиня органично себя чувствует в этих ролях – жены и рабы (для нее это понятия одного порядка). Справедливость этого суждения доказывается в одном из писем: «Бог видит мою правду и истину, что люблю тебя больше всего на свете, и от разлуки с тобой сердце мое по тебе иссушается как трава...» [СС: 11, VII, 460]. Правда и истина сливаются воедино для Степаниды, поскольку, по ее мнению, все происходит так, как Бог велит, ведь ему Истина известна. На наш взгляд, именно этим объясняется смирение и абсолютная любовь героини к своему супругу: «И,

счастливая всем на свете, что только доставляло удовольствие ее мужу...» [СС: 11, VII, 489]. По мнению Лескова, путь к счастью для женщины лежит через заботу о других людях. Она может испытать настоящее счастье, только если отречется от своего собственного благополучия.

Не случайно и то, что Н. Лесков наделяет похожими именами своих персонажей в этом рассказе (Степанида Васильевна и Степан Иванович), подчеркивая схожесть их душ. Еще более эта схожесть проявляется в тот момент, когда Степанида умирает (кульминационный момент, знаменующий перерождение души героя) и ее супруг (возможно, неожиданно и для самого себя) осознает ту роль, которую играла она в его жизни: «Степан Иванович понял, что его новой жене недостает того, что имела прежняя...» [СС: 11, VII, 490]. Перед смертью герой с новой силой ощущает разумность жизни со своей бывшей женой: «Вишневному показалось, что у него как будто “отряслось сердце”... Скакал, скакал, тряся, тряся – и оно отряслось...<...>. Все так хорошо, кругом цвет и благоухание... Он все видит, слышит и понимает...» [СС: 11, VII, 490] – на него сошло просветление, понимание истинных законов бытия.

Н. С. Лесков, называя Вишневских «психопатами», старался проникнуть в психею, постичь особенности русской души, наделенной «живою фантазией» [СС: 11, VII, 490], под которой следует понимать проявление жизни в душе человека (чрезмерности, стихийности и проч.). Любовь, по мнению Н. Лескова, способна творить святых и героев. Этой силой и обладала Степанида Васильевна Вишневская, которая была женщиной, возносящей дух мужчины и объединяющей его с Божественным началом.

Для писателя не была важна внешняя привлекательность сюжета, образов (писатель считал, что художественный текст должен заключать в себе «истинное происшествие» [СС: 11, VII, 433]). В поздний период творчества автора одинаково интересовали разные проявления русского национального характера, поскольку он стремился раскрыть все новые его грани на страницах своих художественных произведений, доказывая, что русская душа многолика, неоднозначна в своей парадоксальности, но благодаря этому и складывается образ

русского народа и русской женщины.

Интересным для осмысления данной проблемы является и рассказ 1894 года «Дама и фефела», в котором Лесков противопоставляет друг другу два типа женщин в борьбе за одного мужчину. И если *дама* зловредна, то *фефела* благонаравна, хотя образ ее и выглядит несколько сомнительным и утрированным. Героини противопоставлены внешними характеристиками, отличает их образы речь и ее непосредственная наполненность, отношение к мужчине, детям и проч. Сатирическим выглядит портрет дамы: «Супруга его имела над ним самые разносторонние преимущества: по ее словам, она была старше его только на пять лет, но по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнее, а притом она была крепкая, сильная, очень предприимчивая и обладала счастливейшим женским талантом — не бояться никаких скандалов» [СС: 11, IX, 458]. Фефела же «на вид была ни хороша, ни дурна и не казалась ни умною, ни глупою» [СС: 11, IX, 465] – подобное описание сродни описанию образов библейских великомучениц, святых, где нивелирование внешних черт ведет к заостренному вниманию и осмысливанию деяний героя. Существенным является то, что речь дамы наполнена французскими словами и выражениями: «– Он хочет меня остановить жалкими словами, – говорила она. – Mais c'est drôle! Как же он может на это надеяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? Je sais ce que j'ai faire!» [СС: 11, IX, 459]. Фефела же говорит исключительно на русском языке, и каждое ее слово – это выражение понимания библейских истин: «– Вот это хорошо, что вы такая добрая девушка, – сказал я. – Хорошо, что вы жалеете человека. Но, впрочем, надо жалеть и барыню. У нее какой-то несчастный характер. – Ах, это точно, что жалеть надо всякого» [СС: 11, IX, 467]. В этом образе выражено понимание Лесковым лучшей черты русской женщины, главной ее особенности – доброе сердце: «Фефела, которая мне кажется довольно обыкновенною русскою женщиной, которая никого не погубила и себя усовершила в земной жизни, но в этом ей ничего не помог ни литератор, которого *она любила*, ни простой человек, который *ее любил*. Но она была хороша для всех, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца» [СС: 11,

IX, 500]. Благодаря именно доброму женскому сердцу, которое наполнено любовью к Богу (что означает, по Лескову, одновременно и к людям), возможно изменить утвердившиеся законы в обществе, основанные на человеческом нетерпении, отрицании, корысти и тщеславии.

Постижению особенностей женской души способствовал и нескончаемый интерес Лескова к книжным религиозным памятникам, благодаря которым он черпал знания об истинных человеческих ценностях. Наибольший интерес Николай Лесков испытывал к древнепечатным изданиям («Большой требник Петра Могилы, великого чина, с царским и патриаршим судом и полными заклиательными молитвами», «Елизаветинская библия», «История о семи мудрецах в Великих Луках» и др.). Как отмечает сын писателя, «случалось Лескову искать редкие книги “у ворот Троице-Сергиевской лавры”, а в побывки свои в Москве обращался он за ними и в “магазин Кольчугина на Никольской” и “в гнездившиеся” там же лавчонки»³⁰⁷. В письме к А. С. Суворину от 26 марта 1888 года сам Лесков подчеркивал необходимость обращения к русской агиографии³⁰⁸: «”Маргарит” – книга “беседная”, – ее хорошо грабителю-купцу в пост читать. В библиотеке литератора она ни на что не нужна. Другое дело редкости “житийные”, как “Зерцало” и т.п. <...> На такие книги – тратьте деньги, и Вы себя и других утешите; а на что Вам “беседность”, во многом узкая и всегда очень скучная и не полезная? – Четы-Минеи екатер<ининского> времени *полные* имеют еще свое значение, но не важное, так как Феофан из них все поэтическое или легендарное выпускал, а неполные к чему они?» [СС: 11, XI, 374].

Увлеченность писателя памятниками религиозной литературы не могла не отразиться на его собственном художественном творчестве. В 1880 – 1890-е гг. он изучает древнерусский переводной памятник, сборник кратких житий, притч, поучений 1642–1643 гг. – «Пролог». И. Н. Минеева указала на причину обращения автора к редакции «Пролога» 1642–1643 гг.: «Лесков особенно ценил

³⁰⁷ Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам. М., 1954. С. 468.

³⁰⁸ См. : Лесков Н. С. Жития как литературный источник // Новое время. 1882. № 2323, 17 августа.

средневековые тексты, которые не были подвержены правке со стороны церковной цензуры. Первостепенное значение для него имел их авторитет древности и сохраненности»³⁰⁹ (об этом же и в письме Н. Лескова к А. С. Суворину). На основе проложных сюжетов писатель создает цикл «Легендарные характеры. Опыт систематического обзора», включающий тридцать шесть «прилогов», а также девять легенд («Гора», «Повесть о богоугодном древоколе», «Прекрасная Аза», «Легенда о совестном Даниле», «Скоморох Памфалон», «Лев старца Герасима», «Аскалонский злодей», «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине», «Невинный Пруденций»). Согласимся с мнением М. П. Чередниковой: «Старинная легенда, как правило, давала толчок творческому воображению писателя, и на основе древнерусского сюжета создавалось новое оригинальное произведение, приобретающее под пером Лескова актуальность и злободневность»³¹⁰.

Примером подобного переложения, где главной героиней является женщина, может служить легенда «Прекрасная Аза», которая была впервые опубликована в газете А. С. Суворина «Новое время» (№ 4347 от 5 апреля 1888 года) с обозначением названия нового цикла легендарных историй: «Женские типы по Прологу. Прекрасная Аза». Обращает на себя внимание следующий литературный факт: Николай Лесков настойчиво, на протяжении всего своего творчества, стремился воплотить замысел – создать галерею женских образов:

а) 1864 год (ранний период творчества): «”Леди Макбет нашего уезда” составляет 1-й № серии очерков нашей (окской и частью волжской) местности. Всех таких очерков я предполагаю написать двенадцать <...>» [СС: 11, X, 253] (письмо Н. С. Лескова к Н.Н. Страхову (от 7 декабря 1864 года, Киев);

б) 1891 год (поздний период творчества): «Я получил три дня тому назад письмо о присылке чего-нибудь вместо «Нэтэты», которая еще тоже не существует. А я болен и обещать ничего не могу, но у меня есть две работы,

³⁰⁹ Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 2003. С. 11.

³¹⁰ Чередникова М. П. Древнерусские источники повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. XXXII. С. 362.

которые, кажется, могли бы у Вас пройти и сослужили бы Вам надлежащую службу. 1) «Женские типы по Прологу», очень любопытные картинки женских нравов (счетом 36). Это около 4–5 листов» [СС: 11, XI, 505] (письмо Н. С. Лескова к Д. Н. Цертелеву (от 14 декабря 1891г., Петербург).

В поздний период Н. С. Лесков окончательно формулирует идейную направленность своего творчества: задача писателя «в служении тому, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее и всесовершеннее»³¹¹, – это позволяет объяснить (сквозь призму Священного Писания) интерес художника к изображению именно женских персонажей.

В данном контексте женщина в художественном наследии Лескова становится посредником между людьми и Богом; ее состояние, поступки, слова – способ трансляции вечных ценностей. В авторском предисловии к циклу «Легендарные характеры» Николай Лесков объясняет необходимость данного обзора: «Тридцать лет назад, когда у нас много писали о женском вопросе, не раз было упоминаемо, будто в России репутации женщин был нанесен большой вред житийными сказаниями, которым верили наши предки. Там будто женщины постоянно выставляются соблазнительницами, стремившимися удалить мужчин от возвышенных задач жизни и погрузить их в жизнь чувственную и безрассудную. Некоторыми, более горячими, чем основательными друзьями женского вопроса было выхвачено несколько примеров в этом роде, и те примеры, принятые без критики, до сей поры остаются в непререкаемом значении убедительных фактов. Между тем, на самом деле, *это есть ложь*, и в этом может убедиться всякий, кто пожелает познакомиться с женскими типами Пролога» [СС:12, XI, 310].

Комментируя первую публикацию легенды, обработанной в числе тридцати семи женских типов «Обозрения», Лесков писал: «Рассказ о Египтянке Азе составляет этюд, приводимый здесь отрывком из систематического обозрения Пролога, которое в полном изложении будет напечатано в ежемесячном

³¹¹ Лесков Н. С. <Заметка о литературе>. Публикация А. Романенко // В мире Лескова. М., 1983. С. 365.

журнале»³¹². В письме к А. С. Суворину от 25 марта 1888 года Н. С. Лесков подчеркнул: «Я с нею столько мучился (буквально – мучился), что сам к ней примучился. <...> “Аза” писана с любовью и крайне тщательно <...>» [СС: 11, XI, 371]. В основу истории, рассказывающей о жизни египтянки, положены два сюжета из Пролога: «Слово о девице сотворшей милость над хотевшем удавиться должник ради» (от 8 апреля) и «Слова о покаянии» (от 14 июня).

Главную героиню легенды «Прекрасная Аза» Н. С. Лесков вводит в повествование, указывая на ее молодость и красоту, а также отмечает, что «она была круглая сирота <...>» [СС: 11, VIII, 291], но «наследства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить целую жизнь в полном довольстве» [СС: 11, VIII, 291]. Среди «большого богатства», оставленного Азе, был «благоустроенный дом и обширный виноградный сад по скату к реке Нилу» [СС: 11, VIII, 291]. С самого начала пространственная структура легенды организована двумя образами-символами: виноградник и река. В целом Лесков не отходит от сюжета в Прологе, указывая то же место действия, статус героини, не исключает он и образ-символ виноградника (Ср.: «Во Александрии египетской при Павле папе дева некая была оставлена сиротою. <...> В один же из дней сквозь виноград свой проходила <...>»³¹³).

Виноградник возникает на протяжении всего повествования («<...> возвращалась к себе назад через свой виноградник» [СС: 11, VIII, 291]; <...> она приходила в свой бывший виноградник, под то самое дерево, на ветвях которого хотел удавиться избавленный ею незнакомец, и вспоминала его рассказ, и всегда находила, что не могла поступить иначе <...>» [СС: 11, VIII, 297]; и т.д.). В контексте легенды «виноградник» становится символом народа, единство которого возможно только благодаря любви от Бога и к Богу: «Христос сказал: “Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – Виноградарь... Я есмь Лоза, а вы

³¹² Лесков Н. С. Прекрасная Аза // Новое время. 1888. № 4347. 5 (17) апреля.

³¹³ Память святых апостол от семдесяти, Родиона, Агава, Руфа, Асинкрита и Флегонта и Ерма, и прочих. Преподобнаго отца нашего Келестина Папы Римскаго. Святаго отца нашего Калентина Папы Римскаго и страсть святаго Паусилупа. Слово о девице сотворшей милость над хотевшем удавиться должник ради // Пролог. М., 1642–1643. С. 209 об.

ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода...» (Ин. 15.1; 15.5). Интуитивно чувствуя *истину*, Аза не способна действовать вопреки христианскому учению, и в структуре персонажного образа слово героини усиливает религиозно-нравственный аспект художественного текста Николая Лескова: «– Так ты вдвое безумна, если сделала это все для людей чужой веры! – Не порода и вера, а *люди* страдали, – ответила Аза» [СС: 11, VIII, 296]; «Я посылаю последний привет мой небу, которое внушило мне решение любить других больше себя, и с тем умираю!» [СС: 11, VIII, 298]. Н. С. Лесков в этой легенде неотступно следует божественным идеям, согласно которым этническая, классовая принадлежность не являются определяющими: «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 26–28). Идеи Лескова о гармоничных взаимоотношениях людей, мысль о роли женщины в судьбе мира и каждого отдельного человека в нем не были стихийными, что подтверждает, например, эпистолярное наследие автора, в котором выразились взгляды писателя на принципиальное качество души женщины – умение обходиться без своего личного счастья³¹⁴. Указанные интенции автора, на наш взгляд, в полной мере находят отражение в легенде «Прекрасная Аза» и доказывают, что данное произведение не случайное в художественном наследии Лескова.

В качестве эпитафии к легенде Николай Лесков использует фрагмент стиха из 1-го Соборного Послания Апостола Петра (глава 4): «Любовь покрывает множество грехов» (I Петра IV, 8). Полностью стих звучит следующим образом: «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (I Петра IV, 8). Николай Лесков уходит от императива и превращает цитату в закон. Автор не проповедует, а всего лишь напоминает читателям известную истину.

³¹⁴ См. : Письмо Лескова Николая Семеновича Кандиба А. П. / крестнице Н. С. Лескова. Печатается по машинописной копии // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 138. 1 п. – 2 л.

Еще одним важным образом-символом в пространственной структуре легенды выступает образ реки (в тексте «Пролога» 1642–1643 гг. он не упоминается, что свидетельствует о стремлении Лескова усилить поэтику женского персонажного образа в легенде). Описание реки служит фоном, на котором разворачиваются события, она отражает переживания главной героини художественного текста: «<...> Она упала в воду, и ее, полуживую, без чувств, вытащили из Нила» [СС: 11, VIII, 296]; «В таком настроении Аза однажды тихо брела вдоль берега Нила» [СС: 11, VIII, 297]; «Она бросилась к реке, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержал за плечо <...>» [СС:11, VIII, 298]. С точки зрения христианского учения, река (вода) – символ очищения. И не смотря на то, что когда-то «Прекрасная Аза» становится «прибрежной блудницей» [СС: 11, VIII, 297], она, по Лескову, – носительница истинных ценностей, высших ценностей, ценностей от Христа, которые она чувствует душой. Вероятно, для того, чтобы подчеркнуть красоту души Азы, Н. С. Лесков лишает ее телесной красоты: «Она подошла к реке и нагнулась, чтобы напиться, но сейчас же отскочила в испуге: так самой ей показалось страшно ее изнуренное лицо с померкнувшим взглядом. А так недавно еще никто не решался ее иначе назвать, как “прекрасная Аза”» [СС: 11, VIII, 297]. Аза способна к смирению, к пониманию высших ценностей, что доказывает немногословная речь героини: «<...> но я не ропщу...» [СС: 11, VIII, 298]. Речь героини становится мощным средством создания ее образа. Ср.: «<...> и видя человека, приготовившегося на удушение <...>, спросила его: «Что твориши, человек»³¹⁵ (Пролог); «Египтянка закричала: «Остановись!» и, бросаясь к самоубийце, схватилась руками за петлю веревки» [СС: 11, VIII, 292]. В лесковской интерпретации данного эпизода рельефно отображается деятельная натура Азы, ее стремление к сохранению Жизни, способность к совершению добрых дел. Образ Азы в данной легенде – индикатор ценностных ориентаций

³¹⁵ Память святых апостол от семдесяти, Родиона, Агава, Руфа, Асинкрита и Флегонта и Ерма, и прочих. Преподобнаго отца нашего Келестина Папы Римскаго. Святаго отца нашего Калентина Папы Римскаго и страсть святаго Паусилупа. Слово о девице сотворшей милость над хотевшем удавиться должник ради // Пролог. М., 1642–1643. С. 209 об.

писателя. Используя христианскую символику, вплетая ее в женский образ, Николай Лесков выражает свои идейные установки в художественном тексте. Переход женщины из «блудницы» в «дочь утешенья» в тексте легенды служит своеобразным призывом Лескова к смене системы координат, смене пути – призыв к «соборности», почитанию евангельских поучений.

Н. С. Лесков придерживается общего хода движения сюжета Пролога, рассказывая о египетской блуднице, при этом художник его детализирует, концентрируясь на переживаниях героини, выражая особенности ее мировоззрения – «природной религиозности».

Определяющую характеристику стиля писателя 1880–1890-х гг. дала И. В. Столярова: «Поздний Лесков предпочитает не столько вести религиозно-философскую полемику, сколько продолжать рассказывать о “праведниках”, добрых и хороших людях, “земных ангелах”, которые своим активным вмешательством противостоят силам зла и разрушения и претворяют в жизнь евангельские нормы»³¹⁶.

В других легендах и сказках этого периода роль женщины также неизменна велика. Например, в египетской повести «Гора» Нефора проходит путь близкий по своему значению к пути Азы: от «блудницы» до «дочери утешения». Преследуя цель «принудить художника сделать для нее самую красивую золотую диадему» [СС: 11, VIII, 306], Нефора готова любой ценой достичь ее: «”Тогда, – думала она, – он перестанет отказываться, и чего не хочет сделать мне за большие деньги, то сделает без всякой денежной платы, как для своей любовницы. Я этого желаю...”» [СС: 11, VIII, 311]. Не получив желаемого, Нефора готова мстить всем христианам (Зенон должен быть за всех в ответе). Лесков приводит свою героиню от эгоизма, затмившего ее разум, до духовного просветления: «– Разве ты христианка? – Да, я христианка. – Но... мне кажется... я видел тебя вчера на пиру у правителя... Ты была его гостьей. – Да, ты меня видел. Я там была... я хотела все знать, что они думают сделать. – Что же ты хочешь? – Я страшусь за то, что с

³¹⁶ Столярова И. В. На пути к преображению: человек в прозе Н. С. Лескова СПб., 2012. С. 244–245.

вами случится, если вы не сдвинете гору» [СС: 11, VIII, 363]. Лесков поддерживает идею отношений, основанных на взаимоуважении людей разного происхождения и вероисповедания, и только подобная связь отвечает природе человека, поскольку уникальность личности каждого, духовное братство являются общими мировыми ценностями. Обеспокоенность же Лескова, слабая надежда на воссоединение людей подчеркивается эпитафией: «Этот анекдот совершенно древний. Такой случай нынче не сбыточен, как сооружение пирамид, как римские зрелища – игры гладиаторов и зверей» [СС: 11, VIII, 303]. Лесков настойчиво создает женские образы, которые подчас могут и не быть главными персонажами произведений, но, благодаря их деятельному участию в судьбе мужчины, следованию правилам жестокого самоограничения, они тем самым помогают героям обрести цельность и внутреннюю свободу, которые делают их буквально неуязвимыми («Фигура»): «<...> Фигура и Христя, да и ни в чем не повинная Катря несли епитимию: из них трех никто не употреблял в пищу ни мяса, ни рыб — словом, ничего, имеющего сознание жизни. <...> Христя держалась в доме не как наймычка при хозяйке, а как будто своя родная, живущая у родственника. Она “тягала воду” из колодца, мыла полы, и хату мазала, и белье стирала, и шила себе, Катре и Фигуре. <...> Обедали они все трое за одним столом, к которому Христя “подносила” и “убирала”. Чаю не пили вовсе, “бо це пуста повадка”» [СС: 11, VIII, 466].

В легенде «Невинный Пруденций» Н. С. Лесков создает несколько женских образов: «Гифас был старше Алкея и имел жену Ефросину, тоже уже пожилую женщину, и сына Пруденция, а Алкей был моложе Гифаса на десять лет и недавно женился на молодой и очень красивой, доброй и рассудительной девушке, которую звали Мелита. <...> Когда Алкей и Гифас по условиям своего промысла ходили надолго в море, – жены их, пожилая Ефросина и молодая Мелита, хозяйничали дома и проводили вместе все свободное время, какое им оставалось от их ручного труда и необходимых забот по хозяйству» [СС: 11, IX, 50–51]. В уста одной из героинь – Мелиты – Лесков вкладывает, как нам кажется, собственное понимание идеи христианства: «<...> Христианское учение

открывает человеку, в чем смысл жизни, и научает его управлять своими страстями. <...> Наш учитель велел нам в каждом человеке видеть нашего брата, и потому мне отрадно и сладко называть тебя моею “сестрою” и устроить тебе покой и довольство. Но дальше согласие наше идти не может, потому что ты считаешь себя вправе брать у жизни все, что только возможно схватить, а я рассуждаю иначе» [СС: 11, IX, 62].

Писатель в этот период своей жизни и творчества считал, что самыми надежными основаниями для любых социальных преобразований должны служить «вечные» евангельские идеи, возвещенные Христом. Избегая назиданий, стараясь, чтобы его тексты не отличались «беседностью», автор выбирает жанр легенды, притчи, сказки, позволяющие в увлекательной форме (не искажая проложного сюжета в том числе) показать познание героинями законов бытия, которые оказываются извечными и незыблемыми для всех времен.

Лишена морализации и сказка Н. С. Лескова «Час воли божией», в которой царь Доброхот ставит три вопроса: какой час важнее всех, какой человек нужнее всех, какое дело дороже всех. Ответы дала простая девица: «— Молви, девица: какой час важнее всех? — *Теперешний*, — отвечала девица. — А почему? — А потому, что всякий человек только в одном в теперешнем своем часе властен. — Правда! А какой человек нужнее всех? — *Тот, с которым сейчас дело имеешь*. — Это почему? — Это потому, что от тебя сейчас зависит, как ему ответить, чтоб он рад или печален стал. — А какое же дело дороже всех? — *Добро, которое ты в сей час этому человеку успеешь сделать*. Если станете все жить по этому, то все у вас заспорится и сладится. А не захотите так, то и не сладите» [СС: 11, IX, 28–29]. Неоспоримо в осмыслении общей идеи сказки суждение И. В. Столяровой: «Намеренно обращаясь в это время к самым доступным для восприятия, простейшим литературным формам притчи, сказки, легенды, писатель стремится убедить современников в противоестественности отношений национальной или религиозной вражды, ведущих в конечном счете к самоистреблению

человечества»³¹⁷. В записную книжку Н. С. Лесков неоднократно помещал цитаты, смысл которых был созвучен его собственным представлениям о причинах конфликтов внутри общества: «Большая часть людей только запутавшиеся мотки и это их положение неисправимо, потому что оно им нравится»³¹⁸ (из дневника А. Амиеля); «Духовный мир не заперт. Закрыта твоя способность ощущать – опустело твое сердце»³¹⁹ (И. Гете). Человеческие души, по мысли автора, смогут очиститься, если уяснят тлетворную сущность «мелочей жизни», поймут ложность усвоенных идеалов и вновь обретут *сердце*. Путь к спасению лежит исключительно через торжество *любви*. За истину Лесков принимает идею, содержащуюся во фрагменте из книги «Добротолюбие» епископа Феофана: «Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай, пусть на тебя клеветают, ты не клеветай»³²⁰. Обнаружение зла и сознательный отказ в его распространении должны стать целью людей эпохи. Данная жизненная установка становится определяющей для женских характеров в поздних произведениях автора, в образе которых воплощена его вера в преобразование российского общества.

1880–1890-е годы в России – «эпоха безвременья», идейного тупика российского общества. В этот период на страницах русской литературы осмыслялись не только социальные, но и нравственные проблемы человечества. Например, из-под пера И. С. Тургенева выходят «Стихотворения в прозе», Л. Н. Толстой пишет «Смерть Ивана Ильича» и «Власть тьмы», М. Е. Салтыков-Щедрин создает «Письма к тетеньке», «Мелочи жизни», «За рубежом». Трагический эмоциональный тон повествования является преобладающим в литературных произведениях 80–90-х годов XIX столетия. Художественным выражением духовно-нравственного кризиса становятся мотивы переосмысления пройденного пути и деформации ценностных ориентиров. На фоне современности, с ее духом нарастающего безверия, взаимной отчужденности

³¹⁷ Столярова И. В. На пути к преображению: человек в прозе Н. С. Лескова. СПб., 2012. С. 103.

³¹⁸ Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 11

³¹⁹ Там же. Л. 21 об.

³²⁰ Там же. Л. 27 об.

людей, художественные произведения Николая Лескова обретают жизнеутверждающий пафос.

Взгляды писателя в этот период корректируются и в отношении понятия *русская женщина*. В его оценке это женщина, которая относится к русскому этносу (но это не первостепенно для художника), определяющий же фактор – ее понимание общечеловеческих ценностей и деятельное участие в их утверждении. Источник высших знаний – Евангелие. Миссия женщины в позднем творчестве Н. С. Лескова заключена в утверждении прямой зависимости нравственного начала от веры в духовное начало.

В 1880–1890-е годы Лесков изображает женщину-праведницу в эпоху бездуховности и резкого падения нравов. В подобной ситуации именно женщина, по мнению автора, выполняет сотериологическую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XIX веке Европа и Россия были озабочены проблемой социальной роли женщины, поскольку в указанный период происходило повсеместное распространение женского просвещения, что способствовало включению женщин в сферы, которые ранее для них не предназначались.

Традиционно социальная роль женщины определялась в рамках семейных отношений, в то время как 1860-е годы XIX столетия – рубеж, с которого начинается новая эпоха в России, связанная, в частности, с появлением «нового» типа женщин.

Н. С. Лесков, начав свою литературную деятельность в 1860-е годы, заявил о себе как о человеке прогрессивных взглядов, отстаивая права и свободы соотечественниц на страницах своего публицистического творчества. В 1861 году он вводит новое для общественности понятие – «разумная эмансипация», представляющее органический, адаптированный к собственно российским условиям вариант понимания данного социального феномена. Согласно Н. С. Лескову, учеба и работа способствуют женскому становлению в той степени, в какой ею усвоены и поняты нравственные обязательства в отношении семьи и рода. Теорию «разумной эмансипации» писатель продолжает разрабатывать и в последующие периоды творчества, но, если статьи 1860-х годов резки и однозначны, то статьи 1870–1880-х годов – это философский разговор с читателем, в ходе которого важно его побудить к размышлениям, к поиску ответов на вопросы времени, и в частности «женский вопрос».

Изучение эпистолярного наследия Н. С. Лескова, представленное во второй главе диссертации, позволяет уточнить идеи автора, высказанные им на страницах многочисленных публицистических материалов. Объединяет письма Николая Лескова проблема, которой он отдавал все свои творческие силы, – обозначение крайностей, которые породила квазиэмансипация, ведущая к нарушению женщиной духовно-нравственных законов, обязанностей и норм. Художник

предлагает и решение, которое способно привести к преодолению женщиной духовного кризиса и осознанию своей истинной сущности – вера в Бога.

В ходе проведенного анализа художественного наследия писателя в рамках комплексного подхода нами прослеживается смысловая динамика, характерная для системы женских образов в творчестве Н. С. Лескова. Женский персонажный образ в его произведениях становится индикатором ценностных ориентаций, который позволяет судить об особенностях художественной идеологии писателя.

Наблюдения над особенностями конструирования женских персонажных образов в творческом наследии писателя позволили охарактеризовать взгляды Николая Лескова на жизнь России второй половины XIX века и конкретизировать его позицию в отношении предназначения женщины.

Выявленная нами динамика авторских представлений, нашедшая воплощение в изображении женских персонажей, в частности, становится фактором, определяющим периодизацию творчества художника. Трансформация лесковской картины мира, аксиологическая эволюция взглядов автора напрямую зависит от появления в художественной системе писателя определенного типа женского образа и его семантического наполнения.

Начало творческого пути Н. С. Лескова (1862–1863-е гг.) во многом предопределило общий строй художественной системы мастера слова, в котором он осознает значимость женщин и ставит перед собой задачу – создать галерею женских образов. В этот период он разрабатывает многочисленные типы женских образов, поскольку для художника становится важным отразить во всей целостности и полноте особенности и закономерности национального быта. Изображая пространство города/деревни, в котором живут героини его произведений, детали их быта (выбор одежды, предпочтения в еде и т. п.), описывая внутренний мир героинь, художник создает многомерную картину женского бытия.

Особенностью периода 1860-х годов можно считать палитру женских образов в лесковской прозе: женщина «нового» типа, inferнальная женщина и проч. Исходным в художественном мире Н. С. Лескова 1860-х годов становится

архетип материнства. Разрыв сакральной связи матери и дитя воплощает у писателя вырождение русского народа.

В том числе и благодаря пристальному вниманию к женским образам в 1860-е годы в творческой системе Н. С. Лескова формируется концепция праведничества, нашедшая отражение в 1870-е годы. На этом же этапе творчества писатель особо подчеркивает необходимость присутствия мужчины-праведника в судьбе женщины: без его участия героиня не способна к просветлению и преображению.

Завершив период поиска и исканий в 1868 году, Н. С. Лесков в 1870-е годы вводит тип героини «на перепутье», доказывая, что в душе женщины достаточно оснований для того, чтобы осуществить переход от противоестественного душевного склада к естественному, для которого характерна устремленность к Богу. Познание истины Христовой для героинь произведений 1870-х гг. должно стать, по мысли автора, насущной потребностью. Осознание героиней того, что и в ее душе живет Бог, становится возможным на фоне столкновения привычных (традиционных) законов русской жизни и новых веяний. Рисуя образы подобного типа женщин, Лесков преодолевает стереотипное представление о нигилистках, которое сформировалось в обществе 1860–1870-х годов, подчеркивая, что женщина «нового» типа, осознав свою греховность, способна к постижению евангельских основ бытия.

Для позднего творчества Н. С. Лескова характерна идея, связанная с тем, что торжество добра невозможно без обнаружения и обличения зла. Женские персонажи автора 1880–1890-х годов своим деятельным участием способны утвердить евангельские нормы на земле. Ключевая идея позднего творчества Лескова состоит в том, что женщина нравственно сильна благодаря христианской, милосердной любви к людям, а, следовательно, и Богу.

Содержание параграфов третьей главы поэтапно раскрывает изменение взглядов писателя: от поиска нового идеала женщины (1860-е годы) до утверждения в мысли, что для жизни женщины характерен (привычен и правилен) традиционный уклад, неразрывно связанный с евангельскими заповедями (1880–

1890-е годы).

В художественном наследии Н. С. Лескова выявляется динамика взглядов писателя на образ женщины и «женский вопрос»: переход от восприятия ее как открытой системы, для которой характерен сквозной мотив дороги, к восприятию ее в качестве закрытой (консервативной) системы с объединяющим, доминирующим мотивом дома.

К 1880–1890 годам в художественном арсенале писателя появляются новые принципы передачи женского образа, происходит усложнение средств поэтики, углубление психологизма.

Эволюционная логика творческого сознания Лескова обусловлена фактами, связанными с биографией писателя, тенденциями времени, влиянием на него философских идей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Дж. У. Дрейпера, Г. С. Сковороды; кроме того, очевидна ориентированность писателя на Евангелие, сюжеты древнерусского Пролога, свидетельствующая о постепенно усиливающейся к 1880–1890-годам религиозности автора.

Творчество художника во всей его целостности свидетельствует о том, что писатель искал пути преодоления нравственной опустошенности и духовного вырождения русского народа. Характерной особенностью можно считать кольцевую композицию поисков, а также концентричность кругов в постановке проблем и их решений у Лескова.

Миссия по сохранению России, ее самобытности возложена писателем на женщину, которая изначально хранит в своей душе свойства, способные привести русскую культуру к перерождению.

Настоящая работа, не претендуя на исчерпывающую полноту исследования проблемы, позволяет взглянуть на творчество Н. С. Лескова как художественную целостность с точки зрения отражения в ней воззрений автора на «женский вопрос» и бытования женских персонажных образов. Такой подход позволяет не только понять специфические особенности творческой индивидуальности писателя, но и уточнить его роль в литературном процессе второй половины XIX столетия.

Исследование поставленной в диссертационном исследовании проблемы влияния «женского вопроса» на творческое наследие Н. С. Лескова и изучение характера восприятия, интерпретации и отражения в произведениях художника такого явления, как женская эмансипация, должно быть продолжено.

Анализ рецепции феномена женской эмансипации в художественных текстах русской литературы второй половины XIX столетия заслуживает пристального внимания ученых. Кроме того, значимым для изучения творчества Н. С. Лескова представляется дальнейшее выявление и уточнение специфики его женских персонажных образов путем их сравнения с женскими образами русских писателей XIX–XXI веков.

Библиография

Источники

1. *Лесков, Н. С.* Загробный свидетель за женщин / Н. С. Лесков // Исторический вестник. – 1886. – №. 11. – С. 249–280.
2. *Лесков, Н. С.* <Заметка о литературе>. Публикация А. Романенко / Н. С. Лесков // В мире Лескова. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 364–366.
3. *Лесков, Н. С.* Литературный грех / Н. С. Лесков // Петербургская газета. – 1888 (8 февраля).
4. *Лесков, Н. С.* О литературе и искусстве / Н. С. Лесков ; вступ. ст. И. В. Столяровой ; коммент. А. А. Шелаевой. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 285 с.
5. *Лесков, Н. С.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / Николай Семенович Лесков ; [ред. К. П. Богаевская, И. В. Видуэцкая, А. А. Горелов, Е. Ю. Звезжинская и др.]. – М. : Терра, 1996–2016.
6. *Лесков, Н. С.* Собрание сочинений: в 11 т. / Николай Семенович Лесков; [Под общ.ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума]. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1956–1958.
7. *Лесков, Н. С.* Собрание сочинений: в 12 т. / Николай Семенович Лесков; [Сост. В. Ю. Троицкого]. – М. : Правда, 1989.
8. *Лесков, Н. С.* Собрание сочинений: в 12 т. / Николай Семенович Лесков. – СПб. : тип. А. С. Суворина, 1889–1896.
9. *Лесков, Н. С.* Специалисты по женской части / Н. С. Лесков // Литературная библиотека. – 1867. – Сентябрь – декабрь. – С. 210–269.
10. Письмо Н. С. Лескова О. С. Крохиной / Н. С. Лесков ; Rev. Etud. slaves, Paris, LVIII/3, 1986. – P. 469.

Архивные материалы

11. *Лесков, Н. С.* Записная книжка с выписками из «Прологов» – 1880-е. –

59 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108.

12. *Лесков, Н. С.* Записная книжка с выписками из книг С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая» (СПб., 1889), М. Нордау «Ложь как основа морали» и др.; с записями сатир Горация, элегий Тибула, изречений древних философов, с набросками [повести «Оскорбленная Нэтэта»]. На л. 32 выписка из газеты «Новое время». 1863. № 6384 – [1890]. – 37 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108а.

13. *Лесков, Н. С.* Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др. с записями пословиц и изречений; выписками из «Сборника Кирши Данилова», Талмуда и др. – 1893–1894. – 33 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109.

14. *Лесков, Н. С.* Записная книжка с записями устаревших слов, фразеологических оборотов и пословиц. – 1894 – 7 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 110.

15. Письмо А. Н. Пешковой / Н. С. Лесков // ИРЛИ. Ф. 227, № 62, л. 10–11 ; Ежег., 613.

16. Письмо А. Н. Пешковой / Н. С. Лесков // ИРЛИ. Ф. 227, № 62, л. 107 ; Ежег., 688.

17. Письмо А. Н. Пешковой / Н. С. Лесков // ИРЛИ. Ф. 227, № 62, л. 10–11 ; Ежег., 613.

18. Письмо Лескова Николая Семеновича Кандиба А. П. / Н. С. Лесков ; крестнице Н. С. Лескова // РГАЛИ. Ф. 275, оп. 1. Ед. хр. 138, 1 п. – 2 л.

19. Письмо Лескова Николая Семеновича Кандиба А. П. / Н. С. Лесков ; крестнице Н. С. Лескова // РГАЛИ. Ф. 275, оп. 1. Ед. хр. 138, 1 п. – 2 л.

20. Письмо Лескова Николая Семеновича Наталье Семеновне (сестре), в монашестве Геннадии / Н. С. Лесков // РГАЛИ. Ф. 275, оп. 3. Ед. хр. 10.

21. Письмо Лескова Николая Семеновича Наталье Семеновне (сестре), в монашестве Геннадии / Н. С. Лесков // РГАЛИ. Ф. 275, оп. 3. Ед. хр. 10.

22. Письмо Лескова Николая Семеновича Наталье Семеновне Лесковой (сестре), в монашестве Геннадии / Н. С. Лесков // РГАЛИ. Ф. 275, оп. 3. Ед. хр. 10.

Книги, монографии

23. *Абрамович, А.* Женщина и мир мужской культуры / А. Абрамович. – М. : Свободный путь, 1913. – 125 с.
24. *Айвазова, С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы) / С. Г. Айвазова. – М. : РИК Русанова, 1998. – 408 с.
25. *Ангелова, Н. В.* Тайна русского характера: произведения Н. С. Лескова 1880–1890-х годов: монография / Н. В. Ангелова; Науч. ред., предисл. В. Е. Андреева. – Мичуринск: МичГАУ, 2007. – 90 с.
26. *Аничков, Е. В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян / Е. В. Аничков. – Ч. I. От обряда к песне. – СПб. : тип. Имп. АН, 1903. – 426 с. ; – Ч. II. От песни к поэзии. – СПб. : тип. Имп. АН, 1905. – 416 с.
27. *Аннинский, Л. А.* Лесковское ожерелье / Л. А. Аннинский. – М. : Советский писатель, 1982. – 189 с.
28. *Аннинский, Л. А.* Три еретика: Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове / Л. А. Аннинский. – М. : Книга, 1988. – 352 с.
29. *Бакунин, П. А.* Запоздалый голос сороковых годов: (По поводу женского вопроса) / П. А. Бакунин. – СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1881. – 458 с.
30. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; Сост. С. Г. Бочаров ; прим. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
31. *Бабель, А.* Женщина и социализм / А. Бабель. – М. : Госполитиздат, 1959. – 596 с.
32. *Бердяев, Н. А.* О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев // О назначении человека. – М. : Республика, 1993. – С. 19–252.
33. *Бердяев, Н. А.* Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 224–334.
34. *Благосветлов, Г. Е.* На что нам нужны женщины? / Г. Е. Благосветлов. – 1869 г. // Сочинения Г. Е. Благосветлова. – СПб. : изд. Е.А. Благосветловой, 1882.

– 600 с.

35. *Веселовский, А.* Женщина и старинные теории любви / А. Веселовский. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1912. – 96 с.

36. *Видуэцкая, И. П.* Николай Семенович Лесков / И. П. Видуэцкая. – М. : Знание, 1979. – 64 с.

37. *Виноградов, В. В.* Достоевский и Лесков (70-е годы XIX века) / В. В. Виноградов // Проблема авторства и теория стилей. – М. : Гослитиздат, 1961. – С. 487–555.

38. *Гачев, Г.* Русский Эрос. «Роман» Мысли с Жизнью / Г. Гачев. – М. : Интерпринт, 1994. – 297 с.

39. *Герберштейн, С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. – М. : МГУ, 1988. – 430 с.

40. *Гинзбург, Л.* О литературном герое / Л. Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1979. – 223 с.

41. *Горелов, А. А.* Лесков и народная культура / А. А. Горелов. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1988. – 294 с.

42. *Горький, М.* Несобранные литературно-критические статьи. / М. Горький ; ред., введ., примеч. С. М. Брейтбурга. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1941. – 550 с.

43. *Гроссман, Л. П.* Н. С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика / Л. П. Гроссман. – М. : Гослитиздат, 1945. – 320 с.

44. *Гунн, Г.* Очарованная Русь / Г. Гунн. – М. : Искусство, 1990. – 288 с.

45. *Днепров, Э. Д.* Женское образование в России / Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева ; под общ. ред. : Т. Н. Храпунова. – М. : Дрофа, 2009. – 286 с.

46. Домострой, 3-е издание / под ред. В. В. Колесова, В. В. Рождественской. – СПб. : Наука, 2007. – 400 с.

47. *Другов, Б. М.* Н. С. Лесков: Очерк творчества / Б. М. Другов. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 190 с.

48. *Дурылин, С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / С. Н. Дурылин ; сост. А. Резниченко и Т. Резвых. – СПб. : Владимир Даль, 2014. – 895 с.

49. *Дыханова, Б. С.* В зазеркалье волшебника слова (поэтика «отражений» Н. С. Лескова): монография / Б. С. Дыханова. – Воронеж: Воронежский гос. педагогический ун-т, 2013. – 204 с.
50. *Дыханова, Б. С.* В зеркале устного слова: (Народное сознание и его стилевое воплощение в поэтике Н. С. Лескова) / Б. С. Дыханова. – Воронеж, 1994. – 191 с.
51. *Евдокимова, О. Е.* Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова / О. В. Евдокимова. – СПб. : Алетейя, 2001. – 315 с.
52. *Забелин, И. Е.* Женщина по понятиям старинных книжников / И. Е. Забелин // *Опыты изучения русских древностей и истории.* – Ч. 1. – М. : Тип. Грачева и Комп., 1872. – С. 129–178.
53. *Золотусский, И. П.* От Грибоедова до Солженицына. Россия и интеллигенция / И. П. Золотусский. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 347 с.
54. *Зыбина, А.* Взгляд на значение женщины в исторической жизни народов / А. Зыбина. – М. : тип. В. Готье, 1870. – 175 с.
55. *Изер, В.* Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер // *Современная литературная теория. Антология.* – М. : Флинта, Наука, 2004. – С. 201–224.
56. *Кайдаш, С. Н.* Сила слабых. Женщины в истории России (XI–XIX вв.) / С. Н. Кайдаш. – М. : Советская Россия, 1989. – 288 с.
57. *Кардапольцева, В. Н.* Женщина и женственность в русской культуре / В. Н. Кардапольцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. горн. ун-та, 2005 (Полигр. предприятие Аграф). – 432 с.
58. *Костомаров, Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – М. : Республика, 1992. – 301 с.
59. *Лесков, А.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям / А. Лесков. – М. : Гослитиздат, 1954. – 684 с.
60. *Либан, Н. И.* Кризис христианства в русской литературе и русской жизни / Н. И. Либан // *Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды.* – М. : Прогресс-Плеяда, 2010. – С. 427–434.

61. *Лотман, Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарии / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1980. – 415 с.
62. *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
63. *Лотман, Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. – Т. IV (XVIII – начало XIX века) / Изд. А. Кошелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13–346.
64. *Маркадэ, Ж.- К.* Обзор некоторых неизданных рукописей Н. С. Лескова / Жак-Клод Маркадэ // *Leskoviana / A cura di D/ Cavaion e P. Cazzola.* Bologne: Clueb, 1982. – P. 237–239.
65. *Маркадэ, Ж.- К.* Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники / Жак-Клод Маркадэ ; пер. с франц. А. И. Поповой, Е. Н. Березиной, Л. Н. Ефимова, М. Г. Сальман. – СПб. : Академический проект, 2006. – 478 с.
66. *Мельник, В. И.* Гончаров и православие. Духовный мир писателя / В. И. Гончаров. – М. : ДАРЪ, 2008. – 544 с.
67. *Мережковский, Д. С.* О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе / Д. С. Мережковский // Л. Толстой и Достоевский ; подгот. текста, послесл. М. Ермолаева; коммент. А. Архангельской, М. Ермолаева. – М. : Республика, 1995. – 589 с.
68. *Милль, Дж. С.* Подчиненность женщины / Дж. С. Милль ; пер. с англ. с предисл. Ник. Михайловского и прилож. писем О. Конта к Д. С. Миллю по женскому вопросу. – СПб. : Изд-во С.В. Звонарева, 1869. – 255 с.
69. *Минеева, И. Н.* К проблеме интерпретации «древлепечатного» Пролога Н. С. Лесковым / И. Н. Минеева // *Русская историческая филология : Проблемы и перспективы.* – Петрозаводск, 2001. – С. 344–352.
70. *Михайлов, М. Л.* Сочинения в трех томах / М. Л. Михайлов ; под общей редакцией Б. П. Козьмина. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958.

71. *Михневич, В. О.* Русская женщина XVIII столетия / В. О. Михневич. – М. : Кучково поле, Гиперборея, 2007. – 256 с.
72. *Мишле, Ж.* Ведьма; Женщина : [Худож. исследования] : пер. с фр. / Жюль Мишле ; вступ. ст. В. Сапов. – М. : Республика, 1997. – 463 с.
73. *Мордовцев, Д. Л.* Русские женщины нового времени: Биографические очерки из русской истории / Д. Л. Мордовцев ; сост. Д. Мордовцев: [в 3 т.]. – СПб. : А. Черкесов и К., 1874. – [Т. 1] : Женщины первой половины XVIII века. XVI. – 367 с.
74. *Мосалева, Г. В.* Поэтика Н. С. Лескова / Г. В. Мосалева. – Ижевск, 1993. – 108 с.
75. Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. П. Видуэцкая. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 376 с.
76. Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении: Аким Волынский. Н.С. Лесков; Александр Измайлов. Лесков и его время / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. – СПб. : Владимир Даль, 2011. – 590 с.
77. *Надеждин, А.* Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве / А. Надеждин. – М. : Отчий дом, 2000. – 353 с.
78. *Нефедов, Г.* Таинство брака / Г. Нефедов. – М. : Паломникъ, 2007. – 92 с.
79. *Нефедов, Г.* Таинство и обряды православной церкви / Г. Нефедов. – М. : Русский хронограф : Паломник, 2005. – 320 с.
80. *Новикова, А. А.* Христианские основы мировидения и творчества Н. С. Лескова (К 170-летию писателя) / А. А. Новикова // Науч. альманах. – Сер. : Религиоведение. – Орел, 2003 – Вып. 2. – С. 98–110.
81. *Павлюченко, Э. А.* Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – М. : Мысль, 1988. – 296 с.
82. *Паперно, И. Б.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 207 с.
83. *Плещунов, Н. С.* Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне» /

Н. С. Плещунов. – Баку : Азернешр, 1963. – 191 с.

84. *Подгородников, М.* Литература у нас – есть соль (Н. С. Лесков) / М. Подгородников // «Они питали мою музу...»: Книги в жизни и творчестве писателей / Сост. С. А. Розанова. – М. : Книга, 1986. – С. 112–131.

85. *Поздина, И. В.* Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов / И. В. Поздина. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011. – 198 с.

86. *Пролог.* – М. : Синодальная типография, 1642–1643.

87. *Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Бедность как экономический принцип. Порнократия, или Женщины в настоящее время / П. Ж. Прудон ; подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. – М. : Республика, 1998. – 367 с.

88. *Пушкарева, Н. Л.* Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарева. – М. : Мысль, 1989. – 286 с.

89. *Пушкарева, Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX века) / Н. Л. Пушкарева. – М. : Ладомир, 1997. – 370 с.

90. *Розанов, В. В.* Религия и культура / В. В. Розанов. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. – 640 с.

91. *Рыбаков, Б. А.* Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 784 с.

92. *Рябов, О. В.* Русская философия женственности (XI – XX века) / О. В. Рябов. – Иваново, 1999. – 359 с.

93. *Савкина, И. Л.* Разговоры с зеркалом и зазеркальем : Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Л. Савкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 438 с.

94. *Семенов, В. С.* Николай Лесков. Время и книги / В. С. Семенов. – М. : Современник, 1981. – 303 с.

95. *Смыковская, Т. Е.* Национальный образ мира в прозе В. И. Белова / Т. Е. Смыковская. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 160 с.

96. *Соловьев, Вл. С.* Н. С. Лесков / Вл. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 605–606.

97. *Старыгина, Н. Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 352 с.
98. *Старыгина, Н. Н.* Лесков в школе / Н. Н. Старыгина. – М. : Владос, 2000. – 360 с.
99. *Столярова, И. В.* В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова / И. В. Столярова. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1978. – 231 с.
100. *Столярова, И. В.* На пути к преображению: человек в прозе Н. С. Лескова / И. В. Столярова. – СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та, 2012. – 327 с.
101. *Страхов, Н. Н.* Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» / Н. Н. Страхов. – СПб., 1871. – 42 с.
102. *Тишкин, Г. А.* Женский вопрос в публицистике на рубеже 50–60-х годов) / Г. А. Тишкин // Женский вопрос в России. 50–60-е годы XIX века – Л., 1984. – С. 59–133.
103. *Толстокорова, А. В.* От частного к общему : женская пространственная эмансипация в культуре и литературе эпохи модерна (конец XIX – начало XX веков) / А. В. Толстокорова. – Saarbrücken : Lambert Academic Publisher RU, 2016. – 128 с.
104. *Троицкий, В. Ю.* Лесков – художник / В. Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 216 с.
105. *Туниманов, В. А.* Лесков и Л. Толстой / В. А. Туниманов // Лабиринт сцеплений: Избранные статьи ; отв. ред. С. Н. Гуськов. – СПб. : Изд-во «Пушкинский дом», 2013. – С. 347–366.
106. *Тюхова, Е. В.* О психологизме Н. С. Лескова / Е. В. Тюхова ; под ред. В. А. Громова. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – 106 с.
107. *Фаресов, А. И.* Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А. И. Фаресов. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1904. – 411 с.
108. *Федотов, Г. П.* Стихи духовные. Русская народная вера по народным стихам / Г. П. Федотов. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
109. *Федотов, Г. П.* Судьба и грехи России: Изб. статьи по философии

русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. – СПб. : София, 1991.

110. *Франк, С. Л.* Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 512 с.

111. *Франк, С. Л.* Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – СПб. : Наука, 1996. – 740 с.

112. *Фроянов, И. Я.* Начало христианства на Руси / И. Я. Фроянов. – Ижевск: Удмуртский университет, 2003. – 276 с.

113. Христианская жизнь по Добротолюбию. Избранные места из творений святых Отцов и Учителей Церкви. – М. : Евроросс, СЕТА, Алфавит, 1991. – 216 с.

114. *Цитович, П. П.* Ответ на письмо ученым людям / П. П. Цитович. – Одесса : Типография Г. Ульриха, 1878. – 37 с.

115. *Чуднова, Л. Г.* Лесков в Петербурге / Л. Г. Чуднова. – Л.: Лениздат, 1975. – 256 с.

116. *Шагина, И. И.* Русские девушки / И. И. Шагина. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 346 с.

117. *Шатин, Ю. В.* Русская литература в зеркале семиотики / Ю. В. Шатин. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.

118. *Шашков, С. С.* История русской женщины. Издание второе, исправленное и дополненное / С. С. Шашков. – СПб. : типография А. С. Суворина, 1879. – 352 с.

119. *Шульгин, В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого / В. Шульгин. – Киев : тип. И. Вальнера, 1850. – 106 с.

120. *Щапов, Я.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII веков / Я. Щапов. – М. : Наука, 1989. – 232 с.

121. *Эджертон, В.* Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: (О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека») / В. Эджертон // Неизданный Лесков : в 2 кн. – М., 1997. – Кн. 1. – С. 614–637.

122. *Энгельс, Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1976. – 240 с.

123. Юкина, И. И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: Материалы к библиографии / И. И. Юкина. – СПб. : Алетейя, 2003. – 232 с.

Многотомные издания

124. Амфитеатров, А. В. Николай Семенович Лесков / А. В. Амфитеатров // Собрание сочинений: в 37 т. – СПб. : Просвещение, 1911–1916. – Т. 22: Властители дум. – С. 327–344.

125. Андреев, Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. / Д. Л. Андреев; сост. А. А. Андреева; ред. Б. Н. Романов. – М. : Московский рабочий : Урания, 1997.

126. Аннинский, Л. А. Почва правды / Л. А. Аннинский // Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : АО Экран, 1993. – Т. 3. – С. 5–16.

127. Аннинский, Л. А. Русский космос Николая Лескова / Л. А. Аннинский // Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : АО Экран, 1997. – Т. 4. – С. 5–

128. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Виссарион Григорьевич Белинский. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1953–1959.

129. Безобразова, М. В. О Русском женском взаимно-благотворительном обществе / М. В. Безобразова. – СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1898. – 11 с.

130. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 1 / Н. М. Гальковский. – Харьков: Епарх. тип., 1916. – 388 с.

131. Буслаев, Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб. : Издание Д. Е. Кожанчикова : Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 2. – С. 238–268.

132. Бухштаб, Б. Я. Н. С. Лесков (1831–1895) / Б. Я. Бухштаб // Лесков Н. С. Собр. соч. : В 6 т. / Под общей редакцией Б. Я. Бухштаба. – М. : Правда, 1973. – Т. 1. – С. 3–42.

133. Вернадская, М. Н. Назначение женщины / М. Н. Вернадская // Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. – СПб., 1862. – С. 94–146.

134. *Гоголь, Н. В.* Собрание сочинений: в 7 т. / Николай Васильевич Гоголь. – М. : Художественная литература, 1967.

135. *Гончаров, И. А.* Собрание сочинений: в 8 т. / Иван Александрович Гончаров. – М. : Художественная литература, 1952–1955.

136. *Горький, А. М.* История русской литературы. Т. 1 : Архив А. М. Горького / М. Горький ; под общ. ред. И. К. Луппола. – М. : Гослитиздат, 1939. – 340 с.

137. *Громов, П. П., Эйхенбаум, Б. М.* Н. С. Лесков (Очерк творчества) / П. П. Громов, Б. М. Эйхенбаум // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1956–1958. – Т. 1. – М. : ГИХЛ, 1956. – С. 5–60.

138. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : ТЕРРА, 1995. – Т. IV. – 688 с.

139. *Достоевский, Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Дневник писателя / Федор Михайлович Достоевский ; [Редкол. : Г. М. Фридлиндер (гл. ред.) и др. ; Вступ. ст. Г. М. Фридлиндера ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)]. – Л. : Наука, 1995. – 783 с.

140. *Достоевский, Ф. М.* Собрание сочинений: в 20 т. / Федор Михайлович Достоевский. – М. : Терра, 1998.

141. *Ильин, И. А.* О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. III. – М. : Русская книга, 1997. – С. 170–181.

142. История женщин на Западе: в 5 т. – Т. 2: Молчание Средних веков / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро ; под ред. К. Клапиш-Зубер ; пер. с фр. под ред. Р. А. Гимадеева ; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. – СПб. : Алетейя, 2009.

143. *Писарев, Д. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / Дмитрий Иванович Писарев. – М. : Наука, 2000–2013.

144. *Писарев, Д. И.* Реалисты / Д. И. Писарев // Писарев Д. И. Сочинения в четырех томах. – М. : ГИХЛ, 1955. – Т. 3. – С. 7–138.

145. *Раевский, С.* Публицистика Н. С. Лескова начала 60-х годов / С. Раевский // Ученые записки Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А. И. Герцена. – Т. XXXII. – Ч. 2, 1958. – С. 137–160.

146. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого / М. Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – Т. 9. – М. : Худож. лит., 1970. – С. 335–343.

147. *Сементковский, Р. И.* Николай Семенович Лесков. Критико-биографический очерк / Р. И. Сементковский // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 36 т. – 3-е изд. – Т. 1. – СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1902–1903. – С. 5–20.

148. *Столярова, И. В.* Лесков и Россия / И. В. Столярова // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 1. – С. 7–100.

149. *Тотубалина, Н. И.* «Некуда»: примечания / Н. И. Тотубалина // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 2. – С. 711–726.

150. *Федоров, Н. Ф.* Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) / Н. Ф. Федоров // Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. – 518 с.

151. *Щапов, А. П.* Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России / А. П. Щапов // Щапов А. П. Соч. : в 3 т. – СПб., 1906. – Т. 2. – С. 55–101.

Статьи в периодических изданиях

152. *Анкудинова, О. В.* Художественное выражение этической концепции Н. С. Лескова 90-х годов (о полемике Лескова с Толстым в рассказе «По поводу Крейцеровой сонаты») // Вестник Харьковского университета. – № 217. – Харьков : Изд-во при Харьков. гос. ун-те, 1981. – С. 43–49.

153. *Аннинский, Л. А.* Блажные и блаженные Николая Лескова /

Л. А. Аннинский // Вопросы литературы. – М., 1988. – №7. – С. 189–198.

154. *Артемьева, Н.* Женщины и наука / Н. Артемьева // Женское образование. – 1876. – № 7. – С. 307.

155. *Введенский, А. И.* Современные литературные деятели. П. Николай Семенович Лесков / А. И. Введенский // Исторический вестник. – 1890. – Т. 40. – № 5 (май). – С. 393–406.

156. *Венгерова, З.* Феминизм и женская свобода / З. Венгерова // Образование. – 1898. – № 5–6. – С. 73–90.

157. *Веселовский, А.* Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви / А. Веселовский // Беседа. – 1872. – № 3. – С. 245–299.

158. *Власкин, А. П.* Заочный диалог Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского по проблемам религиозности и народной культуры / А. П. Власкин // Русская литература. – 2003. – № 1. – С. 16–48.

159. *Волконский, С. М.* Высшее образование женщин в России / С. М. Волконский // Образование. – 1893. – № 7–12. – Отд. 2. – С. 83–91.

160. *Головачева, О. А.* О языке и стиле произведений Н. С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» / О. А. Головачева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 2. – 2009. – М. : Изд-во МГОУ. – С. 3–11.

161. *Дмитриев, А. П.* «Православие и русская литература» в публикациях последних лет / А. П. Дмитриев // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 255–269.

162. *Долинина, И. В.* Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н. С. Лескова / И. В. Долинина // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. – Иваново, 2010. – Т.1. – №1. – С. 67–73.

163. *Дурылин, С. Н.* Н. С. Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества / С. Н. Дурылин. – Москва. – 2011. – № 2. – С. 114–137.

164. *Евдокимова, О. В.* Диалог Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским: Рассказ Н. С. Лескова «По поводу “Крейцеровой сонаты”» как образ памяти писателя / О. В. Евдокимова // Достоевский и мировая культура : альманах. – М. : Классика плюс, 1999. – № 13. – С. 95–110.

165. *Ефименко, А. Я.* Крестьянская женщина / А. Я. Ефименко // Дело. – 1873. – № 2. – С. 173–207.
166. *Кольцова, Ю. Н.* Духовные искания Н. С. Лескова. Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 70-х годов / Ю. Н. Кольцова // Вестник Московского университета. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 4. – С. 87–95.
167. *Лебедева, О. А.* Ключевые метафорические женские образы в романе Н. С. Лескова «Некуда» // Вестник Московского государственного университета печати. – 2015. – № 4. – С. 63–66.
168. *Либан, Н. И.* Из спецкурса «Творчество Н. С. Лескова» / Н. И. Либан // Русская словесность. – 1995. – № 6. – С. 17–22.
169. *Лихачева, Е.* Женское движение за последнее десятилетие / Е. Лихачева // Отечественные записки. – 1880. – № 3. – С. 27–33.
170. *Минеева, И. Н.* Записная книжка Н. С. Лескова с выписками из «Прологов» (опыт текстологического комментария) // Проблемы исторической поэтики. – 2015. – № 13. – С. 401–420.
171. *Минеева, И. Н.* Материалы к издательскому проекту «Пометы Н. С. Лескова в “Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа (СПб., 1864)”: Описание. Комментарии. Интерпретации» / И. Н. Минеева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2011. – № 6. – С. 113–125.
172. *Михневич, В. О.* Женское правление и его противники / В. О. Михневич // Исторический вестник. – 1882. – № 2. – С. 261–271.
173. *Муретов, М. Д.* Христианский брак и Церковь / М. Д. Муретов // Богословский вестник. – 1916. – Т. 3. – № 10–12. – С. 182–230.
174. *Надеждин, Н. Н.* Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц / Н. Н. Надеждин // Новый мир. – 1902. – № 92. – С. 290–295.
175. *Некрасова, Е.* Женские врачебные курсы в Петербурге / Е. Некрасова // Вестник Европы. – 1882. – № 12. – Т. 6. – С. 807–845.
176. *Патрин, В. И.* Образ семьи в раннем творчестве Н. С. Лескова /

- В. И. Патрин // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 3. – С. 309–315.
177. *Песковский, М. А.* Университетская наука для русских женщин / М. А. Песковский // Русская мысль. – 1886. – № 11–12. – С. 42–65.
178. *Песковский, М. А.* Основа организации высшего образования женщин / М. А. Песковский // Русская мысль. – 1887. – № 1. – С. 11–12.
179. *Приказчикова, Е. Е.* Русская женщина и книга в контексте библиофилического мифа эпохи Просвещения / Е. Е. Приказчикова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №17 (155). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 32. – С. 56–63.
180. *Протопопов, М. А.* Большой талант / М. А. Протопопов // Русская мысль. – 1891. – № 12. – С. 258–298.
181. *Протопопов, В. П.* <В. В.>. У Н. С. Лескова / В. П. Протопопов // Петербургская газета. – 1894. – № 66 (9 марта).
182. *Румянцев, А. Б.* Н. С. Лесков и русская православная церковь / А. Б. Румянцев // Русская литература. – 1995. – №1. – С. 212–217.
183. *Сайтова, З. Р.* Русские женские характеры в прозе Н. С. Лескова / З. Р. Сайтова // Вестник Башкирского университета. – 2006. – № 4. – С. 112–115.
184. *Сетик, Г. В.* Религиозно-философская идея жизни в логике Н. С. Лескова // Гуманитарные исследования. – Уссурийск, 2000. – № 4. – С. 351–354.
185. *Стебницкий, М.* [Лесков Н. С.] Русский драматический театр в Петербурге / Н. С. Лесков // Отечественные записки. – 1866. – № 12. – Кн. 2. – Отд. 2. – С. 258–266.
186. *Тайманова, Т. С.* «Фефела» Н. Лескова : «Орлеанская дева» vs «Орлеанская девственница» / Т. С. Тайманова, Е. А. Легенькова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – №2 (3). – Т. 16. – С. 720–724.
187. *Тамарченко, Г. Е.* «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова / Г. Е. Тамарченко // Вопросы литературы. – 1972. – № 9. – С. 94–119.
188. *Троицкий, В. Ю.* Духовный и зримый идеал женщины у Лескова / В. Ю. Троицкий // Литература в школе. – № 2. – М., 1991. – С. 8–13.

189. Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. – 1887. – № 7. – С. 1–38. ; – № 8. – С. 33–35.
190. *Фаресов, А. И.* Из воспоминаний о Н. С. Лескове / А. И. Фаресов // Свободным художествам. – 1910. – № 1. – С. 26–29.
191. *Фаресов, А. И.* О Лескове / А. И. Фаресов // Книжки недели: Ежемесячный литературный журнал. – СПб., 1900. Май. – С. 195.
192. *Харламов, И.* Женщины в русской семье / И. Харламов // Русское богатство. – 1880. – № 3. – С. 59–107; – № 4. – С. 57–111.
193. *Хворова, Л. Е.* Опыт прочтения одной известной повести Н. С. Лескова (к 180-летию со дня рождения писателя) / Л. Е. Хворова // Вестник ТГУ : Гуманитарные науки. Проблемы современной филологии. – 2011. – Выпуск 12 (104). – С. 656–664.
194. *Цебрикова, М.* Гуманный защитник женских прав / М. Цебрикова // Отечественные записки. – 1879. – № 2.
195. *Чередникова, М. П.* Древнерусские источники повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» / М. П. Чередникова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XXXII. – Ленинград : Наука, 1977. – С. 361–369.
196. *Чуйко, В.* Современные женщины писательницы / В. Чуйко // Наблюдатель. – 1889. – № 4. – С. 23–50.
197. *Шашков, С.* Новости женского дела / С. Шашков // Дело. – 1871. – №11. – С. 145.
198. *Шашков, С.* Хроника женского дела / С. Шашков // Дело. – 1872. – №5. – С. 1.
199. *Шляпкин, И.* К биографии Н. С. Лескова / И. Шляпкин // Русская старина. – 1895. – № 12. – С. 212.
200. *Щепкина, Е. Н.* Женщины в русских университетах / Е. Н. Щепкина // Вестник Европы. – 1912. – № 9. – С. 362–377.
201. *Юкина, И.* Дискурс женской прессы XIX в. / И. Юкина // Женские и гендерные исследования. – № 5. – СПб, 2000. – С. 32–40.
202. *Яусс, Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения /

Х. Р. Яусс ; предисл. и пер. с нем. Н. А. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

Диссертации, авторефераты диссертаций

203. *Ангелова, Н. В.* Типология русского характера в художественном мире Н. С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. В. Ангелова. – Мичуринск, 2008. – 274 с.

204. *Барковская, Ю. В.* Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н. С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. В. Барковская. – М., 2005. – 192 с.

205. *Вязовская, В. В.* Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Виктория Викторовна Вязовская. – Воронеж, 2007. – 196 с.

206. *Головачева, О. А.* Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. А. Головачева. – Брянск, 2016. – 538 с.

207. *Данилова, Н. Ю.* Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Надежда Юрьевна Данилова. – СПб., 2011. – 30 с.

208. *Долинина, И. В.* Н. С. Лесков 1870-х гг.: Тип художественного мышления и динамика жанров : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Долинина Ирина Вячеславовна. – Иваново, 2001. – 216 с.

209. *Иванова, Т. Н.* «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова: романы «Накануне» и «Некуда» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. Н. Иванова. – Орел, 2001. – 205 с.

210. *Игнатьева, А. В.* Эволюция образа русской женщины в творчестве В. Г. Распутина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. В. Игнатьева. – Сургут, 2008. – 224 с.

211. *Ильинская, Т. Б.* Феномен «разноверия» в творчестве Н. С. Лескова :

дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Т. Б. Ильинская. – СПб., 2010. – 370 с.

212. *Казакова, Т. В.* Жанровое своеобразие романов Н. С. Лескова 60-начала 70-х годов XIX столетия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Казакова. – Харьков : Харьковский гос. ун-т, 1996. – 169 с.

213. *Карченкова, Т. А.* Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века : дис. ... канд. истор. наук : 07. 00. 02 / Т. А. Карченкова. – Омск, 2004. – 237 с.

214. *Косых, Г. А.* Праведность и праведники в творчестве Н. С. Лескова 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Г. А. Косых. – Волгоград, 1999. – 224 с.

215. *Куланина, О. В.* Стилистические функции диалектизмов в произведениях Н. С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Куланина. – М., 1999. – 231 с.

216. *Макаревич, О. В.* Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н. С. Лескова второй половины 1870-х –1890-х гг. : вопросы проблематики и поэтики : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 / О. В. Макаревич. – Нижний Новгород: «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 2014. – 26 с.

217. *Макарова, Е. А.* Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Макарова. – Томск, 1993. – 181 с.

218. *Малиночка, Л. Н.* А. П. Чехов и Н. С. Лесков: проблема преемственности : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л. Н. Малиночка. – Тверь, 2008. – 179 с.

219. *Минеева, И. Н.* Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. Н. Минеева. – СПб., 2003. – 24 с.

220. *Мухтарова, Д. Р.* Традиции Н. С. Лескова в творчестве В. М. Шукшина : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. Р. Мухтарова. – Тюмень, 2009. – 162 с.

221. *Неустроев, Д. В.* «Очарованный странник» Н. С. Лескова: генезис и

поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. В. Неустроев. – М., 2006. – 180 с.

222. *Новикова, А. А.* Религиозно-нравственные искания в творчестве Н. С. Лескова 1880–1890х гг. : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / А. А. Новикова. – М., 2003. – 493 с.

223. *Печерская, Т. И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века : Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики : дис. ... д-ра филол. наук : 10. 01. 01 / Т. И. Печерская. – Новосибирск : Изд-во «Нонпарель», 1999. – 299 с.

224. *Реклинг, И. В.* Художественная концепция личности в творчестве Н. С. Лескова 60-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10. 01. 01 / И. В. Реклинг. – Армавир, 1999. – 199 с.

225. *Садовская, А. М.* Лесков и театр : дис. ... канд. иск. наук : 17. 00. 08 / А. М. Садовская. – СПб. : Российский институт теории искусств, 1995. – 162 с.

226. *Сидяков, Ю. Л.* Публицистика Н. С. Лескова 1870-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. Л. Сидяков. – Тарту, 1987. – 16 с.

227. *Снегирева, И. С.* Типология характеров праведников в романе-хронике Н. С. Лескова 1870-х годов: «Соборяне», «Захудалый род» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. С. Снегирева. – Орел, 2002. – 211 с.

228. *Федотова, А. А.* Поэтика поздней прозы Н. С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. А. Федотова. – Ярославль, 2012. – 209 с.

229. *Чередниченко, Л. В.* Проблема нигилизма в русской литературе начала 70-х годов XIX века: Н. С. Лесков «На ножах», Ф. М. Достоевский «Бесы» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л. В. Чередниченко. – М. : Московский пед. ун-т, 1996. – 244 с.

230. *Хан Нам Су.* Роман Н. С. Лескова «Обойденные» в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Хан Нам Су. – СПб. : С-Петербур. ун-т, 1997. – 24 с.

231. *Яхненко, Е. В.* Жанровые традиции древнерусской литературы в творчестве Н. С. Лескова : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Яхненко. – М., 2003. – 200 с.

Материалы конференций, сборники статей

232. *Агеева, Е. А.* «Лексинские доживалки» в творчестве Н. С. Лескова: (По материалам архива писателя в РГАЛИ) / Е. А. Агеева // *Женщина в старообрядчестве : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители.* – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – С. 152–158.

233. *Алексеев, П. П.* Православная духовность романа Н. Лескова «Соборяне» / П. П. Алексеев // *Литература и культура в контексте христианства : тр. 2 Междунар. науч. конф., Ульяновск, 16-18 июня 1999 г..* – Ульяновск, 1999. – С. 62–63.

234. *Ауэр, А. П.* Салтыков-Щедрин и Лесков: (к поэтике русской сатиры второй половины XIX века) / А. П. Ауэр // *М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков.* – М. : Наследие, 1998. – С. 159–180.

235. *Барковская, Ю. В.* Особенности произведений Н. С. Лескова на темы Пролога / Ю. В. Барковская // *Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное : межвузовский сб. науч. тр. ; редкол. : Лекант П. А. (отв. ред.) и др.* – М. : Московский гос. обл. ун-т, 2006. – С. 105–106.

236. *Богаевская, К. П.* Лесков Н. С. Из неизданной переписки: (Публ., вступ. ст. и примеч.) / К. П. Богаевская // *В мире отечественной классики : сб. ст.* – М. : Художественная литература, 1984. – С. 367–392.

237. *Богданов, В. Н.* С. Лесков в русской литературе / В. Богданов // *В мире Лескова : Сб. статей.* – М. : Советский писатель, 1983. – С. 8–57.

238. *Богданович, А. И.* Лесков – писатель – анекдотист / А. И. Богданович // *Богданович А. И. Годы перелома. 1895–1906: сб. критических статей.* – СПб. : Мир Божий, 1908. – С. 76–84.

239. *В мире Лескова : сборник статей / Ред.-сост. В. Богданов.* – М. : Советский писатель, 1983. – 370 с.

240. *Видуэцкая, И. П.* Гоголь и Лесков: (К вопросу о творческой преемственности) / И. П. Видуэцкая // *Гоголь и литература народов Советского Союза.* – Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1986. – С. 128–146.

241. *Видуэцкая, И. П.* Н. С. Лесков: пафос практического переустройства жизни и воспитания человека / И. П. Видуэцкая // Очерки русской культуры XIX века. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 373–413.

242. *Видуэцкая, И. П.* Толстой и Лесков. Нравственно-философские искания (1880–1890-е годы) / И. П. Видуэцкая // Толстой и литература народов СССР. – Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1978. – С. 146–159.

243. *Видуэцкая, И. П.* Чернышевский и Лесков: (Из литературной полемики 60-х годов) / И. П. Видуэцкая // Чернышевский и литература народов Советского Союза. – Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1988. – С. 120–146.

244. *Волынский, А. Н.* С. Лесков / А. Волынский // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / Отв. ред . О. Л. Фетисенко. – СПб. : Изд-во Владимир Даль, 2011. – С. 40–154.

245. *Головачева, О. А.* Тема стыда и стыдливости в публицистике Н. С. Лескова: лексико-стилистический аспект // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. – М., 2009. – Вып. 3. – С. 81–89.

246. *Горелов, А. А.* Праведники и «праведнический» цикл в творческой эволюции Н. С. Лескова / А. А. Горелов // Лесков и русская литература. – М. : Наука, 1988. – С. 39–61.

247. *Жирунов, П. Г.* Аксиологическая триада в контексте творчества Н. С. Лескова: К вопросу о религиозности писателя / П. Г. Жирунов // II пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура : Материалы Второй научно-методической конференции (15–16 апреля 2004 г.). ; под редакцией д. ф. н., профессора И. Г. Минераловой. – М. : МПГУ, 2004. – С. 119–126.

248. *Жирунов, П. Г.* Особенности поэтики произведений цикла «проложных» легенд Н. С. Лескова / П. Г. Жирунов // Проблемы этико-художественной преемственности в литературе. – Арзамас : АГПИ, 2006. – С. 150–159.

249. *Жолнеркевич, Н. Н.* Осмысление концепта «русская культура» в контексте гендерных исследований / Н. Н. Жолнеркевич // XXI век: актуальные

проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол. : В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Минск : БГУ, 2004. – С. 167–170.

250. *Зись, А. Я.* Художественная коммуникация и рецепция как ее завершающее звено / А. Я. Зись, М. С. Стафеецкая // Художественная рецепция и герменевтика: теории, школы, концепции (критические анализы): сборник / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. Ю. Б. Борев. – М. : Наука, 1985. – С. 168–201.

251. *Зырянов, О. В.* Христианская религиозность в структуре феномена русской литературной классики / О. В. Зырянов // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2009. – Ч. 1. – С. 7–13.

252. *Измайлов, А.* Лесков и его время / А. Измайлов // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. – СПб. : Изд-во Владимир Даль, 2011. – С. 157–435.

253. *Каццола, П.* К проблеме изучения диалога в произведениях Николая Лескова / П. Каццола // Книга и литература. – Новосибирск, 1997. – С. 123–131.

254. *Коробкова, А. А.* Мотив слепоты и прозрения в рассказе Н. С. Лескова «Павлин» / А. А. Коробкова // Сравнительное и общее литературоведение. – М., 2006. – Вып. 1. – С. 176–185.

255. *Курляндская, Г. Б.* Лесков и Л. Н. Толстой / Г. Б. Курляндская // Творчество Н. С. Лескова : межвузовский сб. науч. трудов. – Курск : Курский гос. пед. институт, 1986. – С. 86–111.

256. Лесков и русская литература: сборник статей / Отв. ред. К. Н. Ломунов., В. Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1988. – 255 с.

257. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 1: Творчество Н. С. Лескова: прошлое, настоящее, будущее: Международный сборник научных трудов: Материалы первой международной научной интернет-конференции / Науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. : НИП «ВФК», 2008. – 295 с.

258. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 2: Творчество Н. С. Лескова: Международный сборник научных трудов: Материалы второй международной научной интернет-

конференции / Науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. : НИП «ВФК», 2009. – 193 с.

259. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 3: Творчество Н. С. Лескова в современном изучении: Международный сборник научных трудов: Материалы первой международной научной интернет-конференции / Науч. ред. Д. В. Неустроев. – М., Орел : НИП «ВФК», 2010. – 336 с.

260. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 4: Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика: Международный сборник научных трудов: Материалы международной научной конференции (г. Москва, 21–23 ноября 2011 г., Российский государственный архив литературы и искусства): Сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. : НИП «ВФК», 2011. – 341 с.

261. *Лукьянчикова, Н. В.* Произведения Н. С. Лескова и агиография: диалог-интерпретация / Н. В. Лукьянчикова // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2009. – Ч. 1. – С. 175–178.

262. *Макарова, Е. А.* Круг чтения как отражение культурной интуиции писателя: (На материале библиотеки Н. С. Лескова) / Е. А. Макарова // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1997. – Вып. 19. – С. 98–100.

263. *Макарова, Е. А.* Житийная традиция в миропонимании Н. С. Лескова / Е. А. Макарова // Проблемы литературных жанров. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 228–233.

264. *Мартыненко, З. М.* К вопросу о духовных исканиях Н. С. Лескова / З. М. Мартыненко // Славяне. Письменность и культура. – Смоленск, 2002. – С. 34–42.

265. *Минеева, И. Н.* Византийская легенда в творчестве Н. С. Лескова: (Повесть «Прекрасная Аза») / И. Н. Минеева // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. – Петрозаводск, 2001. – С. 129–134.

266. *Мюллер де Морог, И.* Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Н. С. Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Сб. науч. трудов. – Вып. 2. – Петрозаводск, 1998. – С. 442–454.

267. *Новикова, А. А.* Н. С. Лесков о религиозной жизни России / А. А. Новикова // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы.

– Орел, 2004. – С. 21–24.

268. *Озерова, Н. И.* Мудрое смирение: влияние книги Екклесиаста на концепцию смысла бытия в хронике Н. С. Лескова «Захудалый род» / Н. И. Озерова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск, 2005. – Вып. 4. – С. 381–399.

269. *Попова, О. В.* Русский национальный характер в хронике Н. С. Лескова «Соборяне» / О. В. Попова // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : X Виноградовские чтения : сборник статей Международной научной конференции, 15-17 ноября 2007 года. – М., 2007. – Т. 2. – С. 134–138.

270. *Проконова, И. В.* Аксиома о лесковском сказе. К вопросу о принципах изображения индивидуального сознания / И. В. Проконова // Наука – вуз – школа. – Челябинск ; Магнитогорск, 1995. – С. 82–85.

271. *Прокофьев, Н. И.* Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова / Н. И. Прокофьев // Лесков и русская литература. – М. : Наука, 1988. – С. 118–149.

272. *Прокофьева, И. О.* Об особенностях сатирической прозы Н. С. Лескова / И. О. Прокофьева // Инновационные проблемы филологической науки и образования : материалы регион. науч.-практ. конф., 16 дек. 1998 г. – Уфа : Баш. ун-т, 1999. – С. 106–109.

273. *Пульхритудова, Е. М.* Достоевский и Лесков (К истории творческих взаимоотношений) / Е. М. Пульхритудова // Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство: Сб. статей / Сост. В. Я. Кирпотин. – М., 1971. – С. 87–138.

274. *Растягаев, А. В.* Особенности поэтики «Жития одной бабы» Н. С. Лескова / А. В. Растягаев // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. П. Видуэцкая. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 106–112.

275. *Романенко, А.* Заметки Лескова о литературе / А. Романенко // В мире Лескова: сборник статей / Ред.- сост. В. Богданов. – М. : Советский писатель,

1983. – С. 364–366.

276. *Савелова, Л. В.* Евангельский фон в структуре повести Н. С. Лескова «Юдоль» / Л. В. Савелова // Литература и христианство. – Белгород, 2000. – С. 66–68.

277. *Селезнев, Ю.* Лесков и Достоевский / Ю. Селезнев // В мире Лескова: Сб. статей ; сост. В. Богданов. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 123–148.

278. *Старикова, М. Н.* К проблеме женских типов в произведениях Мельникова, Островского, Лескова / М. Н. Старикова // Художественное творчество и взаимодействие литератур. – Алма-Ата, 1985. – С. 56–62.

279. *Старыгина, Н. Н.* Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции / Н. Н. Старыгина // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. – Петрозаводск, 1998. – Вып. 2. – С. 203–221.

280. *Старыгина, Н. Н.* «Душа в мятущихся страстях»: (Образы женщин в антинигилистических романах Гончарова, Лескова, Достоевского) / Н. Н. Старыгина // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова и др. – Ульяновск : ГУП «Обл. тип. “Печатный двор”», 1998. – С. 196–206.

281. *Старыгина, Н. Н.* Образ праведника как художественное воплощение христианской концепции человека / Н. Н. Старыгина // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: материалы. – М., 1998. – С. 112–121.

282. *Столярова, И. В.* Нравственно-эстетическая позиция Н. С. Лескова в «рассказах кстати» («По поводу “Крейцеровой сонаты”», «Дама и фефела») / И. В. Столярова // Нравственно-эстетическая позиция писателя: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. М. Головкин. – Ставрополь : СтавроГПИ, 1991. – С. 82–99.

283. Творчество Н. С. Лескова: Межвузовский сборник научных трудов / отв. Ред. Г. Б. Курляндская. – Курск : КГПИ, 1986. – 153 с.

284. Творчество Н. С. Лескова в контексте русской и мировой литературы: Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной

100-летию со дня смерти писателя. Орел, 5–7 сентября 1995 / Отв. ред. Е.В. Тюхова. – Орел : ОГПУ, 1995. – 95 с.

285. *Троицкий, В. Ю.* Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования) / В. Ю. Троицкий // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. П. Видуэцкая. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 31–42.

286. *Федь, Н. М.* Художественные открытия Лескова / Н. М. Федь // Лесков и русская литература: сб. ст. – М. : Наука, 1983. – С. 21–38.

287. *Филатова, Н. А.* Агиографическая традиция в художественной картине мира в повести Н. Лескова «Житие одной бабы» / Н. А. Филатова // Картина мира в художественном произведении. – Астрахань, 2008. – С. 23–25.

288. *Хализев, В.* Лесковская концепция праведничества / В. Хализев, О. Майорова // В мире Лескова: сборник статей; сост. В. А. Богданов. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 196–232.

289. *Шатин, Ю. В.* Жанровый тип и художественная целостность произведения (на материале «Левши» Н. С. Лескова) / Ю. В. Шатин // Типологические категории в анализе литературного произведения как целого : сб. науч. тр. – Кемерово : КГУ, 1983. – С. 14–21.

290. *Шкута, Г. А.* Агиографические источники рассказа «Котин доилец и Платонида» / Г. А. Шкута // Диалог культур. – Барнаул, 2004. – С. 110–118.

Учебные пособия, справочные издания

291. *Видуэцкая, И. П.* Николай Семенович Лесков: в помощь преподавателям, старшеклассниками абитуриентам / И. П. Видуэцкая. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 96 с.

292. Женский вестник [Спб., 1866—1868] // Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – С. 479–481.

293. *Пономарев, С. И.* Наши писательницы : Библиографический словарь русских писательниц, князя Н. Н. Голицына / С. И. Пономарев. – СПб. : тип. Имп. акад. наук, 1891. – 78 с.

294. *Троицкий, В. Ю.* Николай Семенович Лесков (1831–1895) / В. Ю. Троицкий // История русской литературы XIX века. 70–90-е годы ; под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. – М. : МГУ, 2001. – С. 163–215.

295. *Успенская, В. И.* Женщина и общество: литература по женскому вопросу, изданная в России во второй половине XIX – начале XX века : Библиографический указатель. 2-е изд., переработанное / В. И. Успенская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – 34 с.

Электронные ресурсы

296. *Ефремова, В. В.* Н. С. Лесков и книга / В. В. Ефремова // Виртуальная лаборатория «Николай Семенович Лесков» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=39&Itemid=31#_edn2.

297. *Шелаева, А. А.* Из истории «Северного вестника»: Н. С. Лесков и редакционный круг / А. А. Шелаева // Медиаскоп: электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – Вып. №4. 2012 г. : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1221>.

Литература на иностранном языке

298. *Cazzola, P.* Les « parents » dans le monde poétique leskovien : la grandmère, l'oncle, le neveu / Piero Cazzola // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 321–329.

299. *Edgerton, W. B.* Leskov moraliste malin / William Edgerton // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 271–280.

300. *Edgerton, W. B.* Nikolai Leskov: the Intellectual Development of a Nonconformist: doc. dissertation for Columbia Un. / William Edgerton. – 1954. – 370 p.

301. *Gery, C.* Psychopathes d'autrefois de Nikolai Leskov et la mise en question du réalisme / C. Gery // Герменевтика литературных жанров. – Ставрополь, 2007. – С. 114–128.

302. *Grimstad, K. A. Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov / Knut Andreas Grimstad.* – Bergen : University of Bergen, 2007. – 256 p.
303. *Jolles, A. Formes simples / André Jolles.* – Paris, Éditions du Seuil, 1972. – 213 p.
304. *Lantz, K. A. N. S. Leskov / Kenneth A. Lantz.* – Boston : Twayne Publishers, 1979. – 166 p.
305. *Marcade Jean-Claude. La reception de Leskov par B. M. Ejxenbaum // Revue des etudes slaves.* – 1985. – Vol. 57. – № 57–1. – P. 159–168.
306. *Marcadé, J.-C. Les légendes chrétiennes de Leskov / Jean-Claude Marcadé // Revue des études slaves.* – 1988. – V. 60. – № 1. – P. 169–176.
307. *McLean, H. Nikolai Leskov. The Man and His Art / Hugh McLean.* – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1977. – 796 p.
308. *Mückle J.Y. Henry Landsdell, Leskov and Tolstoy: The Russian Travels of an English 'Missionary Prospector' between 1874 and 1888 /7 Neue Zitschr. fur Missionswissenschaft.* 1978. – Bd. 34, N 4. P. 291–308.
309. *Muller de Morogues, I. N. S. Leskov : Premières polémiques / Inès Muller de Morogues // Cahiers du monde russe et soviétique.* – 1982. – V. 23. – №2. – P. 243–255.

Записная книжка Н. С. Лескова
с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др.; с записями пословиц и изречений; выписками из «Сборника Кирши Данилова», Талмуда и др.

Место хранения: Российский государственный архив литературы и искусства
(г. Москва)

Шифр: ф. 275, оп. 1; ед. хр. 109

Крайние даты: 1893–1894

Количество листов: 33

1 лист

Из писем Л.Н. Толстого к разн. людям

К А.З

Жениться всякому взрослому и желающему жить хорошо человеку, непременно нужно; но жениться никак не по любви, а непременно по расчету, только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т.е. жениться без чувственной любви, а по расчету, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать жить человеческой жизнью.

[помета Лескова внутри текста: Из Шопенгауэра]

1888 г.

Суждение княгини Марьи Алексеевны о женитьбе известно: жениться молодым без достаточного состояния, – пойдут дети, нужда, прискучат друг другу, через 1, 2 –10 лет, пойдут ссоры, недостатки, – ад. И во всем этом княгиня Марья Алексеевна совершенно права и предсказывает верно, если только

1 лист (оборот)

у этих женищихся людей нет другой, одной, единственной цели, неизвестной княгине Марье Алексеевне. И цели не головной, не рассудком признаваемой, а составляющей свет жизни, достижение которой волнует более, чем все другое. Есть это – хорошо, *женитесь сейчас же*, [опущено Лесковым – А. К] и кн. Мр. Ал. останется в дураках. А нет этого, – из 100 шансов – 99, что, кроме несчастья, от брака ничего не выйдет.

К Д. Х.

Определять словами ничего не надо и незачем. Зачем проводить черту, которая отдаляет от меня одних и приближает других?.. Чтобы не было ложных братьев? Но они тут-то и будут, когда видят формулу, под которую им можно подделаться (а такой формы нет, под которую нельзя подделаться). Одно средство иметь

2 лист

ложных братьев – это всех считать братьями, заблудшими на время, но всякую минуту способными проснуться.

Сравнивают и почитают не развитых Лафонтена и Ив. Крылова, но “*lo bon homme*”. Лафонтен осмеял религиозные, политические и социальные суеверия, а Ив. Крылов написал «Сочинителя» и «Разбойники», где “всех бед виною” выставил «Сочинителя», осмеявшего целый мир нелепостей.

«Общество во все времена извиняло смелость порока, но не извиняло смелость мысли». Шер (ЧЛ. Траг., стр. 228).

«Каждый народ по-своему способен устраивать “культ гению”». Шер (Вольтер), стр. 245.

2 лист (оборот)

«Разве нужны цветы и оратор для украшения гроба? Живите! Шепчет нам смерть, живите, я скоро приду». Вергилий.

Бомарше был призн. боец и спекулянт, а «умер кротко и спокойно, как

добронравное дитя, которому Отец сказал: иди спать!». (Шер)

«Не женись, если хочешь жить без забот». Менандр.

9/VI. 93 в Мерикюле маленькую девочку Машу (дочь Бормана) спросили (5 лет): пойдет ли она замуж? Она отвечала: пойду. За кого же? – Не знаю. За Костю?.. – Нет: Костя дерется. – Так за Петра? (братъ 2х нет) За Петра попробуй? – Только он еще неподходящий жених. – Отчего? У него еще штанов нет».

После она же говорила:

3 лист

Против русских «китов» – миродержцев, поговорка арабская.

«Мир стоит (держится) на четырех вещах: знании мудрых, справедливости смелых, милосердии добрых и мужестве храбрых».

Мир ожидает такой книги, с которой «определительно и вполне точным языком будет сказано, что такое Бог, что такое мир, что такое душа и имеет ли человек критериум истины; что она нам объяснит: как может существовать зло в мире, Создатель которого всемогущ и всеблаг; в каких случаях людские дела определяются судьбой и в каких свободною волею; откуда мы пришли, какая цель нашего существования и что будет с нами после» (Дреппер ч. I, 279).

3 лист (оборот)

В религии женщины стоят за все те наставления и за обряды, п. ч. «женщины не понимают целомудренной наготы и женская нагота правды их напасть. Это лежит в их природе» (Шер. 264).

«Единый Бог спросит травников: где же твои товарищи?». Магомет

«Имп. Константин (св.) выбил медаль, на которой вычеканен титул его; как «Бога», вместе с монограммой Христа, и возвел порфиновый столб в 120 фут. на вершине кот. статуя, соединявш. в себе солнце, Спасителя и императора. Корпус ее /статуи/ составлял колоссальное изображение Апполлона, черты лица кот. были заменены чертами Константина, а вокруг головы, в сиянии были прибиты гвозди от креста Спасителя, найденные пред тем в Иерусалиме» (Дреппер, 240).

4 лист

Папа Бонифаций VIII говорил (покаянно на суде), что «Мы должны говорить так, как верит народ, а верить так, как немногие. Божеств. закона нет, существование Троицы – ложь, которой верить глупо; рождение от девы – нелепость, поскольку невозможное; будущая жизнь есть мечта» (Дреп. II, 75)

«Судьбы ездят ночью на своих лошадях». Арабск. пословица.

«Отчаяние есть свободный человек, а надежда – невольник» (араб. пословица).

«Мерить на царский локоть», т.е. на оч. длинный аршин (арабск.).

«Очерк (жизни) нам дан, мы раскрашиваем картину жизни, как хотим» (Арабск. примирение свободы воли с предопределением)

4 лист (оборот)

Чем жизнь разумней и скучнее,

Чем меньше остается грез,

Тем слаще робкий шум берез

«Былая весна». К. Медведский («Нива», 93 г. 26)

«Наступит день, когда Рим будет свободный и праведный, назовет богом ни Цезаря, а Катона» (Лукаш)

Заговор Пизона имел своей целью «избавить Рим от Нерона и Нерона от самого себя. Эту фразу перечитывает свинье и она похожа на него. Ею же пользуются и нынче друзья смутной казни.

5 лист

В разъяснениях и толкованиях Л. Н. Т. есть “нечто неудобовразумительное” (как выразался ап. Петр об апостоле Павле), но он поднял современных ему людей на высоту недостижимую для пошлости, не восходящей выше соображения “выгодности и невыгодности”, и во всех людях тронутых им, наверное, уцелело если не убеждение, то сознание, что мы живем не так, как

следует жить, – это есть великая заслуга Толстого. Н. Л.

И борзая собака не может обогнать свою тень, (или) и орел не может взлететь выше атмосферы, которая его поддерживает; так и ум не может выйти за пределы той сферы ограничения, посредством которой осуществляется.

5 лист (оборот)

Для чего возможность мышления – мыслить значит обуславливать.
(Спенсер Г. V, 81.)

Федор Хр. и Абрам жид.

Запрещен цензурою за «младочитателя», который разъединяет христианских учеников и не позволяет «клином» учить их в своих школах. Цензура обнаружила этим свое удивительное невежество в истории, т.к. эта мера, которая тут описана, была установлена в IV в. императором Юлианом Отступником, и вызвала против него негодование христиан, и прот. этого свят. Григорий Назианзин возражал имп.

6 лист

Юлиану: «Разве ты единственный эллин!» (См. св. Григорий, Contra Yul. I, 107). Юлиан в насмешку «повел христиан в церкви, где толкуют Матвея да Луку» (Юлиан, Epist. 42).

Церковь в IV в. стояла за образование и «никто делаясь христианином не отрекался изучать языческих философов и по этому и восхищаются ими. Они были общим достоянием» и св. Григорий стоял за это (См. «Падение язычества», Г. Буасье. Москва, 1892. Стр. 87)

«Из всех мер, построенных против христианства эта была всех искуснее обдуманна, но она дала Юлиану врагов в обоих куль -

6 лист (оборот)

тах / стр. 88. гл. V./ и прибавлю от себя – поддержку со стороны русских цензоров времен Победоносцева и Феофтистова.

Tu deorum hominumgue Ayranne, Amore!

(О ты, Амур, тиран богов и людей)

Who ever lov'd, that lov'd not at first sight?

(Кто когда-либо любил, разве он полюбил не с первого раза?)

Shake speare.

As you like : т. III, 5

Из книги Иова (по Библии)

«Из внутреннего покоя приходит буря» (37 гл., 9 ст.)

«Люди стонут и вопиют от вельмож» (33 гл., ст. 9)

«От дыхания Божия происходит лед» (37 гл., ст. 10)

«У Бога великодушие страшное» (ст. 22)

«Кто пустил дикого осла на свободу,

7 лист

и кто разрешил узы онагру» (39 гл. 5)

Если бы я умер, – «тогда лежал бы и почивал с царями, строящими себе пирамиды (II, 13).

«Там незаконные перестают буйствовать и отдыхают уставшие в силах» (1 Ч).

«Узники не слышат голоса угнетателя (18) и раб свободен от господина своего».

«Первая дама» (по значению) в Париже была «креолка Жозефина» (Богарне) во время победы Наполеона в Неаполе (она только что вышла за него замуж).

Разные мысли: Что сильнее злоба или любовь? Надо полагать, что злоба, ибо люди часто готовы во вред себе делать зло другому, но во вред себе делают дела любви гораздо реже

~~Это надо изменить совсем наоборот~~

7 лист (оборот)

«В крайнем случае всегда возможно самоубийство. Видите ли вы пропасть? Это спуск к Свободе! Видите ли это тоже и в реку? В них скрыта Свобода! Видите ли это голое, кривое дерево? С его веток свешивается Свобода».

Вписка. (Нет этого в русском переводе писем к Луцилию)

Обряд бракосочетания в I в. (в 5 г.) состоял в том, что мужчина и девушка обещались друг другу в верности у подножия креста (См. Фаррар. Онисим и Юлия)

Художники не будут друзьями чистого христианства. Их ненависть к нему начата медняком Александром и серебряником Димитрием, делавшими статуи (Дважды) Ефесской

8 лист

богини, которые обвинили Павла в возмущении и привели его на суд, – То же и ныне было <?>и других.

18-го марта «Кирилин день» – смерть Ивана IV, «Бешеного» или Грозного, а 19-го марта задушение Агрипины второй по повелению Нерона, ее сына.

О царской власти и ее характере.

Тертуллиан: (2 в 7 к.) «Мы смотрим на него как на человека, на такого, кот. следует за Богом, то есть он свой дар он получит от бога».

Боссюэт: « Взгляните на государя в его кабинете, отсюда исходят повеления. Это образ Бога, котор. сидя на престоле в высоте небесной дает движение всей природе. Напрасно злые бы стали бы открываться». Bossued «Polit/дел, Ecrit.

8 лист (оборот)

Роскошь уничтожает наши нужды, а умеренность – наши наслаждения.

Человек сначала воспитывается как растение, потом как зверь, а покоится как ангел; но знание останавливается на курсе зве. ском. <?>.

Восточные пословицы

Бойся Бога и того, кто не боится Бога.

Бойся того, кто тебя боится.

Из Паскаля

«Говоря о природе разумеют ее только в том ее состоянии, которое известно».

«Можно иметь троякое отношение к истине: открыть истину, доказать ее и отличить ее от лжи».

Из апокриф. книги Еноха (гл. X)

«Истреби поколение стражей, ибо они угнетали сынов человеческих. Погуби всякого притеснителя. Тогда правда

9 лист

и справедливость будут процветать вечно и вся земля будет возделываться праведно и вся наполнится деревьями и плодами, и очистится от развращения, преступления, наказания и скорби.

Мир и справедливость выдвинутся между людьми на все дни и на все роды» (гл. VII к. и. Энох)

«Люди не для того сотворены, что записывать свои верования на бумаге, но для того, что бы быть честными и справедливыми».

«И видел стража адова стояща яко аспиды и очеса их яко свечи ~~потухши~~ потухли и зубы их обнажены в лице их: лучше бы не видел вас и не внял деяния ваши, ни племени моего кто приведет к вам» (окончание)

9 лист (оборот)

Иконы (изображения) «Суть обольщение сердца, которое их почитает» (Бытие об Аврааме и его отце Фаре) (гл. XI)

«Возвещу Бога, сотворшаго все, но той есть Б. истинный, иже убагри небеса и узлати солнце и усветлова луну и звезды и иссуши землю посреди вод, а тебя самого в глаголах положи» (сотворил говорящим)

«И течесте очи мои на страну овощника (Эдем) и видех ту мужа велики зело

(Адама) в высоту, страшно в ширину, бесприкладно зраком, сплетшаяся с женою и та сравняшеся с мужесцем зраце».

Из апокр. 12. Патриархов заветы. См. «Заветы Завуллона». Завуллон не взял своей части от цены полученной за Иосифа от измаильтян, а Симеон и Гад

10 лист

и у братьев взяли, и купили сапоги себе и женам и детям, сказавши: «Не будем употреблять ее на пищу, п. ч. это цена крови, но будем попить ее».

Надпись на английском ордене «подвязки» пишется по-французски:

«Honi soit qui mal y pense»

Это по-английски изображается так: «For shame wo shims bad of it»

Жога <?> упоминается у Гиббона в «Ист. разруш. и упадка», т. VII, стр. 146 (русск. пер. Солдатенкова 1886 г. Москва) Был татарский вождь (астраханской орды), восставший против 3-го кипчакского хана.

«В чхании его возблистает свет». Иов. 41, 9.

«Не буди правдив вельми, не мудрися излише, да некогда изумишися» Екл. VII, 1 в.

10 лист (оборот)

«Бич в руках Фурии служит к наибольшему ее невежеству». Апулей «Золотой Осел». Мен. 870, стр. 273.

Из «Кирши Данилова» о старине. LIV «Высота поднебесная»

«Было беззаконство великое:

Старицы по кельям — родильницы,

Чернецы по дорогам — разбойницы,

Сын с отцом на суд идет,

Брат сестру с собой спать водит»

В пчелином улье старшею бывает матка, но для того у нее нет жала (Ришелье)

«Кто удалился в свою комнату, тот еще не одинок» (Байрон. Д. Жуан. II т.

188 купл.)

«Несчастье не враг людям, а учитель» (из Корана)

11 лист

Из дневника Амиеля

Люди вообще как бы прикованы к тюрьме и привычны к своим обязательствам.

То, что реже всего случается это верность ума, общее состояние мыслей есть путаница, и общее состояние сердец есть страстность, при которой невозможно без справедливости и открытости.

Человек животное своевольное и жадное, которое пользуется своею мыслию, чтобы удовлетворять своим наклонностям.

Большая часть людей только запутавшиеся мотки и это их положение неисправимо, потому что оно им нравится.

11 лист (оборот)

Переряживайся во что хочешь, Рабство – все же эт. горькая чаша! Лор. Стерн «Сент. пут.»

«Скверен тот ветер, который никому не подует ничего [не ?] забрав»
(Послание британских рыбаков)

Поверье об «Упавшем образе» идет из Рима, со времен язычества: перед гибелью Нерона «Лары упали во время жертвоприношения» (Фарар)

Нерон был оплакан иезуитом и он же украшал цветами его могилу. Распутный Отгон, обжора Виталий, свирепый Домициан, изнеженный Гелиогабал и грубый Коммод считали его (Нерона) своим «идеалом» и «героем». Народ верил, что он «жив».

12 лист

Из Боккаччо (Декамерон)

Д. 10. Новелла 10 (Гвальтьери и Гризельда)

«И в бедные хижины спускаются с неба божественные духи, как в царственные покои такие, которые были бы достойнее пасти свиней, чем властвовать над людьми»

Заключение (Боккаччо)

«Ни один испорченный ум никогда не понял здраво ни одного слова».

«Нет такого мастера, исключая Бога, который всякое бы дело делал хорошо и совершенно».

«Нет поля столь хорошо обработанного, в котором ни находилось бы крапивы и терния, смешанных со злаками».

«Всякая вещь сама по себе годна для чего-нибудь, а дурно употребленная может принести вред многим».

12 лист (оборот)

Амиель

Природа хочет что бы мы были обмануты, или, освободившись от обмана поступали все таки как обманутые (Амиель)

«И ложные слухи в народе показывают стремление этого народа к известной цели».

Еп. Порфирий Успенский «Книга бытия моего», т. 1, стр. 357.

«Времена языка уже кончились» (Левит. 383)

«Кто знает, быть может, жизнь это смерть, а смерть – жизнь». Эврипид (480
‡ 406)

Из сочинений Нила Сорского

«Писания многа, но не вся божественна суть».

«Испытую божеств. писания и тем внимаю и яже согласна моему разуму

13 лист

теми поучаюся и живот и дыхание мое имею»

Надлежит «рассмотреть» труды св. мужей и подвижников прежде, чем

брать их в пример для себя и даже самые добрые дела творить «с рассуждением и во благо время и подобными мерами».

Из сочинений «Бернард – де Сен – Пьера»

«Праведное небо посылает жестоким людям ужасную религию» (Paul et Virginie)

«Чтобы снискать покровительство знатных необходимо служить их честолюбию или их забвению» (левит)

«Бог и род человеческий нуждаются только в человеческой доброте» (левит)

«Кто сумеет взрастить лишний сноп на хлебном поле принесет им больше

13 лист (оборот)

пользы, чем тот, кто подарит их (людей) лишнюю книгою».

«Евангелие, это лучшая из книг, которая проповедует равенство дружбы, гуманность и согласие, служила в течение веков поводом к беснованиям. И сколько тиранств на земле до сих пор совершается в ее имя!» (левит. Paul et Virginie)

«Можно говорить себе поминутно о всяком порядке, но о беспорядке нельзя» (левит)

«Государство подобно саду, в котором маленькое деревце не может вырасти, т.к. там ведь есть несколько слишком больших, которые отнимают у них свет и глушат их» (левит)

Фонвизин (Из писем его к сестре, из Франции, 1777 года)

«Правду сказать, народ здешний

14 лист

с природы весьма скотиноват и охотно зазевывается»

Сенека, из книги Гаст. Буасье, «Римская религия»

«О, бедность, какое ты малоизвестное благо!» Controv (стр. 120)

«Всех несчастнее тот, кто не знаком с несчастиями». Циник Деметрий (335)

«Сначала я перестал желать (тягаться), а потом перестал и уметь» (Epist. 49).

«Сенека не проповедует восстания, но предлагает взять отставку (345)

(Против похвалы) «Их всех криков я хочу слышать только крики боли, когда я буду сжимать ваши пороки» (Epist. 52)

«Люди становятся хуже, когда они соберутся вместе. Есть выздоравливающие до такой степени, ослабленные болезнью, что

14 лист (оборот)

им небезопасно выходить на открытый воздух, таковы и мы, так как души наши оправляются после продолжительной болезни. Нам вредно слишком долго оставаться в толпе. Каждое постороннее лицо прямо передаст нам свои пороки, они вкрадываются в нас без нашего ведома, и чем многочисленнее толпа, тем сильнее опасность (Epist. 7)

«Когда дело идет о том, чтобы помочь несчастным и утешить людей, потерпевших от кораблекрушения, больных, бедных и таких, у которых над головою висит топор – тогда есть о чем подумать кроме того что такое есть материя и причина и можно ли считать добро телом, или нет?». Ep. 48.

«Dies iste, quem Totumquam extremum rexormidos, aterni notalis est»

(Этот день, которого вы боитесь как последнего

15 лист

в своей жизни, в действительности есть первый день жизни вечной». Ep. 102.

«Equando amabis!» (Моралистам: Когда же вы полюбите?

«Qgid votis opus est? fac te ipso felicom (Зачем тебе молитвы? ты сам сможешь сделать себя счастливее). Ep. 31.

В сборнике «Избран. письма к Луцилию» изд. Суворина 1893 г. пропущ. письмо 95, где «Сенека вполне осуждает войну: «Почему наказывают человека, если он убьёт другого, а преступное истребление целого народа прославляют как

подвиг? Разве преступление меняет свое имя, если оно совершается в одежде войны».

Это пропущено!! (Epist. 95)

«Homo res sacra homiani» (Ep. 95)

15 лист (оборот)

Сочиненные божества: « Мы почитаем их, как Богов, но если бы они явились перед нами живые, мы бы убежали от них, как от чудовищ».

«Приставляют ему на спину крылья, право, люди было бы давно безумны, если бы они верили подобному».

«В храмах среди дня зажигают огонь. Боги не нуждаются в том, чтобы их освещали, а людям не полезно, чтобы их коптели». Ep. 95.

В 41-м письме суворинского издания нет того, что Сенека пишет о храме: «Бог находится возле каждого из нас, и каждый из нас носит его в самом себе. Берегитесь строить ему храмы, собирая кучи камней: достаточно выстроить ему жертвенник в своем сердце. Богу неизвестны служители: что бы Он стал делать с ними? и далее (Гастон Буасье, Римск. Рел. 395)

16 лист

«Гений или усман» – дядька, который сопровождает мальчишку в школу. То же самое ангел-хранитель.

«Доносчик Фегул часто приносил жертвы и у него были гаруспиции, с которыми он советовался. В свете его столько же знали за его набожность, сколько боялись его доносов». «Римск. религ.». Г. Буасье (463)

Маруиол (авт. похабн. – эти гром ли) «молился каждое утро» (Epiqr. IV, 90, 72 год)

Перевернуто

Потемкин на дороге в М <?> велел отпечатать молитвенник, что и исполнено. См. ст. Пыляева. 30 глав. 95 г. «Нов. Вр.»

Сенека был «враг брака», был женат два раза и во всю жизнь много любим

и ласкаем женщинами. Первую свою жену он «оплакивал», на 2-й Паулине «женился в старости», и она хотела убить себя с ним. Он говорил о женщине: Трудно сохранить

16 лист (оборот)

ту, которую многие желают, а которую никто не желает, с тою жить не престало.

«Любить чужую жену – преступление, а любить свою собственную – излишество».

(De matrimonio)

Синод «Общество (римских) актеров были оч. набожны. Ассоциации мимов и греческих атлетов имели во главе своей верховного жреца и дали себе название светлого синода (Авл Геллий, XX, 3).

«В некоторых случаях они выходили с торжественностью из своей «схолы» и шли по Риму, неся впереди знамена своих ассоциаций (541) Felicitos Temporum Из «Телемака», соч. Фенолона (Авг. 94)

(Как велось у царя Миноса на ост. Крите)

«Люди алчны и жадностью к излишеству делают себя несчастливymi. Если бы они умели ограничиваться удов...

17 лист

...летворением истинных надобностей, то везде царствовало бы изобилие, согласие и мир» (кн. V)

«Дети должны приучаться к жизни простой, воздержанной и деятельной. Всякая нега расслабляет душу. Вместо забав им надо предлагать подвиги и приучать их являть мужество не только в презрении смерти, но и в отвержении богатства и удовольствий. Три порока должны быть наказываемы: неблагодарность, притворство и сребролюбие» (Кн. V).

«Тихая и благоустроенная жизнь есть довольное возмездие за труд».

«Воспрещены должны быть драгоценные утвари, пышные одежды,

позлащенные дома и роскошные пиры».

«Мясо есть мало и то без приправ».

17 лист (оборот)

«Царь первый обязан своим примером предшествовать всем в строгой умеренности и в презрении роскоши, пышности и тщеславия. Отличаться он должен мудростью и доблестью (115), “но не прохладами неги”.

«Милос не хотел передать царство в наследие детям без неперемного от них обета царствовать по этим правилам» (116)

После Девколиона (сына Милосова) и Идоменея (внука), убившего своего сына и окончившего жизнь самоубийством, народ выбирает нового царя: «Созваны из всех ста городов знатнейшие граждане: приглашены знаменитейшие мужи «для испытания разума достойных верховной власти. - Приглашаются сюда и иностранцы» (V, 126)

Наузикрат приглашал Ментора и

18 лист

Телемака, говоря: «Идите и вы, странники! Станьте вместе со всеми на поприще соревнования» (122)

1) – «Кто свободнее всех?»

– «Тот, кто мож. б. свободен даже в рабстве, в ком умерло чувство страха и желание и кто покорен только Богам и разуму»

2) – «Кто несчастнее всех?»

– Тот, кто почитает себя несчастным (сказал мудрец из Лесбоса)

– Несчастлив государь, усыпленный в мнимом благополучии меж тем как народ его страдает. Он не чувствует утешения быть благодетелем человечества. Он несчастлив и достоин своего жребия», ск. Телемак и был признан победителем.

3) – Какой царь предпочтительнее: воинственный или способный править

18 лист (оборот)

в мире?

Телемак предпочел «мирного», ибо «царь, воспитанный в духе военном» разорит свою область и «какая же польза будет народу, что он покоряет чужие народы, а сам бедствует»

«Изгнаны из его страны роскошь и все и все искусства, которые дают пищу пороку».

Аристодем согласился на избрание царствовать с 3-мя правилами:

- 1) На 2 года. Если жители в 2 года не исправятся и будут нарушать законы, то он слагает с себя ц. звание.
- 2) Чтобы ему жить с прежнею простотою и
- 3) Чтобы дети его не получали ни каких отличий и достоинств, а оставались простыми гражданами.

19 листCredo in unum Deum.

Отче! подай мне силы избежать зла, сотворить благо и перенести испытание. Апулей

Из соч. Шопенгауэра «Мир. и. воля»

«Дух по самой природе своей – вольное существо; это не батрак; он делает только то, что он делает сам по себе и охотно».

Что такое Устои по определению Драгомирова: «Не при нас завелось, не при нас кончится; все так делают; моя хата с краю; я не реформатор; Еще места лишишься. Делать по старому безопаснее, а если побьют не велика беда. В бою всегда одну сторону бьют. Где все виноваты там никто не виноват – вот устои, на которых покоится ни одна пакость»

Из кн. Ритмиха (1893, 160)

19 лист (оборот)

Из либретто оперы Гуно «Филемон и Бавкида» (Filemon e Bauci)

«Мы не перестанем любить друг друга пока небо не призовет нас».

Из сочинений Сковороды (1894 г.)

«Умягчил если словеса твои паче еля и то суть стрелы» (195)

«Благовременный гнев есть любовь божия, а всевременная милость есть средство сатаны».

Всевол. Вл. Крестовский. Кн. «Свистун» о Сковороде см. «Русское слово» 1861 г. № 7–8.

Писал по поводу выпуска сочинений Сковороды в 1860 г. По собственному сознанию биографии Сковороды не читал: издевался над Г.П. Данилевским и И.И. Срезневским за то только,

20 лист

что они значились подписчиками на соч. Сковороды. Сравнил Сков. с «Хомою Брутом» (философом). Ему возражал Н. И. Костомаров в «Основе». Возражая Костомарову Вс. Крестовский говорил о Сковороде: «Вся его (Сковороды) учено-литературная деятельность представляется нам простым свистунам (курс. подл.) чем-то в роде взбитого крема, прежде приятного, но если положить его в рот, то от него ничего ровно питательного не остается» (См. предисловие харьк. проф. Д. И. Багалея к «Сочинениям Сковороды» Харьков, 1894. стр. XXXVI).

20 лист (оборот)

Тертулиан считает «истиной, не требующей доказательств, что цезари не могут быть христианами» (См. Г. Буасье. «Падение язычества», стр. 42.)

Из философии Григория Сковороды (Вопр. филос. май 1894 г. кн. 2).

«Благочестивое сердце (живет) между высыпанными курганами буйного безбожия и подлыми болотами рабострастного суеверия».

«Мудрецы очами бочут, а устами гогочут, красуются как обезьяны,

изменяются как луна, беспокоятся как сатана, жадны как водная болезнь, постоянны как море и ласковы как крокодил. И они люди, люди!»

«Кто слеп дома, тот и в гостях слеп».

21 лист

«Цыпленок зачинается, когда яйцо 2) портится, и так идет все до бесконечности».

1) «Бог нас сам одушевляет, кормит, распоряжает, починяет, защищает и опять разбирает».

«Желания воли вечной оделись в мысленности, мысленности – в виды, виды – в вещественные образы».

Конец Сковороды

Шлиман и р. детск. журнал «Игрушечка» № 4. – читаем: «Шлиман обогатился от поставок на русскую армию, во время крымской войны и стал миллионером. Т.к. ограбил солдат. Детский журнал хвалит, что он употребил деньги на раскопки в Трое! Все ли средства хороши и все ли знания полезны?

21 лист (оборот)

Их было два брата...

– Который же из них Каин?

– Право мы этим не интересовались.

Камень «Oculus mundi» или «око мира» имеет цвет столярного клея и мутен. Он редок.

«Die geisterwelt ist nicht ferschlossen; Dein sinn ist znideim gerz ist todt!

(т.е.) Духовный мир не заперт. Закрыта твоя способность ощущать – опустело твое сердце. Гетте.

Из книги Штейнгеля «Записки о Сибири», Лейпциг, 1878 г. стр. 18–19.

«По поводу соблазнительной истории, которую иркутские семинаристы сделали с своим ректором,

22 лист

известным архимандритом Иакинфом Бичуриным (ориенталистом) он поссорился с архиереем Вениамином и написал на него донос. Это случилось при Селифонтове. Св. синод перевел Иакинфа в Тобольск и наложил на него запрещение; а поступки архиерея (симония) предоставил исследовать комиссии. Исполнение этого поспело к назначению губернатором Трескина, который сжалился над архиереем и посадил в комиссию людей раболепных и точных исполнителей своей власти. Этим он архиерея спас, но за то открыто и беспощадно унижал его, всенародно показывая всем свое на него влияние. Дошло до того,

22 лист (оборот)

что в один торжественный день архиерей выслал проповедника говорить проповедь и для того на солее поставил аналой, но Трескин увидав это приготовление послал в алтарь городничего (?!) сказать, что «проповеди не надо», и аналой тотчас же унесли назад и проповеди не было».

Из книги «Новгородское возмущение» 1891 года. Записки очевидца полковника Панаева. Лейпциг. 1874.

«Во время суматохи я увидел, что старший священник наш, отец Лавр идет из города (Новгорода) в роту (стр. 30). Желая переговорить с ним и воспользоваться его

23 лист

знанием поселян и влиянием его духовного сана, я приказал остановить его и позвать к себе. Священник сказал, что он сам пойдет ко мне, но вместо того ударил по лошади и хотел ускакать. Ему переградили дорогу и ударив колом по голове его лошадь, раздробили священнику руку и притащили его мне. Священник, оторопев, начал оправдываться и божиться, что он ничего не знает (?). Чтобы прекратить шум, я приказал ему взять из часовни крест и выйти к поселянам. Но [так] как в часовне были только местные образа, то я взял икону с

гауптвахты, дал ее священнику в руки и приказал вынести на крыльцо к собравшейся толпе.

23 лист (оборот)

Я начал требовать, чтобы они дали мне присягу, что останутся верны государю, а они потребовали, чтобы я сам дал такое обещание. Я перекрестился и приложился к образу, а за мною и все поселяне стали прикладываться, и тут заметили, что священник держал образы ликами книзу, а ногами вверх (стр. 32)

«В субботу, 18 июля 1831 года убитых похоронили, а в воскресенье я назначил парад, а священнику Лавру приказал служить обедню, несмотря на то, что он из опасения побега, содержался при 2й роте на гауптвахте и рука у него была перебита» (44) – Служил он, понятно, без приготовления, но как он держал крест, и сосуд, и воздух в перебитой

24 лист

руке?!

Из той же книги о бунте.

Чудо, виденное массою

«Какая-то поселянка услышала шум на улице. Это ехал я (Панаев) в кабриолете убитого офицера Бутовича. Женщина вообразила, что это едет Бутович – перепугалась и сказала об этом своим семейным. Это распространилось и вдруг всем стало казаться, что они видят, как ездит Бутович».

Из народных сказок:

Птичка серебряная – хохолок золотой.

Дев. проглотила гороховое зернышко: завязался у нее от того в утробе ребеночек и растет как пшеничное тесто на дрож

24 лист (оборот)

жах... ~~Родился~~ Носила она его девять месяцев девять дней девять часов и девять минут – настолько побольше простых детей; а как родился он сразу в

школу пошел и всю школу которую учат десять лет он в один год прознал и не стало ему больше грамоты».

«Сонная река, а через нее калинов мост и под мостом дрема спит»

Повесил свои рукавицы и говорит: смотрите, их отсюда не трогайте: а когда на них кровь потечет, то значит мне худо.

В море годы клохчат.

Ночью выскочат из моря кувшинчик и пузырится, а потом

25 лист

на волне пляшет и качается: его не надо не бить, не брать, а надо на него плюнуть.

«Письма из России» Катерины Уильмот (1805–1807 гг.) Лейпциг. изд. 1876 г. тип. Касперович.

«Россия – отважный школьник: чтобы выиграть праздник она готова лечь под розги (стр. 93)

«Здесь все важное делается исподтишка и украдкою (стр. 88).

Вольфганг Герард «О состоянии русской армии в семилетнюю войну». Печ. в Лейпциге в 1863 г.

«Генерал Вильбоа – молодой господин, весьма способный и великого проицания, но сам признался, что у него при русских учреждениях, ко всему

25 лист (оборот)

охота пропадает, употребляя сии слова: «чорт их возми! здесь надлежит таким глупцом притворяться, каковы другие шуты, если не хочешь себе всех неприятелями сделать (стр. 27).

«Григорий Румянцев горяч и совсем умеренности не знает. Кн. Любомирский – вертопрашный человек, безрымышлен и безрассужден. Штофол – ученик покойного Бисмарка. Генерал Панин – ничего не понимает и в том сам признается говоря: «Для чего меня в генералы произвели! Я их о том не просил» (27).

«Бригадир Писмянинков – прекрасный человек. Фельдмаршал возлагает свою надежду на полковника Белова, который в военной службе в Саксонии находился и свой абшид получил не

26 лист

прося оного. Сей похож на бродягу, но один жителей целой страны между собою сравить может (28)

Трагед. «Макбет», перев. Сер. А. Юрьева.

Банко: Я не стремлюся честь удвоить

Я не боюсь утратить ту, какой владею

Ищу одно: – чтобы дух остался мой свободен

И чисто сердце, преданное долгу

Леди Макбет: Стыжусь я

Сердце безумное ее груди носит!

Макбет: Пролито вино до капли

Подонки лишь остались одни:

В подвале темном этой жизни

Подонками ли тешиться мы будем!

Ничего не кажи – тильки вздор в груди – бо печаль велика!

26 лист (оборот)

«Сетью уловляются веселящиеся о падении людей, и болезнь изнуряет их прежде смерти». Сирах. гл. 28. ст. 8.

«Ад и погибель не насыщаются»

Притчи Л. 27 ст. 20. Пс. 87. ст. 12

Танеев «На смерть М. Н. Каткова»

Убогого ц-я советник и учитель,

Архистратиг седой шпионов и попов

И всякой подлости ревнивый охранитель,

Скончался Михаил Никифорович Катков
 Над свежей падалью отребий олимпийских,
 Слился со всех сторон в гармонию одну
 Немолчный плач и вопль мерзавцев всероссийских,
 Гнетущих бедную и рабскую страну.

Черви с голубыми головками пожирают человеческий труп, а купидон уселся верхом

27 лист

на сладострастном воробье, который порхает посреди танцующих нимф. (Из буддийск. космологии)

Исаак Сирин. Кн. «Добротолюбие» еп. Феофана. Изд. Афонск. монастыря. Москва. 1884. Т. 2. стр. 703.

«Те, в которых воссиявает свет веры не доходят уже до того бесстыдства, чтобы просить у Бога в молитвах «дай нам это или возьми то» и не мало не заботятся себе самих» (703 пр. 40)

«Во всяком разумном естестве без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения (пр. 98, стр. 724)

115. «Смиренномудрый не смеет помолиться Богу, или просит чего либо и не знает о чем молиться

27 лист (оборот)

но молчит, ожидая милости божией, а осмеливается говорить только: по воле твоей, Господи, да будет со мною (311.)

127.) «Ум наш не во всякое время в состоянии бывает стоять на одном, – в иное время он не может и усмотреть того, что вредит ему» (323)

165) Хорошо богословствовать, но лучше сделать себя чистым (404)

275 (о казни) «Дела без милосердия то же, что заключение сына в присутствии его отца» (808)

279) «Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай, пусть на тебя клеветают, ты не клеветай» (О суде) «Судиться

28 лист

не христианского жития дело». Об этом нет и намека в учении христовом (805).

В Добротолюбии Феофана II, стр. 142, св. Иоанна Кассиона « о молитве» ελιούβιος читается над – сущный

Путь в Дамаск совершает всякий человек ищущий свет.

Из Талмуда

Ходит утка понуря голову, а глаза вокруг водит.

Когда любовь наша была сильна, ты лежал на острие меча – и нам хорошо было; а теперь, когда любовь ослабела – нам и на широкой постели тесно.

Когда вору нечего красть он живет как честный.

28 лист (оборот)

«Дерево для топорика тоже в лесу растет» (взросло)

«Старый верблюд, навьюченный шкурами молодых верблюжат»

«Ложись без ужина и вставай без долгов»

«Душа нуждается в поучении как земля в дожде»

«Одного мудреца спросили:

– Кого ты больше любишь: своего друга или своего брата?

Он ответил:

– Я склонен больше любить своего брата, который сделался моим другом».

(Из Талмуда)

«Человек упал в воду – вытащили его на берег, рыбу выбросило на берег – кинь ее назад в воду».

29 листГетге (Разговоры)

«Кто верит в будущую жизнь, пусть молча наслаждается этим счастьем; но у него нет основания воображать ее такою или иною» (95)

«Благочестивые люди подобно дворянам – считают себя некоторого рода аристократию». «Я буду очень доволен, если мне выпадет счастье, по окончании здешней жизни узнать другую; но я желал бы, чтобы со мною там не встречался никто из тех, которые здесь в нее верят. Иначе мне придется претерпеть мучения» (91)

«Стыдение преодолел нечистота». Грам. Мелетия

«Все, что попадает в сеть – есть рыба». Плавт.

29 лист (оборот)

Приведение. У привидений нос вытянутый, как у ворона после голодной зимы, а глаза блестят; волосы длинные, как девичьи косы.

Перевод колоколов по усопшим: по бедным на «Помилуй мя Боже», а по богатым – на «Верую» в 12 куплетов».

Разжалование богов

Август потеряв дважды флот во время бури запретил возить в процессиях статую Нептуна с другими богами. Этим он хотел наказать Нептуна. Геркулеса заключили, чтобы он не убежал к врагам.

30 лист

В Пашковой вере все хорошо, только для чего гусиный жир в лампы пущают.

При римск. императорах был Praeagustator – отведаватель кушаний, но это не спасло Клавдия от отравленного гриба.

30 лист (оборот)

«Кто для многих страшен, тот должен многих бояться».

«Если ты хочешь начать делать доброе дело или полон мер перестать делать злое, то не дожидайся других, что бы они начали, ибо другие тоже рассуждают по-твоему и дожидаются тебя»

«Не надевай такой одежды, которою можно величаться и возбудить зависть в других людях».

«Многие дают Петру то, что они сами взяли у Павла и думают, что они дают милостыню».

«Если человек говорит, что он умеет хорошо воевать, знай, что этот человек большой преступник»

Удерживай себя и других от насилия

31 лист

«Возлагайте ваши надежды на того, от кого вы не можете получить наследства». Августин

«Наследство» на старом русском языке «задница». «Тяжати о задницу» знач. иметь спор о наследстве. Опыт словаря древнейших речений Петрова (1832 г.)

32 лист

Был на всенощной.

Двор большой, ворота бороной заставлены.

Честь и место, садись до хвастай.

Всякая старина свою плешь хвалит.

Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?

Пришла свинья к коню и говорит: и ноги да кривы, и шерсть нехороша.

Из стоероса лежни кладут.

Произнес (выговор) не хорошо.

Пеликан – скрипач, все пиликает.

33 лист

Коса трубочата двухвосткой стала.